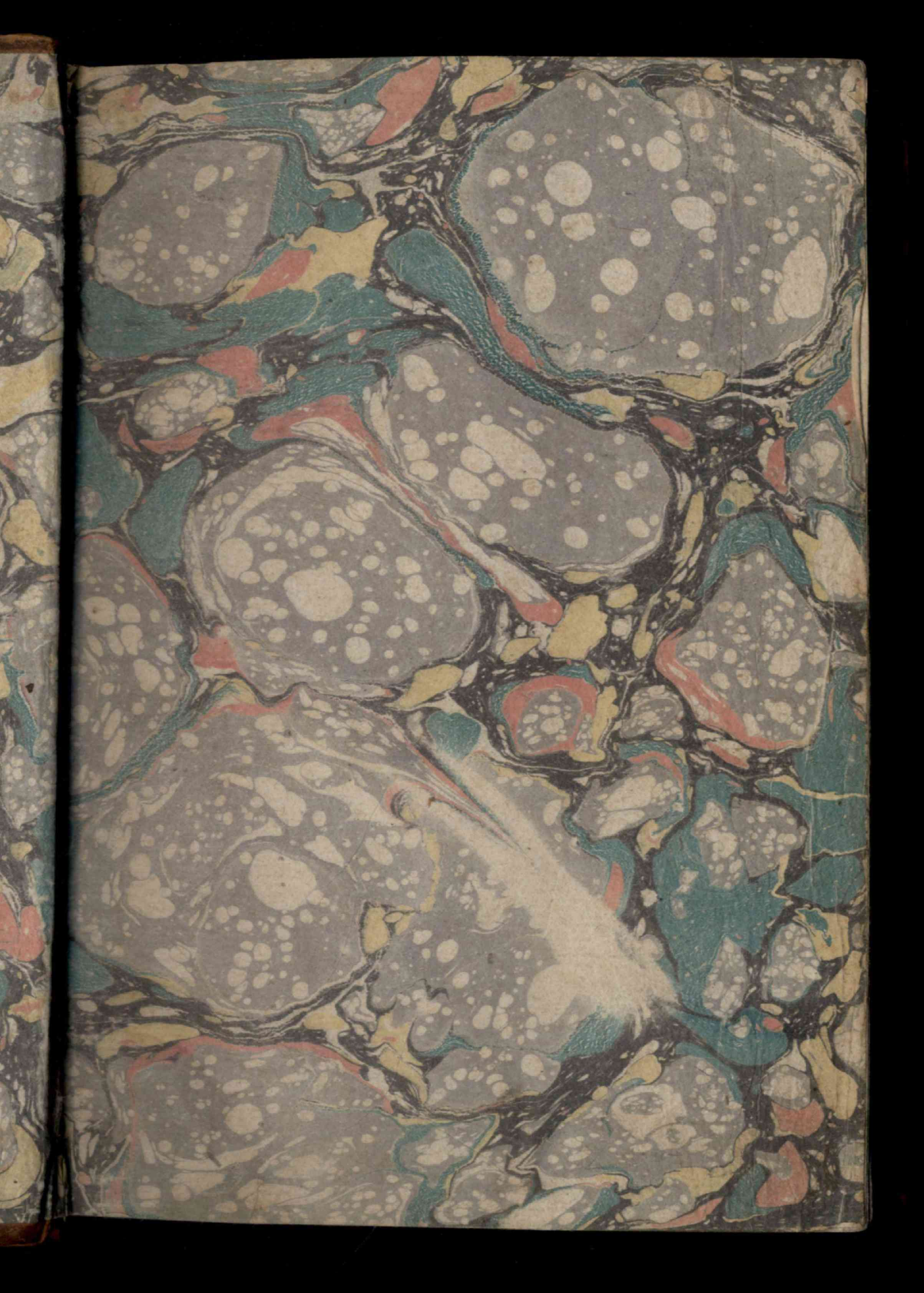
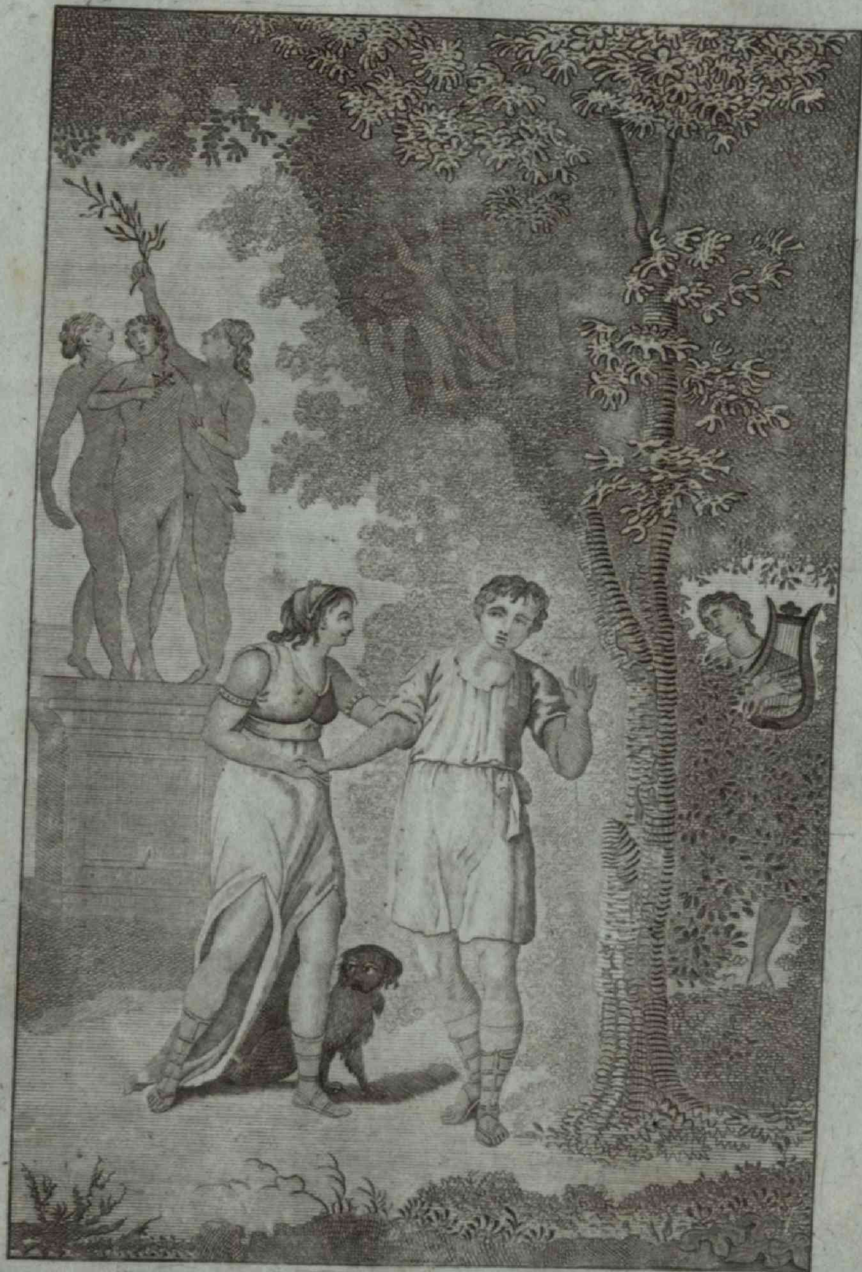

АНТЕНОРОВЫ ПУТЕШЕСТВІЯ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

Къ 3му Томъ.

АНТЕНОРОВЫ ПУТЕШЕСТВІЯ по ГРЕЦІИ и АЗІИ

съ

прибавленіемъ разныхъ извѣстій

о

ЕГИПТѢ.

Греческая рукопись, найденная въ Геркуланѣ, и переведенная на Французскій языкъ

Г. ЛАНТЬЕ.

съ картинками.

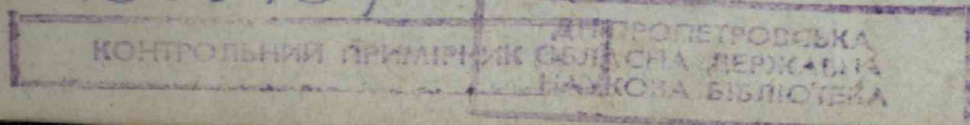
Переводъ съ послѣдняго Французскаго изданія — исправленнаго и пополненнаго.

Ament meminisse periti! *Virg.*

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

Изданіе второе.

МОСКВА,
Въ Типографіи С. Селивановскаго.
1814.

Первое изданіе печатано въ Москвѣ 1801 года въ Типографіи С. Селивановскаго, съ одобренія Санктпетербургской Цензуры.

АНТЕНОРОВЫ ПУТЕШЕСТВІЯ ПО ГРЕЦІИ И АЗІИ.

ГЛАВА I.

Философическія мысли Антеноровы. Прибытіе въ Вавилонъ. Нравы жителей сего города; ихъ мнѣнія о началѣ міра; ихъ храмы.

Финоръ, волнуемъ сладкими чувствованіями новаго удовольствія, скоро оставилъ меня и пошелъ гулять въ уединенныя рощицы; я сѣлъ посереди бота, желая насладиться пріятностію ночи.

Ни въ какомъ климатѣ не видалъ я такихъ прекрасныхъ ночей. Тонкія тѣни, подобно прозрачному флеру, разстилались на предметахъ, и не скрывая ихъ отъ взора, только закрывали до половины. Сквозь чистую

лазурь блистали звѣзды и мелькали; здѣсь онѣ казались мнѣ гораздо больше, нежели въ другихъ странахъ. Говорятъ, что Халдейцы были первые Астрономы въ свѣтѣ. Я этому вѣрю: мирные сіи и праздные пастухи, въ тихіе и спокойные часы прекрасныхъ ночей своихъ, должны были устремить взоры на сей великолѣпной сводъ небесъ, наблюдать теченіе звѣздъ, замѣчать ихъ перемѣны, и мало по малу составить теорію небесныхъ свѣтилъ.

Какія пріятныя впечатлѣнія очаровали душу мою въ сію минуту! Свѣжесть воздуха, шумъ волнъ, плещущихся кругъ бота, величественное зрѣлище звѣзднаго неба, и то очаровательное уединеніе, которое, оковавъ всѣ наши чувства, низводитъ насъ внутрь сердца, гдѣ мы существуемъ одни сами съ собою! Быстро летѣли мысли мои одна за другою то печальныя, то утѣшительныя. ,,Кто сотворилъ неизмѣримую сію громаду звѣздъ, солнцевъ, планетъ? — Богъ. — Кто Онъ? — Не постигаю. —

Онъ ли сотворилъ вещество? вѣчно ли оно? — Не знаю. А человѣкъ? какая неразрѣшимая загадка! Онъ страждетъ. — И за что? За свою ли вину? — Нѣтъ, безъ сомнѣнія. Но онъ рожденъ съ страстьми, и сіи страсти увлекаютъ его, и въ немъ тиранствуютъ. — Все ли хорошо въ мірѣ семъ? — Нѣтъ; человѣкъ мучится и воздыхаетъ. — Въ сію минуту я благополученъ; и все мнѣ кажется добро; но завтра и въ послѣдующіе дни, кто знаетъ, что меня постигнетъ? Обращу ли взоры кругъ себя: сколько нещастныхъ жертвъ срѣтаю повсюду! — Но скажутъ, что нещастія человѣческія есть неизбѣжное слѣдствіе того порядка и направленія, которое отъ вѣка дано вселенной — Какъ! ужели Сотворивый столько солнцевъ, столько міровъ, не силенъ былъ сотворить произведенія совершеннаго? уже ли не могъ иначе устроить всецѣлой гармоніи, какъ на щетъ моего благополучія? Не вѣрю. — Наши пороки, развратъ, гордость — вотъ причина всѣхъ нашихъ бѣдствій! — Но я ли далъ себѣ эти пороки, эту гордость?

Нѣтъ, они родятся въ душѣ моей точно такъ, какъ въ гниломъ болотѣ зараждаются змѣи и гады. — Для чего же человѣкъ существуетъ? самое его бытіе можно ли назвать благомъ? Исчислимъ недуги младенчества, страсти и заблужденія юности, печали и тягость дряхлости, болѣзни, тоску, заботы, раскаянія, которыя не оставляютъ насъ ни въ какомъ возрастѣ, всегда тиранствуютъ и мучатъ, наконецъ смерть, о коей одна мысль заставляетъ трепетать: вотъ роковое поприще, которое должны мы пройти въ жизни сей. Правда, и въ сіи пасмурные и скучные дни сверкаютъ иногда, какъ быстро пролетающая молнія, минуты радости и веселія, подобно какъ въ хладную туманную зиму проглядываютъ иногда ясные дни и оживляютъ умершую натуру." Сіи размышленія погрузили душу мою въ мрачное уныніе; къ щастію покойной сонъ прекратилъ ихъ; я былъ благополученъ во снѣ, естьли можно назвать благополучіемъ, когда не чувствуешь ни радости, ни печали.

По прибытіи въ Вавилонъ, мы были поражены удивленіемъ. Какой контрастъ между нищимъ Іерусалимомъ, и симъ *Царемъ* градовъ!

Евфратъ протекаетъ черезъ него въ великолѣпныхъ берегахъ. Мы шли подъ кровомъ пурпуровыхъ шатровъ; видѣли близь фонтановъ, въ густой тѣни, толпы людей, освѣжавшихъ себя прохладою воздуха и мороженымъ.

Отдохновеніе, вкусной столъ, жены и публичныя зрѣлища, составляютъ единственное занятіе празднолюбивыхъ Вавилонянъ. Вѣрность въ любви почитается у нихъ несноснымъ игомъ, закономъ противнымъ натурѣ. Одежда Персіянъ (*) есть длинной хитонъ изъ чистаго льну, падающій до самыхъ пятъ; на него надѣваютъ еще шерстяной, а сверху накидываютъ маленькую бѣлую мантію. Волосы отращиваютъ, на головѣ носятъ митру или чалму, и благовонными мазьми натираютъ все тѣло. У каждаго

(*) Вавилоняне были въ сіе время подъ игомъ Персіянъ.

на рукѣ перстень съ печатью; ходятъ съ тросточкою, на которой выдѣлано яблоко, или роза, или лилея, или что нибудь другое; а безъ всякаго отличительнаго украшенія не позволено носить тростей. Одежда у знатныхъ и богатыхъ вышита золотомъ, шелкомъ и пурпуромъ. Женщины особенно любятъ роскошь неслыханную: волосы у нихъ распущены, намащены благоуханными мазьми, переплетены цвѣточными гирляндами и драгоцѣнными каменьями. Никогда не увидишь ихъ пѣшкомъ на улицѣ; онѣ ходятъ только по коврамъ; въ ихъ садахъ алеи усыпаны самымъ мѣлкимъ пѣскомъ. Люди знатные гнушаются также ходить пѣшкомъ.

Я смотрѣлъ примѣчательнымъ взоромъ на прохожихъ; видѣлъ, какъ иные привѣтствуя себя взаимно, цѣловали одинъ другаго въ щеку, другіе въ губы, а иные падали въ землю. Такое различіе возбудило во мнѣ любопытство. Я скоро узналъ, что люди равнаго состоянія цѣловали другъ друга въ губы; когда же одинъ знатнѣе

другаго, то въ щоку; и наконецъ подчиненные должны были преклоняться до земли передъ вышшими.

Но слѣдующій обычай удивилъ насъ всего болѣе; на улицахъ и на площадяхъ нашли мы великое множество больныхъ; они спрашивали совѣта у прохожихъ, а сіи предписывали имъ лекарства, каждой по своему свѣдѣнію или невѣжеству. Фаноръ и я были призываны премногими больными: я предписалъ одному изъ нихъ, человѣку сырому и мокротному, чрезъ цѣлой мѣсяцъ, каждое утро на разсвѣтѣ, ходить пѣшкомъ за пятьдесятъ стадій отъ города, къ одному источнику, и выпивать по три большіе бокала воды. Недѣли черезъ двѣ я увидѣлъ его совершенно здоровымъ, съ свѣжею краскою въ лицѣ; онъ премного благодарилъ меня за мой совѣтъ, приписывая то цѣлебному свойству водъ, чѣмъ онъ обязанъ былъ движенію.

Мы спрашивали о причинѣ сего обыкновенія. Намъ сказали, что въ Вавилонѣ нѣтъ врачей по профессіи, и каждой имѣетъ право лечить или мо-

рить больнаго, какъ кому угодно. Не смотря на то, не льзя сказать, чтобы Вавилоняне чаще другихъ народовъ подвержены были болѣзнямъ, или бы жили не столь долго.

Фаноръ, съ утра до вечера бѣгая по городу, скоро сдѣлалъ знакомство съ однимъ изъ знатнѣйшихъ Сатраповъ; мы здѣсь изобразимъ его портретъ, и по немъ можно будетъ судить вообще о нравахъ Ассиріянъ.

Имя его Арзамъ: будучи одаренъ отъ природы умомъ, онъ всегда употреблялъ его во зло; обо всемъ судилъ неправильно; съ самаго младенчества окруженъ былъ наставниками и учителями, и ничего не зналъ, ничему не научился. Натура одарила его рѣдкою красотою и крѣпостію тѣлесною; но въ тридцать лѣтъ здоровье было потеряно, морщины покрыли увялое лице, и волосы не осѣняли уже его головы. Онъ получилъ въ наслѣдство несчетное имѣніе, но скоро вошелъ въ долги по уши; бывши прежде страстнымъ обожателемъ женщинъ, онъ ихъ не любилъ болѣе; никакая забава его не веселила: онъ

всѣми пресытился. Сельскія прелести казались ему единообразны; городскія забавы шумны и утомительны. Скоро его таланты унизились, истощились: въ обыкновенныхъ упражненіяхъ онъ обнаруживалъ себя безсмысленнымъ подражателемъ; не умѣлъ сказать ни одного умнаго слова, ни одной острой мысли, любилъ заимствовать отъ другихъ острыя шутки и рѣзкія мысли, но и тутъ не зналъ разбору, и часто слишкомъ обыкновенное принималъ за рѣдкость и щеголялъ тѣмъ, что уже давно всѣмъ опостыло. Въ пышности и роскоши не зналъ никакихъ границъ. Зрѣлища ему опротивили, люди наскучили, женщины не имѣли для него никакихъ прелестей, никакихъ пріятностей. Не смотря на то, онъ держалъ у себя отъ пяти до шести любовницъ, не пропускалъ ни одного зрѣлища, завалилъ свои палаты драгоцѣнными сосудами и картинами, строилъ пышные замки и въ городѣ и въ деревняхъ; но на все сіе смотрѣлъ съ такимъ же хладнокровіемъ, или лучше сказать, съ такою

же безчувственностію, съ какою большая часть людей, въ прекрасномъ климатѣ, подъ яснымъ небомъ, смотрятъ на великолѣпное свѣтило дня.

Онъ пригласилъ насъ на ужинъ къ Аземѣ, одной изъ своихъ любовницъ. „Не думайте, прибавилъ онъ, чтобъ мы здѣсь были такіе же дикари, какъ въ другихъ мѣстахъ Азіи. У насъ жены не въ заперти; онѣ съ нами вмѣстѣ, и могутъ ужинать съ иностранцами.“ Пришедши къ Аземѣ, онъ спросилъ, одна ли она? отвѣчали, что съ нею ея учитель музыки. Онъ усмѣхнулся. „Повѣрите ли, сказалъ онъ намъ, что этотъ пошлой музыкантъ, которой не больше какъ на четыре фута поднялся отъ земли, и гнусенъ какъ обезьяна, мой соперникъ, и соперникъ самой щастливой? Мнѣ весело смотрѣть на ихъ интриги, на ихъ маленькія украдки, съ какими они производятъ свои любовныя затѣи. Я притворяюсь, будто ничего не знаю; а въ самомъ дѣлѣ смотрю сквозь пальцы; мнѣ не хочется играть роли ревнивца.“

Азема была брюнетка, небольшаго росту, съ живою и выразительною физіогноміею; въ глазахъ блисталъ огнь сладострастія и ума; въ самомъ дѣлѣ она была очень не глупа, но слишкомъ много полагалась на умъ свой, и употребляла его во зло: о произведеніяхъ искусства и высокихъ талантахъ говорила всегда безъ разсудка и не вѣсила своихъ словъ; любила разсказывать, и пріятно было ее слушать; хотя и не всегда попадалось ей нужное и приличное слово. Она спросила у насъ, видѣли ли мы храмъ Ваала, верховнаго божества Ассирійскаго. — Видѣли, отвѣчалъ я; удивлялись неисчетнымъ его сокровищамъ, колоссальной статуѣ Вааловой, которая вышиною въ 40 футовъ; осматривали и обсерваторію, находящуюся въ срединѣ храма. — Я слыхалъ много любопытнаго о славномъ Юпитерѣ, сказалъ Арзамъ; сдѣлайте намъ удовольствіе, опишите его. — „Онъ находится въ Олимпіи, Пелопонезскомъ городѣ; изваянъ Фидіясомъ, однимъ изъ величайшихъ художниковъ; вышиною въ 60 футовъ; и

хотя онъ сидитъ на тронѣ, но почти касается потолка. — Такъ, что естьли бы онъ всталъ, подхватилъ Арзамъ, то бы поднялъ на себѣ крышку. — Ваша критика справедлива. Фидій изобразилъ вверху трона, надъ головою Юпитера, съ одной стороны трехъ Грацій, съ другой трехъ Горъ. Горы суть дщери Юпитера; онѣ охраняютъ врата небесныя. На базѣ, подъ ногами Юпитера, видны позолоченные львы и сраженіе Тезея съ Амазонками. Пьедесталъ, на которомъ утверждена вся сія огромная масса, украшенъ также различными фигурами. Художникъ изобразилъ тамъ на золотѣ съ одной стороны солнце на лучезарной его колесницѣ съ другой Юпитера и Юнону. Близъ Юпитера стоитъ Грація, за нею Меркурій, потомъ Веста. Венера является выходящею изъ нѣдръ моря; ее принимаетъ Купидонъ, и Пито или Богиня убѣдительности налагаетъ на главу ея корону: это вѣнецъ ея прелестей! Тамъ видны также въ барельефахъ Аполлонъ, Діана, Минерва и Геркулесъ.

„Сказываютъ, Фидіасъ, окончивъ чудесную свою работу, молилъ Юпитера, чтобы онъ удостоилъ подать ему знакъ своего благоволенія: вдругъ ударилъ громъ, и потрясъ основанія храма. Помостъ во храмѣ часто поливаютъ деревяннымъ масломъ, для предохраненія слоновой кости отъ влажности. Напротивъ того въ Аѳинахъ, во храмѣ Минервиномъ, стоящемъ на мѣстѣ высокомъ и сухомъ, поливаютъ помостъ водою, въ предосторожность отъ сухости.

„Сей *Юпитеръ* есть мастерское произведеніе художества, и почитается однимъ изъ чудесъ свѣта; когда на него смотришь, невольной страхъ объемлетъ душу; колѣна преклоняются; кажется, видишь самаго Бога. — „Я разскажу вамъ нашу *Козмогонію*, сказалъ Арзамъ, забавную повѣсть о Ваалѣ, Халдейскомъ Богѣ. Говорятъ, что Хаосъ породилъ множество чудовищъ, которыя были подъ властію нѣкоторой женщины, *Омерка* называемой. Ваалъ разсѣкъ сію женщину на

двѣ половины, и изъ нихъ сотворилъ небо и землю. Послѣ сего тотчасъ чудовища погибли. Потомъ Ваалъ, сотворя міръ и всѣхъ животныхъ, кромѣ человѣка, велѣлъ отрубить себѣ голову. Прочіе Боги окропили землю его кровію; и отъ того родились люди, одаренные разумомъ, и имѣющіе въ себѣ частицу божества." — Вамъ чудно покажется, сказала Азема, что этотъ великой Богъ былъ первымъ моимъ любовникомъ; онъ похитилъ мое дѣвство." — Я улыбнулся и сказалъ, что такое драгоцѣнное сокровище конечно не для *Смертнаго* создано... Но опишите мнѣ вашего Бога: Какой видъ принимаетъ онъ на себя, когда срываетъ такіе прекрасные цвѣтки? Юпитеръ, въ такомъ случаѣ превращается или въ вола, или въ лебедя, или въ орла, или въ золотой дождь.— Нашъ Ваалъ не столько перемѣнчивъ, сказала Азема, онъ всегда принимаетъ на себя видъ человѣка: каждую ночь удостоиваетъ своего ложа какую нибудь дѣвушку. Щастлива та, говорятъ жрецы, которая удостоится сей чести. Роса небесная ниспадетъ

на нее, и покровительство *Вышняго* осѣнитъ ее и ея семейство. Мать моя посѣдѣла въ этомъ заблужденіи; какъ скоро я пришла въ зрѣлой возрастъ, она поспѣшила въ храмъ, чтобъ принесть мое дѣвство въ жертву сему сладострастному божеству. Трое почтенныхъ жрецовъ сняли съ меня покрывало, осмотрѣли меня прилѣжно, потомъ поверглись передъ статуею Вааловою, и наконецъ объявили намъ, что моя жертва пріятна божеству. Какое щастіе для моей матери! Ей приказано привести меня въ третій лунный день, какъ скоро ночь сойдетъ на Вавилонъ. Когда настало назначенное время, я надѣла на себя праздничное платье, цвѣточную гирлянду на голову, напрыскала себя благоуханными водами, и пошла въ храмъ вмѣстѣ съ матушкою. Жрецъ принялъ насъ, и ввелъ во святилище; матушка посадила меня на великолѣпное ложе, и давши мнѣ нужныя наставленія, оставила одну въ темнотѣ, дрожащую отъ ужаса.

,,Полчаса спустя послѣ ея выходу, пріятнѣйшія благоуханія разлились по

всей храминѣ: это было знакомъ пришествія Ваалова. Своды разверзлись; яркое сіяніе ослѣпило взоры мои. Скоро потомъ занавѣсъ у постели самъ собою задернулся, и вдругъ сіяніе изчезло. Тогда я услышала стопы божества: онъ приближается и садится подлѣ меня. Холодной потъ разлился по всѣмъ моимъ членамъ; я обомлѣла. . . . Бѣдной богъ! какъ онъ мучился надо мною! . . . Послѣ, узнала я, что верховный жрецъ игралъ роль Ваала.

По утру на другой день пришла за мною матушка; она спрашивала меня съ нетерпѣливостію, удостоилъ ли меня Ваалъ своего посѣщенія. Я разсказала ей все, и матушка внѣ себя отъ радости, поздравляла меня съ моимъ щастіемъ. Этотъ случай подалъ мнѣ самое дурное мнѣніе о богахъ, разумѣется, въ *любовныхъ дѣлахъ*." — Фаноръ сказалъ ей, что естьли боги теряютъ въ ея объятіяхъ свое могущество, то покрайней мѣрѣ люди пріобрѣтаютъ въ нихъ божескія силы." — За этѣ учтивыя слова

малорослая брюнетка удостоила его благосклонной улыбки.

Послѣ того разговоръ склонился на другіе предметы; стали говорить о поклоненіи Солнцу, о великомъ *Оромазѣ*, или виновникѣ и началѣ всего добра; и объ *Аримаnѣ*, виновникѣ и началѣ всего зла въ мірѣ. Первой — сынъ чистѣйшаго свѣта; а послѣдній — исчадіе тьмы.

„Вотъ для чего, сказалъ Арзамъ, мы покланяемся Солнцу, Лунѣ, Звѣздамъ и Огню, почитаемъ ихъ изліяніемъ Оромаза. Сіи два противныя начала ведутъ вѣчную между собою брань, и отъ того родится смѣсь добра и зла. Наши мудрецы выводятъ отсюда заключеніе, что въ человѣкѣ есть двѣ души: одна добрая, изліяніе Оромаза; а другая злая, которая проистекаетъ отъ злаго начала. Когда добрая душа въ насъ превозмогаетъ, тогда мы добродѣтельны; когда же злая тиранствуетъ, то мы порочны.“ Сія система показалась мнѣ довольно основательною; и въ самомъ дѣлѣ

какъ часто мы боремся сами съ собою, движимы двумя противными силами, изъ коихъ одна влечетъ насъ къ добру, а другая ко злу?

Сказали намъ, что скоро настанетъ праздникъ *Милиты*, или Венеры. Мнѣ хотѣлось знать подробнѣе о семъ праздникѣ, и я спросилъ о томъ Азему. „Торжество совершается во храмѣ называемомъ *Сокотъ-Бонотъ*, отвѣчала она. Богинѣ Милитѣ не закалаютъ жертвъ; кровь не обагряетъ никогда олтарей ея: однѣ благоуханія и куренія суть ея жертва. Она изображается на колесницѣ, окруженной Купидонами, и влекомой голубьми, или лебедями.

Тутъ Арзамъ разсказалъ намъ, какіе обряды наблюдаемы были въ супружествѣ прежде установленія праздника Милитина. Собирали всѣхъ дѣвицъ на публичное мѣсто; женихамъ позволено было осматривать каждую сколько ему угодно; всякой давалъ цѣну, и аукціонистъ или герольдъ вручалъ дѣвицу тому, кто дастъ

большую сумму. Сей обрядъ можно назвать дѣвическимъ аукціономъ; красавицы продаваемы были первыя, за ними слѣдовали другія, судя по ихъ красотѣ. — ,,Этотъ обычай, сказалъ я, весьма выгоденъ для прекрасныхъ, но что вы дѣлали съ дурными! Развѣ отсылали ихъ на какой пустой островъ? — О! мы не такіе тиранны: ихъ также выдавали за мужъ. — И находились покупщики? — Нѣтъ, но имъ давали приданое изъ тѣхъ денегъ, которыя выручены за красавицъ; простолюдимы, или люди безъ тонкаго вкуса, брали ихъ для приданаго. Но послѣ установленія праздника Милитина сей обычай прекратился; перестали продавать невѣстъ съ публичнаго аукціона; однако наложили на женщинъ другаго рода подать. Каждая обязана одинъ разъ въ жизни притти въ храмъ Милитинъ и отдаться какому нибудь иностранцу, которой за свои восторги можетъ заплатить ей по своей волѣ; женщина не властна отказаться отъ сей суммы, сколько бы она мала ни была: ибо эта плата принадлежитъ богинѣ. Послѣ

сего священнаго пожертвованія, онѣ обязаны посвятить остальные дни жизни своей воздержанію и цѣломудрію." — „Этотъ послѣдній законъ портитъ все дѣло, сказалъ Фаноръ; и мнѣ кажется, что всего труднѣе исполнить сіе благочестивое обязательство." — „Вы ошибаетесь, подхватилъ Арзамъ; спросите у Аземы, трудно ли ей было послѣ сего искушенія соблюсти свое обязательство; я увѣренъ, что она не нарушила его ни одинъ разъ." Терзитъ, музыкантъ, хотѣлъ отразить эту иронію и защитить честь Аземы. — „Напрасно ты горячишься, мой дорогой Орфей, возразилъ ему Арзамъ; я смѣю сомнѣваться въ добродѣтели женщинъ; признаться однако, я бы смѣло положился на добродѣтель той, которая могла бы защитить себя отъ твоихъ прелестей. Но кстати о добродѣтели, продолжалъ онъ. Азема конечно не откажется попотчивать дорогихъ гостей любимою своею исторіею: дѣло происходило при Дворѣ Антіоха. Вы увидите, что не возможно далѣе простирать геройства въ доброд-

тели.“ Азема не упускала ни одного случая занять компанію и заставить себя слушать. Она разсказала намъ слѣдующую повѣсть.

ГЛАВА II.

Повѣсть о Комбабѣ.

„Можно бы сказать, что Комбабъ родился въ прелестномъ царствѣ Киприды или Купидона. По крайней мѣрѣ Боги истощили на него всѣ дары свои: великой умъ, самая прелестная физіогномія и щастливой характеръ сдѣлали его любезнымъ Государю и всему Двору. Комбабъ платилъ за любовь и милости Короля неограниченнымъ усердіемъ и преданностію.

„Супруга Антіохова, Стратоника, будучи въ полномъ цвѣтѣ красоты и молодости, не могла равнодушно смотрѣть на сего любимца боговъ и людей. Она старалась скрыть свою любовь; но скоро взоры ея, то боязли-

выя и кроткія, то пламенныя и страстныя; ея ласки нѣжныя; выраженія трогательныя; наконецъ всѣ ея движенія, всѣ поступки открыли страсть ея щастливому побѣдителю. Онъ не могъ не понять сего языка; но будучи преданъ своему Государю, и страшась опасностей при такой связи, вооружился всею твердостію; молчаніе и почтительность были его отвѣтомъ Королевѣ на всѣ ея ласки. Такое сопротивленіе еще болѣе воспламенило ея страсть: она тиранствовала въ ея сердцѣ. Сонъ, спокойствіе, забавы, все уклонилось отъ Стратоники. Наконецъ выдумала она средство, которымъ надѣялась преодолѣть упорство своего любовника. ,,Пріятная привычка видѣть меня, думала она, видѣть часто и почти безпрестанно быть при мнѣ, можетъ оковать его суровое сердце.“ Тотчасъ объявила она Королю, что намѣрена ѣхать въ Ефесъ, дабы построить тамъ храмъ и тѣмъ выполнить обѣтъ, данной ею при разрѣшеніи отъ бремени сыномъ, которой составлялъ пріятнѣйшую надежду Царя

и всего царства. Антіохъ далъ свое согласіе, и Комбабъ назначенъ сопровождать Королеву. Не трудно ему было проникнуть намѣренія Стратоники; а и того легче предусматривалъ онъ грозящую ему опасность. Смущеніе его тѣмъ болѣе увеличилось, какъ онъ принужденъ былъ самъ въ себѣ признаться, что чувствительная его душа мало по малу открывалась прелестямъ любви, и часъ отчасу болѣе прилѣплялась къ милой Королевѣ. Такимъ образомъ, будучи съ одной стороны удерживаемъ священнымъ долгомъ и преданностію къ своему Государю, съ другой увлекаемъ лестною надеждою и очаровательною силою щастливой любви, долго былъ онъ игралищемъ безпокойныхъ своихъ мыслей и желаній, которыя, подобно противнымъ вѣтрамъ, боролись между собою, мучили и терзали бѣдное его сердце. Наконецъ послѣ долговременной борьбы добродѣтель восторжествовала. Намѣреніе принято: оно было ужасно, но успѣхъ не сомнителенъ: острое желѣзо лишило его навсегда способности грѣ-

шишь. Онъ бальзамировалъ сіи отрѣзки, положилъ ихъ въ коробочку, и запечатавъ своею печатью, вручилъ Королю, прося его сберечь эту драгоцѣнность до его возвращенія. Между тѣмъ настало время отъѣзда и онъ отправился сопровождать Стратонику. Что онъ предвидѣлъ, то и случилось. Бывши безпрестанно возлѣ Королевны, видя ея нѣжные взгляды, ея ласки, то боязливыя, то смѣлыя, ея прелести, дышущія сладострастіемъ, иногда закрытыя до половины, иногда только слегка прикрытыя и ослѣпляющія взоръ: могъ ли онъ остановить пожаръ, которой разлился въ его сердцѣ? Стратоника читала въ его взорахъ свою побѣду, уже не сомнѣвалась въ полномъ благополучіи. Она дала сельской пиръ небольшой свитѣ своихъ придворныхъ: пирной столъ поставленъ въ срединѣ рощи, подъ зеленымъ сводомъ деревъ; тысячи лѣсныхъ пѣвцовъ наполняли воздухъ мелодическимъ своимъ пѣніемъ. Толпы молодыхъ поселянъ и дѣвицъ принесли корзинки съ плодами, цвѣтами и медовыми опресноками. Къ

нимъ присоединился хоръ пѣвцовъ, пѣвицъ и музыкантовъ, и громкія пѣсни разнеслись далеко по окружности. Начались игры и пляски: веселость, смѣхи и забавы оживляли всѣхъ играющихъ. Стратоника сама вмѣшалась въ ихъ игры; пляска, болѣе же всего ожиданіе сладостнѣйшихъ восторговъ, разжигало въ сердцѣ ея огнь сладострастія. Ввечеру пять сотъ свѣтильниковъ зажгли день подъ кровомъ ночи. Это былъ часъ благополучія, котораго ожидала Стратоника, дабы увлечь своего любезнаго въ таинственный гротъ. Она предложила ему итти въ сосѣднія алѣи насладиться свѣжестію ночи; Комбабъ не могъ отказаться. Пришедши въ одну отдаленную бесѣдку, гдѣ тихое уединеніе и темнота призывали щастливыхъ любовниковъ къ восторгамъ, она сказала, что утомясь отъ пляски, имѣетъ нужду въ отдохновеніи. Они сѣли на зеленомъ коврѣ, на свѣжей травѣ; ничто не отдѣляло ихъ. Стратоника, зардѣвшись какъ красной мѣсяцъ на краю горизонта, обнаружила весь жаръ любви своей,

то въ страстныхъ нѣжныхъ выраженіяхъ, то молчаніемъ, гораздо внятнѣйшимъ, нежели всѣ выраженія. Комбабъ тщетно борясь съ нѣжною страстію, его увлекающею, отвѣчалъ одними вздохами. Королева, толкуя ихъ въ свою пользу, сдѣлалась смѣлѣе и неотступнѣе. Пламенѣя сладострастіемъ, она покусилась сдѣлать ему нѣкоторыя ласки: какое ужасное состояніе для Комбаба! Горя желаніемъ, снѣдаемъ раскаяніемъ, онъ то противится, то уступаетъ; наконецъ падаетъ къ ногамъ ея и восклицаетъ: „постойте, пощадите нещастнаго, которой умретъ отъ отчаянія! Ваши милости убиваютъ меня: не казните злополучнаго, которой горитъ нѣжнѣйшею къ вамъ страстію, но блаженство его не возможно!" Онъ умолкъ, и пламенными слезами обливаетъ руку своей возлюбленной. Стратоника въ недоумѣніи, не можетъ проникнуть такой загадки, проситъ его объясниться. Комбабъ колеблется; оба молчатъ; Королева отъ негодованія, а любовникъ отъ стыда и раскаянія. Наконецъ онъ осмѣливает-

ся ввѣрить ей свою тайну, открываетъ, какую жестокую предосторожность принялъ онъ, чтобы избѣгнуть искушенія и не оскорбить своего Государя и друга. „Какая жертва! какая предосторожность! вскричала Стратоника.“ — „О Королева, достойная обожанія! сердце мое никогда не могло противиться вашимъ прелестямъ! Снѣдаемъ страстною любовію, я бы не отрекся жизнію своею заплатить за свое блаженство; но чтобъ купить его преступленіемъ, заплатить вашею погибелью, которая была бы неизбѣжна; нѣтъ, я немогу быть такимъ чудовищемъ, такимъ подлымъ извергомъ!“ Стратоника въ отчаяніи; сердце ея смягчилось; глаза наполнились слезами; она падаетъ въ его объятія. Комбабъ отеръ ея слезы, заклиналъ ее, чтобъ она осталась навсегда нѣжнымъ его другомъ, и истребила бы то чувствованіе любви, которое могло бы быть для нихъ опасно и гибельно. Королева, пришедши въ себя и видя непремѣнную необходимость, клялась ему

въ нѣжнѣйшей дружбѣ; но и произнося клятву, она еще проливала слезы.

Сіи два любовника, будучи принуждены ограничить себя одною дружбою, старались усладить свое нещастіе тѣсною и невинною связью, частыми разговорами, скрѣпляющими еще болѣе узелъ дружбы и самой любви. Комбабъ, образовавши умъ свой философіею, искусивши его опытностію, перелилъ благородныя свои чувствованія въ душу нѣжнаго своего друга, очистилъ ея позорную страсть, и наполнилъ сердце ея чувствованіями, столь кроткими, столь пріятными, что она забыла прежнюю свою любовь. И съ того времени она сравнивала дружбу съ умѣренною теплотою солнца, которая все согрѣваетъ, все живитъ, и благотворною своею силою вызываетъ изъ земли цвѣты и зелень; а любовь примѣняла къ пламенѣющему огню, все изсушающему, и пожигающему растѣнія даже въ самомъ ихъ корнѣ.

Между тѣмъ Придворные, мучимы безпрестанно завистію, видя заслуги и щастіе другаго, скоро, скоро замѣтили

отличную благосклонность Королевы къ Комбабу, и подозрѣвая все, что подозрѣвать можно, распустили тайные слухи, что брачное ложе Короля осквернено. Сія молва разнеслась отъ Придворныхъ къ народу, а отъ народа дошла до Государя, которой предавшись всей ярости гнѣва, приказалъ взять подъ стражу Комбаба и представить его ко Двору. Заключили его въ темницу, и назначена коммисія изслѣдовать его преступленіе. Судьи, раздѣляя гнѣвъ своего Монарха, осудили на смерть нещастнаго его друга. Онъ выслушалъ сей приговоръ спокойно; уже готовилась его казнь, какъ вдругъ проситъ онъ Государя открыть коробочку, которую онъ ему вручилъ передъ своимъ отъѣздомъ. Антіохъ открываетъ ее, и съ какимъ удивленіемъ видитъ физическое доказательство невинности своего любимца! Такая рѣдкая привязанность, такая великая жертва, принесенная дружеству, тронули благородную душу Государя; онъ бѣжитъ въ темницу, заключаетъ друга своего въ объятія и осыпаетъ его почестями и мило-

стями. Завистливые доносщики были наказаны; а онъ получилъ позволеніе возвратиться къ Королевѣ, которая занималась тогда построеніемъ храма, и въ немъ повелѣла поставить бронзовую статую своего любовника."

ГЛАВА III.

Фаноръ влюбляется въ Азему; празднолюбіе Вавилонянъ; портретъ Атоссы; приключеніе съ Фаноромъ.

Сія пріятная повѣсть окончила нашъ ужинъ. Арзамъ обѣщалъ проводить насъ на праздникъ Милитинъ, и пригласилъ насъ на завтрешній день къ обѣду, въ своемъ *раю* (*), вмѣстѣ съ другою изъ его любовницъ.

Когда мы остались одни, то Фаноръ открылся мнѣ, что прекрасная Азема обворожила его своими прелестями и талантами ума. — „Не правда ли, что она не въ примѣръ пре-

---

(*) *Раемъ* называли Ассиріане сады свои или звѣринцы.

восходитъ прекрасную Ѳеану Аѳинскую, чувствительную Ѳеофанію Милетскую, гордую Аспазію Спартанскую, и остроумную Фокилиду Родосскую? — О конечно! она столько же ихъ превосходитъ, сколько красавица, которая теперь въ нашихъ глазахъ, плѣняетъ насъ болѣе, нежели ея портретъ, или простое воспоминаніе объ ней. Но у тебя два соперника? — Я ихъ не боюсь. Арзамъ, хотя и знатной вельможа, однако ни мало не страшенъ; это твореніе безпечное и бездушное; а Терзитъ-музыкантъ правда привязчивъ и горячь, но такого соперника сломить не трудно.“

Утро слѣдующаго дня провели мы на улицахъ Вавилонскихъ, бродя между толпами людей праздныхъ, кои сидѣли въ тѣни, поставляя высочайшее свое благополучіе въ спокойствіи и бездѣйствіи. Не тревожась тою безпокойною дѣятельностію, которая подстрѣкала Грековъ, безъ всякаго честолюбія, безъ искательства славы, не обращая ни единаго взора ни на

прошедшее, ни на будущее; ограничивЪ все свое существованіе наслажденіемЪ настоящаго, они приближаются безЪ сильныхЪ потрясеній, и такЪ сказать вЪ безпрерывномЪ снѣ кЪ послѣднему своему сну. Я слушалЪ ихЪ разговоры; всѣ они вертѣлись около одной точки, какЪ пріумножить и продлить наслажденія. Жить пріятно, не занимаясь дѣлами свѣта сего, тутЪ вся ихЪ наука, вся философія.

НасталЪ часЪ обѣда; АрзамЪ пріѣхалЪ за нами на блистательной колесницѣ, и мы полетѣли вЪ его рай. Дорогою говорилЪ намЪ о молодой Атоссѣ, сЪ которою онЪ провелЪ часть ночи, и которую мы найдемЪ за его обѣдомЪ. „Она прекрасна; кажется, что я люблю ее больше Аземы; правда, у ней не столько ума, но за то болѣе пріятности и свѣжихЪ прелестей; а вЪ женщинахЪ я лучше ищу прекрасной фигуры, привязываюсь кЪ физической красотѣ, нежели кЪ нравственнымЪ достоинствамЪ. Я держу ихЪ только для своего услажденія; вижу ихЪ или за столомЪ или вЪ уединенныхЪ дива-

нахъ; вездѣ въ другомъ мѣстѣ онѣ мнѣ наскучатъ. "

Мы нашли прекрасную Атоссу, гуляющую въ прохладной тѣни развѣсистыхъ деревъ и поющую; она блистала драгоцѣнными камнями и цвѣтами. Гибкой и стройной ея станъ, цвѣтущая молодость (ей было только три люстра), трогательная пріятность, обворожительной взоръ могли бы служить образцомъ для кисти Апеллесовой или Зевксовой; но подъ сею прелестною оболочкою скрывалась хладная и безчувственная душа. Прекрасная эта кукла безпрестанно смѣялась, пѣла много, говорила очень мало, ни о чемъ не думала, безпрестанно любовалось своею красотою, своими нарядами, или занималась уборами и прическою другихъ женщинъ. Однимъ словомъ, это была прекрасная птичка въ клѣткѣ: пѣла, ѣла, пила и ростилась.

Мы обѣдали въ продолговато-круглой залѣ, выложенной искусно подобранными черепахами. Въ ней была статуя Милиты или Венеры, совсѣмъ нагой, въ обыкновенной ростъ чело-

вѣческой, изъ прекраснѣйшаго алебастра, лежащая на матрасѣ изъ чернаго мрамора. Никогда взоръ мой не встрѣчалъ ничего столь сладострастнаго. Обѣдъ былъ вкусной и пышной, хотя насъ только четверо возлежало за столомъ; двадцать невольниковъ, въ великолѣпномъ нарядѣ, прислуживали намъ, наблюдая малѣйшее наше мгновеніе. Арзамъ, чтобъ оживить бесѣду, сталъ говорить о религіи, морали и философіи. По его мнѣнію Религія не иное что, какъ узда для простаго народа, въ которой не имѣютъ нужды люди знатные, ни люди съ воспитаніемъ и хорошими правилами. Нравственность щиталъ онъ мѣстною модою, постановленіемъ благоустроеннаго гражданства, принаровленнымъ къ обстоятельствамъ и климату. Въ Спартѣ ссужаютъ другъ друга своими женами; здѣсь смѣются супружней невѣрности; въ храмѣ Милитиномъ мѣшаются оба пола; въ другихъ мѣстахъ при малѣйшемъ подозрѣніи жена или умерщвляется, или остается поругана. Всѣ наши дѣла бываютъ

добродѣтелями или пороками, судя по законамъ различныхъ земель. Въ Египтѣ почитается величайшимъ преступленіемъ убить кошку, или ибиса; близь рѣки Инда обожаютъ корову, и кто осмѣлится ее умертвить, предается смертной казни. Въ Европѣ жертвенники обагряются кровію, и даже кровь человѣческая на нихъ проливается. Что принадлежитъ до философіи, я ее люблю, и горжусь ею; я Эпикуровой секты: наслаждаюсь всѣми удовольствіями, всѣми забавами; пью большими покалами изъ чаши жизни все, что услаждаетъ и опьяняетъ мои чувства; вотъ истинная философія, которую я присвоилъ себѣ съ того самаго времени, какъ пришелъ въ разсудокъ. Правда, эта философія не Платонова, не Зенонова, не Ксенократова — И не Эпикурова, подхватилъ я, которую ложно понимаютъ; ибо сей философъ совѣтуетъ соблюдать умѣренность и трезвость, почитая ихъ добродѣтелями, и даже поставляя ихъ въ число удовольствій. — О, такъ я больше его философъ, потому что почитаю глупостію ли-

шать себя удовольствій. — Эпикуръ не запрещаетъ услаждаться забавами, а только требуетъ, чтобъ онѣ были соразмѣрны слабости нашихъ органовъ; и настоящее ученіе Эпикура есть: *часто воздерживаться, дабы больше и долѣе наслаждаться.* „Атосса закричала, что и она также философка; что она любитъ забавы до безумія; что нѣтъ у ней другихъ мыслей, другой науки, какъ только умножать свои наслажденія.“ Мы нашли ея философію умною и хорошо обдуманною, и въ честь Атоссы и забавъ обошла круговая чаша. Мы надѣли на головы цвѣточные тюрбаны; Арзамъ пилъ по Сарданапальски; сего древняго Царя Ассирійскаго онъ взялъ себѣ въ образецъ. „Видѣли ли вы статую моего героя? спросилъ онъ.— Видѣлъ, и читалъ его надпись: она достойна его нравовъ: *ѣшь, пей и веселись; все прочее вздоръ.*„ — Клянусь Вааломъ! онъ правъ, вскричалъ Арзамъ, что и жизнь безъ забавъ! — Не скрою, что видъ сего сластолюбца не внушилъ мнѣ никакого почтенія; напротивъ того смотря на статую без-

смертной вашей Семирамиды, я былъ проникнутъ удивленіемъ. Я мечталъ видѣть божество. — Вы не ошиблись; мы такъ ее и почитаемъ. По возвращеніи своемъ изъ Индіи, когда она узнала, что сынъ ея Ниній злоумышлялъ о низверженіи ея съ трона, то сама добровольно оставила царство, сокрылась отъ взора людей, дабы, по словамъ Оракула, пользоваться божескими почестями. Въ самомъ дѣлѣ Боги превратили ее въ голубицу, и въ семъ видѣ мы воздаемъ ей поклоненіе. "

Арзамъ поспѣшилъ окончить обѣдъ; крайняя нужда отзывала его въ Вавилонъ: тамъ молодая танцовщица давала первой опытъ своего искусства; такъ можно ли ему не быть свидѣтелемъ сихъ веселій? Намъ хотя и здѣсь было пріятно, однако мы принуждены сдѣлать ему компанію. Внутренно жалѣлъ я о философѣ Арзамѣ, которой осушая чашу забавъ, притупилъ свои чувства и отравилъ всѣ удовольствія ядомъ скуки и омерзѣлости.

Между тѣмъ прелести молодой Атоссы изгладили изъ памяти Фанора красоту Аземы. Новыя чувствованія любви волновали сердце его. Получивъ позволеніе видѣть Атоссу, онъ сказалъ мнѣ на другой день, что я могу выйти безъ него. Ужъ поздо ввечеру возвратился я домой; Фанора еще не было. Я ждалъ; ночь приближалась: безпокойство мое болѣе и болѣе увеличивалось. Наконецъ онъ явился. "Какъ ты несносенъ съ своими интригами! сказалъ я ему. Я сидѣлъ на иглахъ: конечно прелести божественной Атоссы приковали тебя на цѣлой день? — Ты очень удивишься, когда я скажу, что я ее вовсе не видалъ; я употребилъ свое время гораздо лучше: послушай, лишь только ты со двора, я сталъ убираться, прыскаться благовонными водами, чтобы летѣть къ своей Милитѣ; въ то самое время входятъ двѣ женщины въ мою комнату; одна ужъ въ лѣтахъ, а другая въ полномъ цвѣтѣ своей весны, росту высокаго, стану стройнаго, украшена всѣми пріятностями Грацій. Сердце мое затрепетало, я

смотрѣлъ на нее съ восхищеніемъ. Казалось мнѣ, что сама милая Гевея сошла ко мнѣ съ Олимпа. Тутъ старшая спросила меня, я ли одинъ изъ Грековъ, пріѣхавшихъ не задолго передъ тѣмъ въ городъ? — Я; чѣмъ могу вамъ служить? — Ахъ! отвѣчала она, разглаживая лице, испуская глубокіе вздохи и отирая съ гласъ слезы, которыхъ тамъ не было; дочь моя и я мы очень нещастны, очень жалки! — Какъ! эта прелестная дѣвица ваша дочь? — Да, это Аріаспа, младшая сестра Аземы, которую вы знаете. Эта неблагодарная дочь, этотъ извергъ природы, отказываетъ сестрѣ своей и матери въ кускѣ хлѣба, между тѣмъ какъ сама утопаетъ въ нѣгѣ и роскоши, и расточаетъ свое богатство съ мерзавцемъ музыкантомъ, которой дѣлаетъ ей позоръ и безславіе. Но вы меня извините, мнѣ нужно кое-что исправить въ сосѣдствѣ; я оставлю васъ съ Аріаспою, она разскажетъ вамъ о нашей бѣдности и нашихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ. Какъ скоро окончу свои дѣла, тотчасъ ворочусь къ вамъ." Я понялъ,

что эта недостойная мать привела ко мнѣ жертву своего корыстолюбія и продаетъ ее за деньги. Оставшись одинъ съ Аріаспою, я взялъ ее за руку; она дрожала; я слышалъ ея вздохи, всхлипыванія, видѣлъ ея слезы.— ,,О чемъ вы плачете, прекрасная Аріаспа? Отъ чего эти вздохи, эта горесть?" При сихъ словахъ она упала къ моимъ ногамъ: ,,Сжальтесь надо мною! заклинаю васъ именемъ Боговъ, награждающихъ дѣла добрыя! Греки великодушны, имѣютъ благородное, чувствительное сердце. Не погубите меня, не употребите во зло моего нещастія. Я сестра Аземы, это правда; но у меня другое сердце, другія правила. Мать моя и я, мы стонемъ въ бѣдности; она давно ужъ меня принуждаетъ, мучитъ, чтобы я согласилась на безчестное пожертвованіе, которое покроетъ меня позоромъ и безславіемъ. Вчера она грозила противъ воли предать меня, и ночью ввести мущину въ мою комнату: потомъ говорила объ васъ, сказала, что вы иностранецъ; что скоро отселѣ ѣдете; что мой поступокъ останет-

ся неизвѣстенъ, какъ будто тамъ нѣтъ преступленія, гдѣ нѣтъ свидѣтелей! Не знаю, какая-то надежда вдругъ блеснула въ душѣ моей; я притворилась, будто согласна. Мнѣ сказывали столько добраго о Грекахъ, что я и теперь еще ласкаюсь надеждою, даже здѣсь, даже одна съ вами." Говоря сіи слова, она омочала руки мои слезами. Какъ она была прекрасна въ своей горести! — Вы не ошиблись въ хорошемъ мнѣніи о Грекахъ; они чтутъ добродѣтель, красоту, а всего больше нещастіе. Откройте мнѣ свое сердце; чего вы отъ меня требуете? — „Великодушной человѣкъ, сами Боги" . . . . — Оставьте это; чего вы требуете? — „Чтобъ вы подали помощь моей матери, только не на щетъ моего безчестія. " Я спросилъ у ней, не имѣетъ ли она какой тайной привязанности, не хочетъ ли выйти за мужъ. Она призналась, что любитъ молодаго Мазабета, сына одного купца, и что сама любима: но я бѣдна, и отецъ его противится нашему соединенію. " А чѣмъ можно получить его согласіе? — Не знаю; онъ великой

скупецъ. — Сто дариковъ могутъ ли его склонить?—Надѣюсь.—Ну, хорошо; я даю ихъ съ радостію, чтобы наградить вашу добродѣтель, и составить ваше благополучіе." При сихъ словахъ, она стояла какъ окаменѣлая; прекрасные ея глаза были устремлены на меня; она не смѣла мнѣ вѣрить; до сего времени находя вездѣ только каменныя, безчувственныя сердца, она поражена была такимъ безкорыстіемъ. Ея благодарность была столь жива, столь пламенна, всѣ черты ея лица сіяли такимъ кроткимъ веселіемъ, что сердце мое обливалось самою чистою радостію: никогда не чувствовалъ я столь живо удовольствія, сдѣлавъ доброе дѣло. И хотя, признаюсь, прелести этой молодой дѣвицы сперва приводили меня въ искушеніе, однако я чувствовалъ больше удовольствія осчастлививъ ее, нежели сколько бы чувствовалъ въ ея объятіяхъ.

Какъ скоро мать возвратилась, то я открылъ ей желаніе ея дочери; изобразилъ ей гнусность и жестокость ея поступка, и старался внушить ей почтеніе къ добродѣтели и невинно-

сти такой любезной дочери. Я привелъ ее въ стыдъ; она извинялась своею бѣдностію, необходимостію, пропитать себя и ее. Я далъ ей нѣсколько денегъ; самъ тотчасъ пошелъ къ отцу молодаго Мазабета: сто дариковъ ослѣпили его взоры, и удалили всѣ трудности. Свадьба положена; мы всѣ собрались къ Аріаспѣ, гдѣ я осыпанъ былъ благодареніями щасливыхъ любовниковъ. Это дѣло заняло меня на цѣлой день; но я не промѣняю пріятныхъ сихъ часовъ ни на самой радостной день въ моей жизни, ни на благосклонность прекрасной Атоссы. Кошелекъ мой сталъ пустъ, но сердце мое полно.,, Я обнялъ Фанора, поздравилъ его съ добрымъ дѣломъ, и раздѣлилъ съ нимъ его чистую радость.

ГЛАВА IV.

Праздникъ Милитинъ.

Мы часто видались съ Арзамомъ; но онъ всегда былъ такъ занятъ, имѣлъ столько свиданій, что съ нами дѣлилъ только немногія минуты. Въ день Милитина праздника пріѣхалъ онъ за нами рано по утру, и мы поспѣшили съ нимъ въ храмъ Богини. Это превеликое четвероугольное пространство, обнесенное стѣною, коея каждой бокъ простирался на двѣ стадіи. Въ серединѣ находится огромная башня, имѣющая въ ширину и въ длину по одной стадіи, на ней возвышаются восемь другихъ башенъ. Снаружи подымается лѣсница, извиваясь на подобіе улитки. Въ самой послѣдней башнѣ есть огромная храмина, безъ статуй; въ ней стоитъ золотой столъ и великолѣпное ложе; нога смертнаго никогда не дерзаетъ ступить на священномъ помостѣ сей храмины: она открывается только для Бога Ваала, которой проводитъ

шамъ ночь съ молодою дѣвицею, какую онъ удостоитъ своей благосклонности. Внизу есть другая храмина, и въ ней золотая статуя, представляющая Юпитера сидящаго; столъ, тронъ и подножіе изъ того же металла.

Мы нашли въ окружности храма великое множество женщинъ; знатнѣйшія изъ нихъ, не желая отдаться въ руки перваго прихожаго, сидѣли на колесницахъ, въ великолѣпномъ нарядѣ, окруженныя своими невольниками; другія съ повязкою на головѣ, сидѣли на землѣ. Однѣ приходили, другія уходили. Тамъ были алеи, отдѣленныя веревками; въ нихъ иностранцы выбирали себѣ красавицъ, какая кому понравится. Ни одна женщина не можетъ выйти изъ храма, не заплатя дани Богинѣ Милитѣ. Законъ сей весьма тягостенъ для безобразныхъ; онѣ часто принуждены дожидаться года три или четыре, пока придетъ до нихъ очередь.

Когда иностранецъ выберетъ себѣ красавицу, то подавая ей деньги, говоритъ: для *Богини Милиты!* Женщина

обязана принять предлагаемое и отдаться ему въ руки.

Я пробѣгалъ съ Фаноромъ и Арзамомъ сіи алеи, гдѣ все дышало любовію и сладострастіемъ. Фаноръ былъ въ неописанномъ восторгѣ: взоры его летали повсюду, съ одной красавицы на другую; всѣ женщины были для него прелестны, всѣ возбуждали въ немъ желанія. Въ такомъ очарованіи, въ такомъ недоумѣніи, кого предпочесть въ выборѣ, онъ желалъ бы сорвать всѣ цвѣты въ этомъ прекрасномъ цвѣтникѣ. Арзамъ напротивъ того смотрѣлъ на всѣхъ красавицъ съ отвращеніемъ, и видѣлъ только однѣ ихъ недостатки: одна была для него толста какъ бочка; другая суха какъ спичка; въ этой не было никакой пріятности, а въ той никакой нѣжности, иная пугала своимъ великанскимъ ростомъ; другая казалась ему карлицей; въ этой замѣтилъ онъ пламенные любострастные глаза, а въ другой видѣлъ кокетку, которая играетъ роль стыдливой невинности. Большая часть были для него осенніе цвѣтки, безъ всякаго блеску, безъ

всякой свѣжести, и во всѣ пятнадцать лѣтъ, въ которыя онъ приходилъ на сей праздникъ, не видывалъ онъ ни одной столько безобразной, сколько въ этотъ годъ казались ему почти всѣ. Онъ помнилъ еще, что въ самой первой разъ нашелъ болѣе ста женщинъ гораздо прелестнѣе, нежели самая первая красавица въ этотъ день; но я и Фаноръ, будучи въ полной силѣ и крѣпости, и не притупивъ чувствъ своихъ частыми и неумѣренными наслажденіями, отдавали имъ болѣе справедливости и находили ихъ большею частію достойными нашего обожанія и самыхъ страстныхъ пожертвованій.

Наконецъ Фаноръ скрылся съ одною маленькою брюнеткою, веселою и забавною. Я предпочелъ блондинку, у которой на лицѣ розы и лилеи спорили о преимуществѣ, а въ глазахъ была какая-то пріятная томность. Я подошелъ къ ней съ своею податкою въ рукѣ и сказалъ: „для Богини Милитты.“ Тотчасъ она встала и пошла за мною. Должно признаться, что ея

почтительность къ сему священному обряду была непритворная. Разставшись со мною, она пошла бросить мою подать въ сосудъ, съ которымъ стоялъ жрецъ у вратъ храма.

Я опять присталъ къ Арзаму и Фанору; первой изъ нихъ выбралъ для себя прекрасную женщину, но безъ пріятностей, безъ живости; онъ наслаждался ея прелестями безъ удовольствія, и почти только для церемоніи; а Фаноръ желалъ, чтобы завтра опять начался праздникъ.

ГЛАВА V.

Письмо отъ Ласфеніи; разные анекдоты.

Возвратясь домой, нашелъ я Ласѳеніино письмо, которое меня весьма обрадовало; давно уже я не имѣлъ объ ней никакого извѣстія.

,,Радость и благополучіе!

,,Солнце уже протекло двенадцать своихъ станцій, мой любезной Анте-

норъ! а ты не утѣшилъ меня ни однимъ письмомъ въ моемъ уединеніи. Мой милой другъ! ты обѣщалъ мнѣ больше исправности. Ужъ не думаешь ли подражать Сибаритамъ, которые за годъ впередъ просятъ къ себѣ гостей на обѣдъ, чтобы имѣть время выискать самыя лучшія и рѣдкія кушанья? Не для того ли и ты заставляешь меня такъ долго дожидаться своихъ писемъ, чтобы попотчивать меня лучшими приправами, пріятнѣйшими повѣстями? Я очень люблю твои разсказы; читаю ихъ съ великимъ удовольствіемъ; ты повѣствуешь пріятно; твой слогъ день отъ дня очищается; ты смотришь на все примѣчательнымъ окомъ наблюдателя; но хотя бы ты ни о чемъ болѣе не писалъ, какъ только о себѣ самомъ, мнѣ бы и тогда не менѣе пріятны были твои письма.

„Аѳины представляютъ изъ себя картину безпрестанныхъ волненій: это театръ, на которомъ играютъ то важныя, то смѣшныя, то печальныя, то веселыя піесы.

„Два странные случая занимают теперь головы всѣхъ жителей сего города, и служатъ матеріею всеобщихъ разговоровъ: въ Портикѣ, въ Ликеѣ, въ Академіи, на площадяхъ, въ лавкахъ, на пирахъ, вездѣ говорятъ, судятъ объ одномъ и томъ же, можно сказать безъ всякаго разсудка. Дѣло идетъ о смерти двухъ человѣкъ совсѣмъ противнаго характера и нравовъ: одинъ изъ нихъ есть тотъ славной Діогенъ, которой странною своею отличностію и гнусною философіею пріобрѣлъ себѣ такую громкую славу; онъ отправился теперь въ царство мертвыхъ забавлять тѣни своими насмѣшками и цинизмомъ. Другой Тераменъ, коего характеръ столько же противенъ характеру Циника, сколько веселой обитатель воздушныхъ странъ противенъ нечистому животному, валяющемуся въ грязи. Онъ былъ человѣкъ веселой, любезной и гибкой, пріятной стихотворецъ, отличившійся въ легкомъ Анакреонтическомъ родѣ Поэзіи. Провождая жизнь въ милой безпечности и въ исканіи новыхъ

удовольствій, онъ примѣшивалъ къ тому много философіи и учености; никогда не хотѣлъ принять на себя никакого публичнаго званія, говоря: что люди не стоятъ труда, чтобъ ими заниматься; что должно жить самому для себя; что онъ не промѣняетъ одного дня веселій и забавъ ни за десять вѣковъ славы. Впрочемъ былъ благородной души, безкорыстенъ, благотворителенъ и человѣколюбивъ; жизнь почиталъ одною минутою пробужденія между двухъ сновъ, и имѣлъ всегдашнимъ правиломъ, что должно стараться мечтать пріятно во время сего минутнаго сна. Онъ Авторъ слѣдующей пѣсни, не менѣе пріятной, какъ и философической.

Когда бы намъ возможно
Жизнь было продолжить:
То сталъ бы я не ложно
Сокровища копить,
Чтобъ смерть въ свою годину,
Взявъ деньги, отошла,
И за откупъ кончину
Отсрочивъ, жить дала.

Но какъ я вѣрно знаю,
Что жить положенъ срокъ:
Начто крушусь, вздыхаю,
Что нуль скопить лишь могъ?
Не лучшель безъ терзанья
Съ пріятельми гулять,
И нѣжны воздыханья
Къ любезной посылать? —

Перев. Ломоносова.

,,Страннымъ случаемъ оба сіи человѣка, столь несходные ни нравомъ, ни умомъ, умерли въ одинъ день; Діогенъ въ старости и дряхлости; а Тераменъ въ лучшемъ цвѣтѣ лѣтъ. Діогенъ самъ отправилъ себя на тотъ свѣтъ: мучась нѣсколько дней горячкою и наскуча печальнымъ и уединеннымъ существованіемъ, онъ удалилъ отъ себя своего друга, которой прислуживалъ ему въ болѣзни, и остановилъ дыханіе; когда другъ его воротился, то Діогенъ уже убрался изъ сего свѣта.

,,Тераменъ сошелъ въ царство Плутоново другою дорогою. Къ нещастію онъ былъ въ числѣ сообщниковъ Альцибіадовыхъ, которые за онымъ славнымъ ночнымъ пиршествомъ, разгорячась отъ вина и веселія, срубили

головы съ статуй Гермесовыхъ (Меркуріевыхъ). Какая дерзость! народъ вопіетъ на безбожіе, требуетъ казни виновныхъ. Альцибіадъ убѣжалъ на флотъ; всѣ его сообщники предались бѣгству. Тераменъ также скрылся; но будучи влюбленъ въ забавы и веселости Аѳинскія, и думая, что буря уже прошла, онъ осмѣлился опять явиться. Тотчасъ его берутъ подъ стражу и заключаютъ въ темницу. Жрецы и Софисты волнуются, обвиняютъ его въ пятисотномъ Совѣтѣ, что онъ беззаконникъ, не вѣритъ ни Меркурію, ни другимъ Богамъ; его осудили выпить чашечку цикуты (*). — Смерть его была также спокойна, также безстрашна, какъ и смерть Сократова, только гораздо веселѣе. Онъ приказалъ пригоповить большой ужинъ, призвалъ всѣхъ друзей своихъ и свою любовницу: сидя посреди ихъ, возбуждалъ всѣхъ къ веселію и радостямъ. Безпрестанно ходила чаша вокругъ; самъ Тераменъ говорилъ друзьямъ своимъ, что скоро отпра-

---

(*) Смѣшивали цикуту съ опіемъ.

вится въ путь, пріятной путь къ мертвымъ: или шутилъ, что онъ какъ Пиритой сойдетъ въ царство подземное похитить Прозерпину.

Онъ началъ пѣть любимую свою пѣсенку, которую сочинилъ въ темницѣ; вдругъ тюремщикъ приноситъ роковой напитокъ. Всѣ собесѣдники блѣднѣютъ; одинъ Тераменъ съ неустрашимостію и хладнокровіемъ встаетъ, беретъ чашу, оканчиваетъ свою пѣсню, выпиваетъ ядъ, и говоритъ смѣючись: ,,за здоровье Критіаса! ,, (сей Критіасъ былъ главный изъ тѣхъ, кои его осудили). Потомъ подаетъ чашу невольнику и приказываетъ ему, чтобы онъ остатокъ отнесъ допить Критіасу, точно такъ, какъ за пиршествомъ подаютъ чашу своему сосѣду. Такъ-то этотъ удивительной человѣкъ шутилъ съ смертію, которую носилъ внутрь себя. Какъ будто онъ предвидѣлъ погибель врага своего: потому что и сей пережилъ его только тремя мѣсяцами.

,,Когда вышелъ тюремщикъ, то Тераменъ простился съ своими друзь-

ями, и разставаясь съ ними, обнималъ ихъ, говоря: *до свиданья!* Оставшись одинъ съ своею любовницею, насладился последними ея поцелуями и уснулъ покойно въ ея объятіяхъ вечнымъ сномъ. Сія последняя сцена его жизни происходила безъ всякаго чванства, безъ притворнаго хвастовства и безъ философскаго мудрованія.

Посылаю тебе его песню, она носилась по всему городу: это *умирающаго лебедя*, по словамъ Стихотворцевъ; а я съ своей стороны не верю, чтобъ эте птицы пели по крайней мере пріятно, хотя Царь Лебедь (Цикнъ), будучи после смерти своей превращенъ Аполлономъ въ птицу лебедя (въ цикна), былъ превосходной певецъ и музыкантъ.

Простите все прелести мірскія, все веселія и забавы, которыя я столько любилъ; и ты, любовь, отрада жизни! прости, — я оставляю васъ навсегда!

Пейте, друзья! осушайте червленныя чаши! Пейте въ честь Вакха. А ты, Плутонъ! привествую тебя! Сей же вечеръ буду пить съ тобою вместе.

Прелестная Наиса! нѣжная, чувствительная Наиса! ты придешь на мою могилу, въ черной одеждѣ; омочишь прахъ мой слезами.

Выпьемъ, друзья! выпьемъ въ честь любезной! — Но осуши слезы свои: послушай меня, избери себѣ другаго любовника. Не уже ли ты станешь любить мертваго? Какое безуміе! Во гробѣ нѣтъ любви!

Или ты хочешь увянуть во цвѣтѣ лѣтъ своихъ; или захочешь, съ такими прелестями, въ такой младости, отречься навсегда отъ утѣхъ любви?

Пѣйте, друзья! въ честь Ареопагитовъ, сихъ строгихъ, непреклонныхъ судей. Сего-дня они посылаютъ меня въ мрачное царство тѣней; завтра придетъ ихъ очередь.

Напишите на гробницѣ моей, простой, уединенной, гдѣ я усну навсегда—напишите: „*Онъ умѣлъ жить и умереть.*“

Пѣйте, друзья! Вакхъ наполни мою чашу. Улыбнись, Венера, моимъ восторгамъ! вѣнчанъ плющомъ и миртами, сойду я въ жилище мертвыхъ.

,,Я забыла разсказать забавной анекдотъ про Діогена. Друзья его спрашивали, гдѣ его погребсти. — ,,Бросьте меня на поле. — Но ты будешь добычею хищныхъ птицъ или дикихъ звѣрей. — ,,Нѣтъ, положите возлѣ меня палку, я стану ихъ отгонять.“ — Какъ это можно, ты не будешь ничего чувствовать? — ,,Чтожъ мнѣ нужды, что звѣри растерзаютъ меня, когда я ничего не буду чувствовать!“

Теперь спрашивается, кто изъ сихъ двухъ философовъ обнаружилъ при своей смерти болѣе твердости и философскаго ума? Я думаю, что Тераменъ. Напрасно возражаютъ мнѣ, что смерть его была насильственна, а Діогенъ самъ себѣ далъ смерть. — Согласна; но онъ прекратилъ жизнь тягостную и горькую; онъ былъ обременен лѣтами и болѣзнями; а Тераменъ въ полномъ цвѣтѣ здравія, во всей крѣпости, при всѣхъ сладостяхъ жизни, встрѣтилъ смерть съ такимъ же хладнокровіемъ, съ какимъ оставляетъ онъ пиршество, которое его пресытило.

,,Еще мы споримъ за нашими полученными ужинами, какая была самая рѣзкая черта въ нравственномъ характерѣ сихъ обоихъ человѣкъ. Одинъ покрывается лохмотьями, искажаетъ натуру, присвояетъ себѣ странные нравы и предается безстыдному циничеству единственно для того, чтобъ люди объ немъ говорили; а другой поставилъ себя на такой ногѣ, что почитаетъ мнѣніе людское за ничто, отвергаетъ всѣ тягости общественныя, супружество, чины, должности; существуетъ только для себя, только для своего удовольствія. Изъ сихъ двухъ крайностей, которая наиболѣе достойна нашего осужденія? Защитники Діогеновы утверждаютъ, что сіе тайное славолюбіе, сіе желаніе сдѣлать имя свое извѣстнымъ, есть сѣмя добродѣтелей и талантовъ. ,,Отними, говорятъ они, сію жажду къ славѣ, и все перемѣнится; общество останется безъ движущей пружины; всякъ будетъ жить только для себя; настоящая минута протечетъ и не оставитъ ни малѣйшаго зародыша для пользы будущаго. Лю-

ди, жаждущіе славы, какъ нѣкіе вож-
ди, шествуютъ впереди рода чело-
вѣческаго, чтобъ украсить землю и
наполнить ее чудесами ума и искус-
ства; напротивъ того безпечность
и своелюбіе Тераменовы сдѣлали его
ничтожнымъ для общества." — Ни-
чтожнымъ? Я въ томъ не согласна.
Острой его умъ, замысловатость въ
рѣчахъ, пріятность и гибкость нра-
вовъ замѣняютъ недостатокъ граж-
данскихъ его добродѣтелей, и даютъ
свѣту тонъ хорошей компаніи и ту
веселость, которая смягчая самолю-
біе и дикость людей, дѣлаетъ ихъ
изъ дикихъ и грубыхъ сострадатель-
ными и общественными. Скажу болѣе:
можетъ быть гораздо труднѣе про-
вести жизнь въ томъ, чтобъ пить
и пѣть, такъ какъ Тераменъ, нежели
философствовать какъ Діогенъ, или
и самой Платонъ. Ты смѣешься? кри-
чишь, что не возможно? потерпи, не
будь слишкомъ скоръ, выслушай. За
что Анакреону дали названіе мудре-
ца, ему, которой всю жизнь провелъ
въ нѣдрахъ забавы и праздности?
Не за то ли, что весьма рѣдкіе умѣ-

ютъ жить какъ онъ? что должно очистить душу свою отъ всѣхъ неумѣренныхъ страстей, дать ей такую крѣпость, съ которою могла бы она противустоять бурямъ и трудностямъ жизни сей; должно возвыситься выше честолюбія и корыстолюбія; вотъ что, по моему мнѣнію, гораздо труднѣе, нежели написать прекраснѣйшіе трактаты морали или риторики!

Но я слишкомъ зафилософствовалась; длинныя разсужденія скоро утомляютъ и наскучаютъ. Поговоримъ нѣсколько о послѣднемъ твоемъ письмѣ; мнѣ еще надобно попѣнять тебѣ за одно въ немъ мѣсто. Ты, насказавши мнѣ тысячу обидностей и очернивъ мои намѣренія, съ какими я тебѣ совѣтую продолжать свои путешествія, и возвращаться не прежде, какъ черезъ два года, оканчиваешь большою похвальною предикою въ честь мнимой моей красоты. Не думаешь ли ты, что я такого же нрава, какъ и та Сирская Царица, которая прогнѣвала нѣкогда живописца? Сей, въ отмщеніе изобразилъ

ее на картинѣ въ объятіяхъ проста-го солдата, выставилъ эту ругательную картину, а самъ убѣжалъ. Придворные въ негодованіи хотѣли сжечь картину; но сама Королева тому воспротивилась; не смотря на поруганіе ея добродѣтели, она представлена была въ прелестнѣйшемъ видѣ, съ небесною красотою: за это одно она призвала назадъ живописца и его простила. По ея примѣру и я тебѣ прощаю, но не за то, будто мнѣ лестна похвальная твоя предика, а единственно изъ уваженія къ твоей нетерпѣливости, съ какою ты желаешь меня видѣть. Однако ты-таки странствуй, продолжай образовать себя и научаться. Путешествія, такъ какъ книги, безполезны для тѣхъ, кои читаютъ ихъ безъ размышленія, безъ вкуса, а только чтобъ убить время, какъ они говорятъ сами; но для тѣхъ весьма наставительны, кои читаютъ со вниманіемъ и желая научиться. Хочешь ли, я тебя попотчую забавною исторійкою, самою еще новою? Герой сцены есть стихотворецъ Лаконъ; этотъ вскормленникъ

Музъ, столь многословной, столь холодной, столь многоплодной, напыщенной собою и мало цѣнящій другихъ, великой подражатель и столь мало подражаемой, страстной любовникъ своихъ твореній, и боящійся быть понимаемъ; однимъ словомъ: этотъ бѣдной рѣдкой жени произвелъ на свѣтъ Поэму подъ титуломъ *Прозерпиніада* или *похищеніе дочери Цереріной*: это произведеніе въ десять или въ двенадцать тысячь стиховъ. Чадолюбивой сей отецъ бѣгалъ изъ дому въ домъ, чтобы читать свои стихи; всѣ прячутся, бѣгаютъ отъ такой огромной кучи вздора. Какіе варвары? Они приводятъ его въ отчаяніе: досада, огорченіе бросаютъ его въ меланхолію; онъ погибаетъ. Для излеченія себя прибѣгаетъ къ Эскулапу Евдамиппу; къ щастію, этотъ врачь зналъ дурачество своего паціента, и подозрѣвалъ причину его болѣзни. Онъ спросилъ у него, не сочинилъ ли онъ чего новаго, чего еще никому не прочитывалъ? —,,Ахъ! отвѣчаетъ съ горестію Лаконъ; я сочинилъ огромную Поэму, и никто ее

не знаетъ. — О, пожалуйте, утѣшьте меня, прочтите ее; я готовъ слушать.“ При сихъ словахъ раскрывается душа Лаконова, подобно какъ птичка, обмокшая отъ дождя, расширяетъ свои крылья при первомъ лучѣ возсіявшаго солнца; веселіе блистаетъ на лицѣ его; онъ беретъ свою рукопись и декламируетъ стихи громкимъ и важнымъ голосомъ. Лекарь съ внимательнымъ видомъ приставивши ухо, слушаетъ до конца, превозноситъ сочиненіе и говоритъ: „одного разу не довольно, чтобы замѣтить все изящество и красоты вашего творенія; не одолжите ли вы завтра прочесть въ другой разъ?“ Какое лестное предложеніе! Лаконъ обѣщалъ десять разъ; цѣлую недѣлю онъ уже ничего не ѣлъ; вдругъ аппетитъ его возбуждается. На другой день вторoе чтеніе. Евдамиппъ слушаетъ еще внимательнѣе, и послѣ спрашиваетъ, каковъ онъ въ своемъ здоровьѣ. — „Мнѣ гораздо лучше; я чувствую, что этотъ мучительной припадокъ меня уже оставляетъ.“ — О, такъ хорошо, завтра я опять

приду слушать васъ въ третій разъ. Щастливой Лаконъ опьянѣлъ отъ радости. Могъ ли онъ сомнѣваться, что его Поэма есть превосходное произведеніе творческаго ума, когда ее слушаютъ съ такимъ удовольствіемъ, съ такою ненасытною жадностію! На третій день Евдамиппъ удивился, нашедши своего больнаго въ наилучшемъ состояніи: мутные его и впалые глаза блистали огнемъ радости; лице его блѣдное, увялое, покрылось краскою свѣжести. Онъ его поздравилъ, и послѣ третьяго чтенія сказалъ ему; „вотъ самое лучшее слабительное! держитесь его, оно вамъ поможетъ. А у меня есть другіе больные, которые имѣютъ болѣе нужды въ моемъ пособіи.“

Эта забавная шутка скоро разнеслась по городу; наши весельчаки и насмѣшники потѣшились на щетъ глупости Лаконовой; со всѣхъ сторонъ пошли приглашенія этому щастливому Поэту и бѣдной его Поэмѣ. Осыпаютъ его похвалами, вѣнчаютъ лаврами, поднимаютъ на смѣхъ, умираютъ съ хохота. Самолюбивой поэтъ

восхищенъ своимъ тріумфомъ: онъ напыщается и мнитъ себя быть Аполлономъ. Мильтіадъ въ день Маратонской побѣды не столько почиталъ себя благополучнымъ, ни Софоклъ въ тотъ часъ, когда его Эдипъ принятъ былъ съ торжественнымъ рукоплесканіемъ на Олимпійскихъ играхъ (*); такъ-то сіе справедливо, что какъ герою и великому уму, такъ и человѣку обыкновенному данъ равной участокъ щастія.

Ужъ нѣсколько дней, какъ я оставила деревенское свое уединеніе и живу въ городѣ. Большой свѣтъ, какъ горькіе напитки: ихъ не худо изрѣдка принимать для укрѣпленія желудка и возбужденія аппетита.

,,Прощай, мой любезной! живи пріятно, благополучно, какъ только можешь; но всегда примѣшивай въ чашу забавъ нѣсколько капель разсудка: онъ болѣе придаетъ имъ вкусу, дѣ-

(*) Онъ умеръ отъ сей радости, хотя и былъ уже въ 85 лѣтъ.

лаетъ ихъ продолжительнѣе и мѣшаетъ опьянѣлости. Не знаю, дойдетъ ли къ тебѣ это письмо; я его посылаю съ однимъ путешественникомъ, по имени Ваксисомъ, которой намѣренъ пройти Іонію и берется вручить его.

„Будь здоровъ и щастливъ!“

Это письмо вмѣстѣ и обрадовало меня и опечалило; пробужденное воображеніе перенесло меня во времена моего благополучія; я почувствовалъ всю тягость своей потери, и сіе горестное чувство раскрыло раны моего сердца.

ГЛАВА VI.

Пиршество у Арзама въ его раю: смерть его; описаніе нѣкоторыхъ обычаевъ Вавилонскихъ; отъѣздъ обоихъ друзей.

Арзамъ, что бы сдѣлать намъ пріятнѣе пребываніе въ Вавилонѣ, водилъ насъ съ пировъ на пиры, съ забавъ на забавы; но наслаждаться давалъ намъ только немногія минуты,

Самъ онъ ничѣмъ не веселился; скука снѣдала его, и только безпрестанное движеніе и разсѣянность притупляли на малое время острое жало скуки. Онъ пригласилъ насъ на большой пиръ въ свой прекрасный рай, лежащій на берегу Евфрата. Цѣлую недѣлю дѣлалъ приготовленія къ пиршеству; хотѣлъ соединить всѣ забавы, всѣ пріятности, какія только способны льстить чувствамъ и воображенію. Пирная палата возвышалась на берегу рѣки, среди пространнаго луга, усѣяннаго цвѣтами; тамъ блистали всѣ сокровища Азіятской роскоши и ослѣпляли глаза. Мы сидѣли подъ пурпуровыми балдахинами, висѣвшими на позолоченныхъ столбахъ; столъ и буфеты уставлены были золотою и серебреною посудою. Стѣны залы увѣшаны гирляндами изъ розъ, миртовъ и тысячи различныхъ цвѣтовъ; мы ходили по великолѣпнымъ коврамъ; насъ было пятьдесятъ пирующихъ, и въ томъ числѣ двадцать пять прекраснѣйшихъ женщинъ, въ цвѣтущей молодости, въ прелестномъ нарядѣ; бѣлоснѣжныя ихъ шеи

и груди были обнажены, и только прикрыты одними цвѣтками; на головахъ миртовые и розовые вѣнки, переплетенные алмазами; распущенные волнистые власы упадали до самаго пояса; каждой изъ насъ сидѣлъ за столомъ между двумя прелестницами. Молодые невольники въ щегольскихъ нарядахъ окружали насъ и прислуживали. Огромной оркестръ игралъ аріи то веселыя, то нѣжныя и любострастныя; хоръ искуснѣйшихъ пѣвицъ соединялъ пріятнѣйшіе голоса со звуками сладкогласныхъ цѣвницъ. Намъ подавали семь ношей кушаньевъ, всякой разъ въ большомъ количествѣ. Вины Лезбосскія, Сціосскія, Смирнскія лились рѣками. Въ половинѣ пиршества, лишь только звѣзда Венерина блеснула на горизонтѣ, мы встали изъ застола и пошли гулять на цвѣтущіе берега Евфрата; тамъ прохладной вѣтерокъ, мелькающій лучь луны, осребрявшій волнистыя струи рѣки, тихая, ясная ночь вливали въ душу новое удовольствіе. Между тѣмъ пирная палата освѣщена тысячью огнями, зажжена огромная хрустальная

люстра, и лучи, отражаясь отъ множества серебрянныхъ бляхъ, распространяли яркой свѣтъ, какъ бы середь яснаго дня. Воинская музыка призвала насъ опять на пиршество, которое кончилось танцами; а на разсвѣтѣ дня, какъ скоро утренняя заря раскинула багряную свою ризу, мы гуляли по рѣкѣ въ галерахъ, украшенныхъ позолотою, покрытыхъ дорогими коврами и мягкими подушками. Такъ кончился сей великолѣпной и пріятной праздникъ. Арзамъ не упустилъ ничего, чтобы соединить всѣ удовольствія, всѣ веселія какъ бы въ одну точку. Тутъ онъ открылъ свой тонкой вкусъ, разборчивость и многолѣтній навыкъ въ обычаяхъ большаго свѣта. Казалось, что онъ самъ веселился нашимъ веселіямъ, и раздѣлялъ ихъ съ нами. Наконецъ, думалъ я, острыя стрѣлы удовольствія пробудили усыпленную его душу.

Возвратясь домой, Фаноръ не переставалъ превозносить похвалами богатства, веселія и щастія сего сла-

столюбиваго Сатрапа. Я отвѣчалъ ему сими двумя стихами:

„Къ забавамъ жизни сей не должно прилѣпляться:
„Онѣ сегодни льстятъ, а завтра удалятся.„

Мы легли спать; но въ самомъ глубокомъ снѣ насъ разбудили и подали намъ слѣдующую записку отъ Арзама: „Здравствуйте, друзья мои! я соскучилъ здѣшнею жизнію; иду испытать, веселѣе ли на томъ свѣтѣ. Дѣла мои въ крайней разстройкѣ—моя фамилія хочетъ меня женить, чтобъ ихъ поправить. Я нѣсколько времени колебался между женидьбою и смертію; наконецъ предпочелъ смерть, какъ самое вѣрное. Вчера далъ я вамъ прощальной праздникъ, хотѣлъ добить послѣднее, что у меня еще оставалось, упиться веселіемъ до сытости и проститься съ вами навсегда. Сіи забавы, сіи удовольствія, кои я столько любилъ, коихъ столько искалъ, суть ничто, пустой призракъ воображенія: это настоящее подобіе вашего Иксіона, которой думая об-

нять богиню, обнялъ облако: скука и мерзѣніе слѣдуютъ всегда за удовольствіемъ. Теперь я выпилъ яду: смерть течетъ въ моихъ жилахъ. Естьли вы имѣете довольно бодрости, послѣдуйте моему примѣру: жизнь есть гибельной даръ. Прощайте навсегда!

Не медля ни минуты, мы побѣжали къ нему: онъ лежалъ на постелѣ, блѣденъ и синеватъ. Устремя на насъ неподвижные свои глаза, онъ сказалъ: „Вы конечно пришли учиться умирать?" Мы пришли исторгнуть васъ изъ рукъ отчаянія и смерти. — „Поздо ужъ; ядъ кипитъ въ моихъ жилахъ. Да и помощь ваша мнѣ не нужна. Я проклинаю жизнь; тяжкое ея бремя долго меня мучило. Скука или пламенное желаніе удовольствій ввергало меня, съ самой молодости, во всѣ неумѣренныя забавы. Несчетное богатство, знатность и праздность открыли мнѣ обширную дорогу ко всѣмъ веселостямъ. Онѣ скоро истощили душу мою и чувства. Вчера вы думали, что лучь радости освѣтилъ лице мое: о какъ я далекъ былъ отъ всякаго веселія! Изъ угожденія

скрывалъ терзавшую меня скуку. Сіе страшное чудовище всегда гонялось за мною, какъ за своею добычею. Тридцать лѣтъ несъ я тяжесть жизни, претерпѣлъ тысячи золъ, исчадій моего воображенія или общества, нашихъ нуждъ существенныхъ или вымышленныхъ.

,,Намъ жить здѣсь не дано. — Мы только алчемъ жизни.

,,Не сомнѣваюсь, что міръ сей подвластенъ злому началу. Я долго думалъ, колебался; но намѣреніе мое осталось непремѣнно. Дайте мнѣ умереть спокойно: вотъ все, чего я отъ васъ требую.“ Онъ умолкъ. Скоро домъ его наполнился множествомъ людей. Онъ медленно обращалъ глаза на всѣхъ зрителей. Боль во внутренности начала свирѣпствовать. ,,Ахъ? вскричалъ онъ, вотъ чего я боялся!“ Горестное молчаніе окружало его. За минуту до своей смерти проклиналъ онъ Ваала и Аримана.

Мы немедленно удалились изъ сего печальнаго мѣста. — ,,Ну, мой другъ! сказалъ я Фанору, вотъ тотъ знаменитой Сатрапъ, столь могущест-

венной, столь многими завидуемый, одинъ изъ сильныхъ земли, осыпанный дарами щастія, и при всемъ томъ бѣднѣйшій изъ людей! Будемъ благодарить Провидѣніе за нашу посредственность: она подпора добродѣтели. Излишекъ щастія разслабляетъ душу, истощаетъ ее, отверзаетъ дверь порокамъ и преграждаетъ путь къ благополучію." Мы въ томъ же день рѣшились выѣхать изъ Вавилона; но прежде, нежели его оставимъ, я сообщу здѣсь нѣкоторыя замѣчанія о обычаяхъ и нравахъ жителей сего города.

Казни у Персовъ жесточае казней Прокрустовыхъ и Фаларисовыхъ. Съ ужасомъ воспоминаю, какъ мнѣ случилось въ одинъ день быть свидѣтелемъ неслыханныхъ мученій одного нещастнаго, осужденнаго на казнь въ корытахъ. Вотъ какъ она производится. Выдалбливаютъ два корыта, величиною съ человѣка, начиная отъ шеи до лодыжекъ, такъ чтобы оба сіи корыта плотно одно съ другимъ въ пазахъ сходились. Туда кладутъ навзничь осужденнаго, такъ, что кор-

пусъ его весь закрытъ, и только открыты ноги и голова. Въ такомъ положеніи даютъ ему ѣсть, и естьли онъ отказывается, то принуждаютъ его, втыкая иглы въ глаза. Послѣ того даютъ ему пить меду, разведеннаго въ молокѣ, и тѣмъ же намазываютъ лице, обративъ его къ солнцу, чтобы мухи, привлеченныя медомъ и молокомъ, покрыли его лице. Какъ сей нещастный наполнялъ корыто своими испражненіями, то зараждалось тамъ множество червей, которые съѣдали его живаго. Послѣ смерти нашли все тѣло его, источенное червями. Сей страдалецъ жилъ цѣлые 17 дней въ ужасныхъ мученіяхъ.

Головы отравителей разбиваемы о камень, такъ чтобы не осталось ни малѣйшаго слѣда.

Персы празднуютъ день своего рожденія со всею возможною пышностію. Въ этотъ день богатые приготовляютъ для своего стола жареную лошадь, верблюда, осла и быка. Они очень любятъ иностранные обычаи! отъ Грековъ заимствовали они сей испорченной вкусъ, столь противной

законамъ натуры. Имъ позволено имѣть многихъ женъ и наложницъ, сколько кому угодно. У нихъ есть весьма похвальной законъ, запрещающій даже самому Государю казнить смертію за первое преступленіе; частной человѣкъ не смѣетъ даже наказывать строго невольника за первой проступокъ.

Ничего нѣтъ для нихъ безчестнѣе, какъ лгать, и послѣ лжи, войти въ долги; ибо, говорятъ они, кто вошелъ въ долги, тотъ необходимо будетъ лгать.

Помню я, какъ мы однажды были на берегу Евфрата, и случилось Фанору плюнуть въ рѣку и вымыть въ ней руки. Тотчасъ окружила насъ толпа женщинъ, бѣшеныхъ какъ Вакханки, и хотѣли вести насъ въ темницу. Къ щастію одинъ изъ друзей Арзамовыхъ вырвалъ насъ изъ рукъ ихъ. Онъ сказалъ намъ притомъ, что мы сдѣлали великое баззаконіе; что Персы отдаютъ божескую честь рѣкамъ, и что наистрожайше запрещено плевать въ нихъ, умывать руки, и во-

обще осквернять ихъ какою-либо нечистотою (*).

Во время нашего пребыванія въ Персіи царствовалъ Артаксерксъ. У него было три ста наложницъ прекраснѣйшихъ въ цѣлой Персіи. Ненасытному ничего не довольно: онъ влюбился въ собственную свою дочь, Атоссу. Паризата, его мать, женщина съ великимъ умомъ, но и съ неограниченнымъ честолюбіемъ, питала и воспламеняла сію позорную страсть; она уговорила его жениться на дочери, презрѣвши законы и предразсудки Греческіе. „Тебя, говорила она, поставилъ Богъ единымъ закономъ для Персіянъ, и единымъ правиломъ того, что честно или безчестно, добродѣтельно или порочно."

Меня увѣряли, что сей Государь взялъ себѣ въ жену и другую дочь свою Аместру; но Атосса всегда была первою, въ его сердцѣ, и страстная

(*) Греки часто посвящали волосы свои рѣкамъ. Читаемъ въ Гомерѣ, что Пелей посвятилъ рѣкѣ Сперхію волосы Ахиллесовы, естьли онъ возвратится побѣдителемъ съ Троянской войны.

его любовь ни мало не охолодѣла даже тогда, когда кровосмѣшившая сія дочь казнена рукою Божіею, и поражена проказою по всему тѣлу. Онъ почти не выходилъ изъ храма Юнонина, лежалъ поверженъ предъ статуею богини и умолялъ ее о возстановленіи своей супруги; вытребовалъ отъ своихъ Придворныхъ и Сатраповъ столько даровъ и жертвъ богинѣ, что вся дорога отъ дворца до храма, простирающаяся на 16 стадій, покрыта была золотомъ, серебромъ и дорогими матеріями.

ГЛАВА VII.

Описаніе города Галикарнасса; пребываніе ихъ въ Пафосѣ; поклоненіе Венерѣ; щастливое приключеніе двоихъ друзей; трагическая смерть одной молодой особы; стоическая Философія Стиллона.

Мы оставили Вавилонъ безъ соболѣзнованія. Любовь къ отечеству призывала насъ въ Грецію; мы вздыхали о щастіи обнять друзей своихъ, род-

ственниковъ, а я мою любезную Ласѳенію, нѣжнаго моего друга, о коей сладостное воспоминаніе привязывало меня къ берегамъ Аттики. Дорогою перенесли мы великія трудности, испытали премногія опасности. Въ одну ночь проходили полосу большаго хребта Таврійскихъ горъ; съ нами былъ одинъ только провожатый; по горамъ раздавался страшный вой алчныхъ волковъ. Они напали на насъ; мы принуждены были оставить лошадей ихъ алчности, и конечно были бы сами ихъ добычею, ежели бы поспѣшно не зажгли большихъ огней и не окружили себя ими. Это одно спасло насъ. Наконецъ разбиты усталостію, прибыли мы въ Галикарнассъ, столицу Каріи.

Сей городъ весьма богатъ и имѣетъ прекрасную гавань. Мавзолъ, Царь Галикарнасскій украсилъ его многими зданіями и пышными памятниками. На вершинѣ замка, находящагося по серединѣ города, возвышается Марсовъ храмъ, и въ немъ статуя сего бога колоссальной величины, превосходной работы. Но прекраснѣйшій памятникъ

сего города есть великолѣпный Мавзолей или Гробница, которую повелѣла воздвигнуть Артемиза, дабы увѣковѣчить свою печаль и память о своемъ супругѣ. Онъ стоитъ посреди большой широкой площади; имѣетъ видъ длиннаго четвероугольника; тридцать шесть колоннъ окружаютъ его; всѣ четыре стороны украшены барельефами работы искуснѣйшихъ художниковъ. На верху возвышается пирамида, а на ней колесница въ четыре лошади. Сей великолѣпный монументъ почитается въ числѣ седьми чудесъ свѣта; но онъ былъ бы тогда чудомъ, естьли бы покрывалъ прахъ не тирана, а благодѣтеля человѣчества. Артемиза не имѣла щастія видѣть его оконченнымъ.

Мы посѣтили источникъ Салмакійскій, о которомъ думаютъ, будто его воды возбуждаютъ любовную страсть. Фаноръ, смѣясь сему мнѣнію, напился изъ него: увидимъ послѣ, должно ли вѣрить чудесной силѣ сихъ водъ.

Прежде, нежели мы оставили сей городъ, пошли поклониться праху

Геродота, перваго Историка, который здѣсь родился и умеръ.

Мы сѣли на корабль и отправились на островъ Кипръ; желаніе наше было видѣть Пафосъ, сей славный городъ, гдѣ богиня красоты имѣетъ великолѣпный храмъ, и гдѣ женщины, отъ самаго рожденія посвящаются служенію Венеры, славятся болѣе своими прелестями, нежели цѣломудріемъ, и предаются болѣе чувственнымъ сладостямъ, нежели самой любви.

Нептунъ или вѣтры долго играли нашимъ слабымъ челночкомъ, и метали его какъ легкое перо: матросы, пассажиры и даже двѣ женщины, бывшія съ нами, всѣ попеременно были подъ веслами; полторы сутки оставались мы почти безъ пищи. Наконецъ, около полудня, увидѣли Пафосъ, городъ лежащій на берегу моря, а ввечеру вошли въ гавань.

Нѣкогда островъ Кипръ былъ соединенъ съ Сиріею, но оторванъ отъ нее землетрясеніемъ. Онъ весь посвященъ Венерѣ, особенно же Пафосъ. Сей городъ построенъ Пафосомъ, сыномъ Пигмаліона и прекрасной ста-

туи Венериной, которую изваялъ самъ Пигмаліонъ съ такими прелестями, что она вдохнула любовь въ самаго художника. Онъ повергся предъ нею на колѣни, и умолялъ Венеру, чтобъ она оживила сей истуканъ. Богиня услышала его мольбы, и статуя одушевлена. Пигмаліонъ женился на ней и имѣлъ отъ нее сына Пафоса, который въ память своего рожденія, построилъ великолѣпный храмъ Богинѣ, своей матери; и для того не рѣдко она называется Пафосскою Венерою. Еще и другой Венерѣ отдаютъ поклоненіе на семъ острову, подъ именемъ Ураніи или Небесной Венеры, весьма различной отъ Венеры Анадіомены (*). Первая внушаетъ только чистѣйшія желанія, которыя возвышаютъ душу и исполняютъ ее прелестями добродѣтели: она жаждетъ только духовныхъ наслажденій; но другая прилѣпляется къ чувственнымъ забавамъ.

Кипряне соорудили пышный храмъ въ честь Богини Ураніи. Смертный,

(*) Вышедшая изъ воды.

оскверннвшій добродѣтель, не дерзаетъ приближиться къ нему. Однако я примѣтилъ, что сюда стекается не меньше поклонниковъ, какъ и въ храмъ Пафосской.

Мы поспѣшили на другой день посѣтить его; тамъ нашли болѣе ста женщинъ, изъ коихъ большая часть вмѣсто перловъ и рубиновъ, украшены были своею молодостію, своими прелестями и дарами Флоры. Едва мы вступили въ святилище, какъ нѣкій тайный огнь любострастія проникъ къ души наши; мы почувствовали присутствіе Богини Любви.

Сей великолѣпный храмъ блистаетъ золотомъ и лазурью; въ немъ находятся сто жертвенниковъ, на которыхъ безпрестанно курится фиміамъ. Безсмертное художество украсило его чудесною своею рукою. На огромной и великолѣпной картинѣ, представлена Киприда на колесницѣ, везомой лебедями и голубьми; купидоны окружаютъ ее; богиня оживотворяетъ всѣ существа; оплодотворяетъ

натуру; не льзя смотрѣть на нее, не воспылавъ пламенемъ сладострастія. Образъ ея повторенъ во множествѣ другихъ статуй изъ прекраснѣйшаго Пафосскаго мрамора. Но картина умирающаго Адониса болѣе всѣхъ обратила на себя наши взоры, и поразила насъ удивленіемъ; тамъ Адонисъ, раненый, блѣдный, ослабѣвающій, лежитъ распростертъ на лугу: кровь течетъ изъ раны и обагряетъ зелень и цвѣты. Венера, съ открытою грудью, съ обнаженными руками, безъ вѣнка, блѣдна, какъ и ея любезной, осыпаетъ его поцѣлуями, зоветъ его, орошаетъ слезами, обнимаетъ его бѣлѣе снѣга руками, длинными своими прекрасными власами хочетъ утишить текущую кровь и закрыть рану. А тамъ, вдали подъ древнимъ дубомъ, видѣнъ страшный вепрь, пронзенной стрѣлою Венеры: но ахъ! уже поздо! онъ валяется, борется съ смертію; но кровавые его глаза еще сверкаютъ ростію. Между тѣмъ Адонисъ испускаетъ послѣдній вздохъ, и отчаянная богиня, кажется, умираетъ его

смертію: возлѣ него распускающійся цвѣтокъ раскрываетъ свою чашечку. Это Анемонъ, въ которой превращено тѣло нещастнаго сына Мирры.

Служители храма Венерина никогда не закалаютъ жертвъ; кровь не оскверняетъ олтарей богини; ей пріятны одни благоуханія цвѣтовъ и благовонныя куренія. Женщины подходили къ олтарю, одна послѣ другой, и возлагали свои приношенія; это были цвѣты и фиміамъ. Два хора молодыхъ дѣвицъ, съ распущенными власами, съ вѣнками изъ розъ на головѣ, съ обнаженною грудью, прикрытою только миртовою гирляндою, воспѣвали священные гимны поперемѣнно: сладкіе ихъ голоса, согласное мелодическое пѣніе, ихъ веселость, молодость, красота, вливали въ душу пламенное благоговѣніе къ всесильной матери любви. Мы съ Фаноромъ мнили быть перенесены къ подножію ея трона, въ жилище небожителей. Когда пѣніе умолкло, мы увидѣли двухъ женщинъ, изъ коихъ одна казалась старшею, приближившихся въ молчаніи къ статуѣ богини; стар-

шая сняла съ головы младшей вѣнокъ, сплетенный изъ розъ и миртовъ, и возложила его на главу Киприды; тогда младшая повергласъ къ ногамъ богини, потомъ встала и обѣ онѣ воскурили на жертвенникѣ фиміамъ и мирру. Мы смотрѣли со вниманіемъ на сію церемонію. Когда она кончилась, то обѣ женщины вышли изъ храма; мы слѣдовали за ними и ихъ догнали. Я просилъ ихъ изъяснить намъ причины ихъ моленія и ихъ обрядовъ; ,,теперь только, отвѣчала старшая, я посвятила дочь свою Венерѣ; она уже въ тѣхъ лѣтахъ, что должна заплатить дань Богинѣ.“ — Ваша дочь! вскричалъ я; но вы кажетесь почти однѣхъ съ нею лѣтъ! — Я приближаюсь къ пятому люстру, а дочери моей тринадцатая весна; мнѣ было двенадцать лѣтъ, какъ я ее родила (*). — Клянусь Юноною и всѣми богами, Парисъ былъ бы въ нерѣшимости при

(*) Такая ранняя созрѣлость не будетъ казаться неестественною, естьли припомнимъ, что сей островъ лежитъ подъ 34 степенью и 20 мин. широты.

выборѣ между матерью и дочерью! — Но Фаноръ не долго остался нерѣшителенъ: онъ въ тотъ же часъ воспылалъ нѣжною страстію къ молодой Филодаміи; мать ея называлась Піерія. Мы гуляли въ окружности храма, гдѣ кромѣ самаго святилища находятся также жилища жрецовъ, обработанное поле, луга, крытыя алеи и прекрасная рощица, убѣжище прохлады и таинствъ любви. Мы видѣли повсюду разсѣянныя толпы Пафійцевъ, лежащихъ въ тѣни зеленыхъ сѣней, вкушающихъ сельскую трапезу, воспѣвающихъ любовь, и разливающихъ сладкое вино въ сосуды, украшенные цвѣтами.

Въ Кипрѣ царствуетъ вѣчная, безпрерывная весна. Щастливая умѣренность климата разсыпаетъ изобильно всѣ сокровища земныя. Зефиры развѣваютъ далеко дыханіе цвѣтовъ и растѣній и наполняютъ воздухъ пріятнымъ благоуханіемъ. Въ той рощицѣ, куда мы уклонились, казалось, всѣ деревья повторяли любовныя пѣсни тьмочисленныхъ птицъ; воздухъ, которымъ дышутъ въ семъ

щастливомъ обиталищѣ, воспламененъ огнемъ сладострастія и нѣги. Фаноръ живо почувствовалъ его вліяніе: онъ испилъ очаровательныхъ водъ источника Салмакійскаго; плѣнясь прелестями молодой Филодаміи, онъ заклиналъ ее уступить ему первые начатки той жертвы, которую она обязана принесть Венерѣ. Филодамія, побождуема тѣми же желаніями, просила согласія отъ матери и безъ труда его получила. Мы пожелали имъ небеснаго блаженства, и они удалились: безъ сомнѣнія сама Венера улыбнулась ихъ восторгамъ. Что касается до меня, я остался съ Піеріею, сперва весьма равнодушенъ и безъ намѣреній. Но — какъ заразителенъ воздухъ въ Пафосѣ! Мы сѣли на мягкомъ дерновомъ ложѣ, въ прохладной сѣни, убѣжищѣ любви; будучи такъ близко другъ отъ друга, мы нечувствительно прижимались болѣе и болѣе; разговоръ становился страстнѣе, скоро онъ со всѣмъ прервался, только взоры наши говорили, только чувства перекликались; сладострастіе вкралось въ наши души и ихъ

волновало: я упивался любовію въ пламенныхъ черныхъ глазахъ прекрасной моей сосѣдки; вся кровь во мнѣ горѣла. Минерва меня оставила; она не имѣетъ силы въ семъ жилищѣ любви. Я упалъ къ ногамъ Піеріи, и заклиналъ ее, именемъ Венеры, позволить вкусить мнѣ то же блаженство, какое вкушалъ Фаноръ въ сію минуту въ объятіяхъ ея дочери. „Мать моя, отвѣчала она, посвятила меня отъ самой колыбели, служенію Венеры, и я уже не одинъ разъ заплатила дань своего благоговѣнія и благодарности. Но у насъ въ Пафосѣ рѣдко женщина отказываетъ въ своихъ ласкахъ тому, кто проситъ именемъ богини, а особливо когда и предметъ любви того достоинъ." При сихъ словахъ, я склонился на грудь ея и сжималъ ее въ своихъ объятіяхъ. О Венера! источникъ вѣчный, неизсушаемый нашихъ сладостей, какъ упоительны твои восторги! Прелестное наше убѣжище, живительная прохлада, очаровательная тишина, воркованіе горлицъ, летавшихъ надъ нашею головою, нѣжная мелодія птицъ, прі-

ятной не прерывающійся шумЪ Наяды, катившей воды свои кругЪ насЪ, пламенные, сладострастные взоры Пієріи, нѣжныя ея ласки, все, казалось, соединилось вЪ эту минуту, что бы упоить меня сладостнѣйшими восторгами. Пролетѣли два часа, быстро, какЪ мысль; потомЪ мы пристали опять кЪ Филодаміи и Фанору, которыхЪ нашли обвороженными другЪ отЪ друга, и всѣ вмѣстѣ пошли вЪ городЪ. Но какое страшное явленіе поразило взоры наши! какой контрастЪ случайныхЪ обстоятельствЪ! Мы увидѣли погребательную процессію, медленно подававшуюся кЪ ближнему пригорку. Приближились: какое зрѣлище! несутЪ дѣвицу, во цвѣтѣ лѣтЪ, распростертую на одрѣ. Смерть не обезобразила ни одной ея черты. КакЪ она была еще прекрасна! это Венера спящая. Только блѣдность на лицѣ показывала, что ея нѣтЪ уже; грудь ея ослѣпляющей бѣлизны, была обнажена и покрыта кровію; мы сЪ ужасомЪ увидѣли на ней глубокую рану. Женщины старыя и молодыя, наполняя воздухЪ плачевными воплями,

окружали гробъ. За нимъ шелъ молодой человѣкъ, съ помѣшаннымъ видомъ, съ растрепанными власами, поддерживаемъ двумя юношами. Мы провожали въ горестномъ молчанія печальную сію процессію; остановились на пригоркѣ; костеръ былъ уже готовъ; положили тѣло и зажгли. Тогда вопли и рыданія умножились. Съ трудомъ можно было удержать молодаго человѣка, чтобъ онъ не кинулся въ огонь. Когда драгоцѣнные остатки сей юной красоты истреблены пламенемъ, и прахъ ея собранъ въ гробовую урну, то мы съ Фаноромъ удалились, съ сердцемъ изъязвленнымъ горестію, коея слѣды всегда продолжительнѣе и живѣе, нежели впечатлѣнія радости. Изъ нѣдръ сладострастія мы перешли, такъ сказать, въ хладныя объятія смерти. Піерія и дочь ея обѣщали возвратиться къ намъ, сколько можно скорѣе: мы пошли ждать ихъ подъ перистилемъ храма.

Корабль, на которомъ мы сюда пріѣхали, долженъ былъ отправиться на другой день далѣе въ путь; я

сказалъ о томъ Фанору: но онъ признался, что не можетъ рѣшиться оставить такъ скоро нѣжную Филодамію. — „Не думаешь ли ты остаться здѣсь на семь лѣтъ, какъ Улиссъ на островѣ Огигіи?“ — „Нѣтъ, прошу только на восемь дней.“ Я безъ труда согласился; можетъ быть тѣ же узы привязывали и меня къ моей Калипсѣ. Скоро мы увидѣли идущихъ нашихъ любовницъ. „Мы въ отчаяніи, вскричала Піерія, подходя къ намъ; Пафосъ испыталъ невозвратную потерю смертію прекрасной Каристы; всѣ матери оплакиваютъ ее какъ дочь; всѣ дочери какъ сестру; всѣ мужчины поражены страхомъ, какъ будто Венера оставила нашъ городъ; молодыя ея подруги не отходятъ отъ гробницы, орошая ее слезами; онѣ отрѣзали прекрасные свои локоны и бросили на могилу. На монументѣ вырѣзали слѣдующую эпитафію:

„Здѣсь покоится прахъ прекрасной Каристы. Жестокія Парки пресѣкли нить цвѣтущихъ ея лѣтъ, прежде нежели Гименей зажегъ для нее свой пламенникъ.“

Выслушайте причину плачевной ея

смерти. Жрецы наши утверждаютъ, что это мщеніе Киприды за то, что Кариста всегда упорно отрекалась принесть ей жертву, которою она обязана богинѣ хотя одинъ разъ въ жизни: никогда она не хотѣла отдать себя мущинѣ, и озлобленная богиня вооружила къ отмщенію всесильнаго своего сына, которой отмстилъ, увы! слишкомъ жестоко.

,,Кариста страстно любила Пазевса, юношу столь же прекраснаго, какъ и молодой Гиласъ, увлеченный Наядами на дно рѣки. Оба любовника съ нетерпѣливостію ожидали приближающагося дня, въ который долженъ былъ Гименей соединить ихъ на вѣки. Но злобной Эротъ воспламенилъ отца Каристина, Клеада беззаконною страстію къ собственной его дочери. Сей жестокой отецъ отсрочивалъ со дня на день бракъ обоихъ любовниковъ; наконецъ не смѣя болѣе противиться желанію своего семейства и требованію всего Пафоса, далъ свое согласіе. Увы! злодѣй помышлялъ исполнить проклятое свое намѣреніе. Кари-

ста примѣтила беззаконную любовь отца своего; но она молчала, и всегда старалась укротить необузданныя его желанія тихостію, прозьбами и слезами. Клеадъ утомясь наконецъ отъ безполезнаго ожиданія, и видя, что скоро долженъ будетъ упустить свою добычу, рѣшился похитить силою или хитростію то, чего не могъ получить прозьбами и домогательствами. Онъ подкупилъ кормилицу сей нещастной, и уговорилъ ее, чтобъ она ночью, когда Кариста будетъ спать, отворила ему дверь спальни. Въ самомъ дѣлѣ, во вторую стражу ночи, сей беззаконный отецъ вошелъ въ комнату своей дочери, съ лампадою въ одной рукѣ, съ кинжаломъ въ другой; онъ подходитъ къ ней тихонько, едва ступая на цыпочкахъ. Прекрасная, невинная Кариста погружена была въ кроткой сонъ, лежала разметавшись на постелѣ; почти безъ покрова: казалось Эроты окружали ее, прикрывали своими крыльями и любовались на ея прелести. Беззаконный отецъ, воспламенясь еще болѣе при семъ зрѣлищѣ, останавливается,

смотритъ, пожираетъ глазами самыя тайныя прелести своей дочери, и заранѣе упивается тѣми восторгами, которыхъ столько жаждетъ. Такъ алчный тигръ рыкаетъ отъ радости, готовъ растерзать боязливую овцу. Онъ ставитъ лампаду на ближній столъ, кладетъ кинжалъ и бросается въ объятія своей жертвы. Кариста съ ужасомъ пробуждается, и видя отца своего, пламенѣющаго любострастіемъ, подымаетъ страшный крикъ, отталкиваетъ его, борется, проситъ пощады, проливаетъ слезы, защищается съ бѣшенствомъ; но ничто не удерживало жестокаго хищника: уже добыча въ его рукахъ. Кариста, въ отчаяніи, видитъ кинжалъ на столѣ, хватаетъ его и вонзаетъ въ свое сердце. Клеадъ убѣжалъ: но Пазевсъ клялся прахомъ своей любовницы отмстить; онъ поѣхалъ уже искать своей жертвы." Послѣ сего повѣствованія ночь приближилась, и мы разстались до другаго дня.

На другой день по утру вздумалось мнѣ погулять по гавани; я увидѣлъ корабль и пассажиры сходили съ

него на берегъ. Вдругъ, сквозь густой лѣсъ окладистой бороды, узналъ я Стилпона Мегарскаго, философа секты Стоической. Я зналъ, что онъ лишился жены своей, дѣтей и всего имѣнія при нещастномъ случаѣ, когда Лакедемоняне сожгли и истребили отечественной его городъ. Скорбя о его нещастіи, я обнялъ его съ нѣжностію, не смѣя ни однимъ словомъ припомнить ему о его потерѣ; но одинъ Пафійской житель узнавъ, что онъ изъ Мегары, спросилъ его, не потерпѣлъ ли и онъ при нещастіи, постигшемъ его отечество? — „Нѣтъ, отвѣчалъ онъ; благодареніе богамъ! я потерялъ только жену, дѣтей и имѣніе; а то, что собственно мое, осталось все со мною." Кровь во мнѣ замерзла; онъ то примѣтилъ, и продолжалъ: война не могла похитить у меня добродѣтели, знаній, краснорѣчія; станемъ беречь женъ своихъ, дѣтей, имѣніе, сколько возможно; но будемъ почитать все сіе, какъ не принадлежащее намъ: для добродѣтели довольно одной добродѣтели. Справедливо говоритъ философъ Анти-

стенъ, что человѣкъ въ жизни сей долженъ пріобрѣтать такія блага, которыя бы не тонули въ водѣ, чтобы можно было, при случившемся кораблекрушеніи, спасти ихъ вплавь. Мудрый умѣетъ жить одинъ; онъ разсѣкаетъ или развязываетъ тотъ узелъ, который его слишкомъ стѣсняетъ, и сочетается только самъ съ собою. Мое имѣніе, мое семейство, все это не я; я остался для себя: чтобъ быть щастливымъ, довольно одной добродѣтели. — „Но эта философія, сказалъ я ему, положивъ руку на его сердце, не отсюда проистекаетъ.“ Потомъ я спросилъ, что призвало его въ Пафосъ? — „Любопытство: хотѣлось мнѣ видѣть мужчинъ, которые сдѣлались бабами, и женщинъ, которыя распутствомъ унизились къ скотамъ.“ Мы разстались послѣ сихъ словъ, и я не искалъ его болѣе: строгая его мораль и Стоическая жестокость отгоняли меня и наводили какое-то уныніе на мою душу.

Пять дней провели мы въ Пафосѣ въ безпрестанныхъ пиршествахъ, за-

бавахъ, прогулкахъ. И во все это время, мы почти неразлучны были съ Піеріею и Филодаміею; но этотъ образъ жизни начиналъ мнѣ скучать. Скука и омерзѣніе одолѣли меня; я бы бѣжалъ отсюда; но какъ предложить Фанору разстаться такъ скоро съ его любезною? Наконецъ на удачу промолвилъ ему слова два три объ отъѣздѣ. Отвѣтъ его сразилъ меня. Онъ сказалъ мнѣ, что онъ давно того желаетъ, но боялся мнѣ предложить. Всѣ эти удовольствія, столь легко получаемыя; эти наслажденія, въ которыхъ сердце и умъ не участвуютъ, утомляютъ чувства и отвращаютъ душу. Не въ томъ ищу я своего благополучія. Въ любви есть много степеней наслажденія; надобно пріобрѣтать каждой шагъ мало по малу, пока достигнешь до высочайшей степени блаженства. Спасемъ себя, какъ мудрой Улиссъ: оставимъ этотъ заразительный островъ, столько же опасный, какъ и Цирцеинъ.“

Къ щастію корабль нашъ стоялъ еще въ гавани, будучи пригнанъ сильнымъ противнымъ вѣтромъ. Мы сѣли

на него, прежде нежели лучезарный Фебъ возсѣлъ на пламенную свою колесницу, и удалились изъ царства Киприды; обѣ наши волшебницы не знали ничего о нашемъ отъѣздѣ. Жалѣли ли онѣ объ насъ или нѣтъ, это онѣ только знаютъ; но я увѣренъ, что по гибкости своихъ нравовъ скоро нашли себѣ тысячу утѣшителей.

ГЛАВА VIII.

Разговоръ между обоими друзьями на кораблѣ; встрѣча двухъ Грековъ; Трофоніева пещера; басня о Прометеѣ; Мидасѣ; повѣсть о Гигесѣ.

Плаваніе наше было благополучно. Въ сіе праздное время Фаноръ часто занимался размышленіемъ о будущей своей судьбѣ; онъ не думалъ уже удалиться на гору Аѳонскую, чтобъ жить тамъ въ заперти; но помышлялъ, какъ бы привязать сердце свое неразрывными, вѣчными узами къ предмету, достойному любви. „Сіи ложныя удовольствія, которыя мы оста-

вили, сіи обманчивыя наслажденія, упояющія только чувства, а душу приводящія въ уныніе, наполнили сердце мое скукою и омерзѣніемъ. Пустота снѣдаетъ его; ему нужно любить и быть любимымъ; одиночество сдѣлало бы для меня несноснымъ мое существованіе. Одинъ изъ нашихъ мудрецовъ говоритъ, что жена въ цвѣтущія лѣта есть любовница, въ совершенномъ возрастѣ товарищь, а въ старости нашъ другъ и стражъ; и такъ супружество во всякое время полезно и вожделѣнно. Теперь ты, мой другъ, замѣняешь мнѣ все: твоя компанія, твоя дружба смягчаетъ мои безпокойства и дѣлаетъ жизнь для меня пріятною; но мы не всегда будемъ вмѣстѣ: ты возвратишься въ объятія нѣжной Ласѳеніи. Къ томужъ, и въ нѣдрахъ дружбы сердце мое имѣетъ нужду любить. Я бросилъ свою вѣтренность; мнѣ омерзѣли тѣ прелести, которыя болѣе украшены пороками, нежели пріятностями. Я желалъ бы найти себѣ женщину милую, чувствительную, съ просвѣщеннымъ и основа-

тельнымъ умомъ, съ добродѣтелями и скромностію, которыя служатъ украшеніемъ и для самыхъ прелестей... — И которая любила бы тебя страстно? — Ну, конечно. — ,,Желаю тебѣ отъ всего сердца, желаю тебѣ найти сію вѣрную подругу жизни. Платонъ говоритъ, что души наши, сіи чистые лучи божества, прежде нежели облечены были въ эту грубую, тлѣнную одежду, обитали на одной планетѣ, гдѣ непреодолимое нѣкое влеченіе соединяло ихъ по-парно и воспламеняло взаимно чистою, небесною любовію. Сошедши на землю, сіи души, бывшія въ толь тѣсномъ союзѣ, ищутъ себя взаимно, влекутся непреодолимою силою одна къ другой, и тогда только любятъ истинною любовію, когда онѣ встрѣтятся. Ты не нашелъ еще той души, съ которою былъ соединенъ на той планетѣ: вотъ причина твоей скуки и вѣтренности." Ну, такъ я буду искать ее, и найду конечно: тайное предчувствіе увѣряетъ меня въ томъ." — Разговоръ нашъ былъ прерванъ приближеніемъ одного Грека, по

имени Мамерка, которой прохаживался по кораблю. Онъ былъ пассажиръ съ братомъ своимъ Цебесомъ. Мамеркъ былъ веселаго нрава, пріятнаго обхожденія, но Цебесъ своею важностію и молчаливостію смѣшилъ и забавлялъ всѣхъ плавателей. Мы спросили у Мамерка, отъ чего братъ его такъ пасмуренъ? „Это наказаніе за его любопытство, отвѣчалъ онъ; ему захотѣлось совидаться съ Трофоніемъ, и онъ пошелъ въ его пещеру. На немъ сбылась пословица, которая мститъ на человѣка никогда несмѣющагося: *онъ воротился изъ Трофоніевой пещеры*. Я для того съ нимъ и путешествую, вотъ уже третій мѣсяцъ, чтобъ разсѣять его задумчивость и изгладить изъ памяти страшныя впечатлѣнія." Мы просили Мамерка, чтобы онъ познакомилъ насъ съ этимъ Оракуломъ, и разсказалъ, какъ спрашиваютъ у него пророческихъ отвѣтовъ! — „Очень охотно. Только не угодно ли сѣсть возлѣ моего брата. Онъ мнѣ поможетъ въ повѣсти и разскажетъ самъ, что онъ видѣлъ и слышалъ." По прозьбѣ Мамерковой Цебесъ разгладилъ свои мор-

щины, и согласился ввести насъ въ таинства Оракула. Мы сѣли на палубѣ; легкія облачка носились въ воздухѣ и закрывали солнце; прохлада вѣтерка и воды дѣлала день сей прекраснымъ.

„Прежде всего, сказалъ Мамеркъ, не знаю, за что пожаловали въ боги этого Трофонія, которой былъ не больше, какъ простой архитекторъ и не простой плутъ? Пещера, гдѣ онъ даетъ свои провѣщанія, находится въ срединѣ лѣса, не подалеку отъ Лабадеи. Я всячески старался отговорить своему брату, чтобъ не подвергался сему искусу; но онъ ничего не слушалъ. — Я пошелъ, продолжалъ Цебесъ, представиться служителямъ храма. Они дѣлали мнѣ строгіе вопросы о образѣ моей жизни и правилахъ моей религіи. Потомъ ввели меня въ притворъ, посвященный Фортунѣ и доброму духу, гдѣ я пробылъ нѣсколько дней. Мнѣ предписали употреблять холодную баню, воздерживаться отъ вина, и много другихъ обрядовъ; въ пищу давали мнѣ только отъ тѣхъ жертвъ, ко-

торыя я приносилъ Трофонію. За день передъ тѣмъ, какъ мнѣ назначено вопрошать Оракула, принесъ я въ жертву барана, и провѣщатели, разсмотрѣвши внутренности его, объявили мнѣ, что Трофонію благопріятно мое приношеніе. Тогда предписали мнѣ дѣлать омовенія: два мальчика, которыхъ называли Меркуріями, стали обмывать меня и натирать деревяннымъ масломъ; дали мнѣ выпить воды изъ источника Леты, которая имѣла свойство приводить въ забвеніе прошедшее; потомъ дали мнѣ воды изъ источника Мнемозины, которая впечатлѣваетъ въ памяти все, что будешь видѣть въ пещерѣ. По совершеніи сихъ обрядовъ, повели меня въ притворъ, принести мольбы статуѣ Трофоніевой. Надѣли на меня ризу льняную, и при свѣтѣ факеловъ (ибо сіи церемоніи производились ночью) повели меня къ другому гроту. Тутъ у входа, обнялъ я своего брата, которой слѣдовалъ за мною вмѣстѣ съ другими любопытными. Прежде нежели я вошелъ въ пещеру, жрецъ далъ мнѣ два опреснока, въ каждую

руку по одному: ,,это предохранитъ тебя, чадо! отъ угрызенія змѣй, коими наполнена пещера." — Плутни! вскричалъ Мамеркъ: эти опресноки даютъ вопрошающимъ для того, чтобъ занять ихъ руки и помѣшать имъ развѣдывать мѣста. — Я спустился, продолжалъ Цебесъ, по лѣстницѣ въ другую пещеру. Сошедъ довольно глубоко, нашелъ тамъ только одно чрезвычайно узкое отверстіе: съ великимъ трудомъ протащили меня черезъ него за ноги и за руки. Признаюсь, ужасъ объялъ меня, но мнѣ нѣкогда было разсуждать; я чувствовалъ, что какая-то сила съ чрезмѣрною быстротою влекла меня на дно бездны. Тамъ царствовала мрачная ночь. Не знаю, что я тамъ видѣлъ, что дѣлалъ: голова была у меня не на мѣстѣ. Кажется однако, я видѣлъ послѣ черной тьмы внезапной свѣтъ, и примѣтилъ подъ ногами глубокія пропасти: ревъ звѣрей, вопли и воздыханія мужей и женъ поразили слухъ мой. Тогда плачевный нѣкій голосъ вопросилъ меня: ,,За чемъ пришелъ ты въ сіи обиталища ужаса?"

узнать мою судьбу, отвѣчалъ я съ трепетомъ. — „Ты умрешь на пиршествѣ.“ Голосъ умолкъ, и въ ту минуту помчали меня опять ногами вверхъ, а головою внизъ. — Я увидѣлъ его возвращающагося, подлѣ перилъ, находящихся у входа той пещеры, гдѣ мы его ожидали. Какое страшилище! онъ привелъ меня въ ужасъ; сердце мое обмерло; глаза у него помутились, взоръ дикій, лице блѣдное: онъ смотрѣлъ на меня неподвижно, и не узнавалъ. Я звалъ его, онъ не отвѣчалъ ни слова, какъ бы пораженъ глубокимъ обморокомъ. Жрецы посадили его на треножникъ Мнемозининъ: тутъ должно ему было вспомнить, что онъ видѣлъ и слышалъ. Онъ произнесъ нѣсколько отрывчивыхъ словъ; жрецы тщательно ихъ собирали, и объявили ему отвѣтъ Оракула. Потомъ отвели его въ притворъ Фортуны и добраго Генія. Мало по малу онъ приходилъ въ себя. Мы окружили его, засыпали вопросами, что онъ видѣлъ, что слышалъ; но у него остались только сбивчивыя понятія. Онъ говорилъ намъ о Стиксѣ,

о гармонической музыкѣ, о свѣтѣ, которой его ослѣпилъ. Больше ничего сказать не могъ, и это, я думаю, весь плодъ, какой получаютъ бѣдные сіи суевѣры отъ этой проклятой церемоніи; да къ томужъ еще навлекаютъ себѣ на цѣлую жизнь унылость и задумчивость, слѣдствіе ужаса и изумленія. Съ того времени братъ мой убѣгаетъ всякихъ праздневствъ, и отъ того не менѣе нещастенъ. Можно сказать, что это самой дурацкой и самой плутовской оракулъ во всей Греціи. Легко угадать, что жрецы знаютъ потаенные ходы въ подземелье и употребляютъ всѣ средства, чтобы помутить вообраafженіе людей слабоумныхъ."

Мы поблагодарили обоихъ братьевъ за ихъ повѣствованіе. Во все время нашего плаванія Цебесъ оставался унылъ и пасмуренъ; трудно было добиться отъ него слова; но съ Маркомъ мы провождали время весело: онъ былъ человѣкъ умной и любезной, и забавными своими разсказами веселилъ пассажировъ. Между прочими

повѣстями, онъ разсказалъ намъ басню о Прометеѣ, которую часто заставляли его пересказывать, потому что онъ увѣрилъ старыхъ корабельщиковъ, что они помолодѣютъ, естьли найдутъ растѣніе, потерянное слѣдующимъ образомъ:

„Прометей, сдѣлавши статую изъ глины, примѣшалъ туда дрождей, желчи, мяса аспидова и пѣны львиной. Вотъ, друзья, изъ чего сложенъ человѣкъ; видите, что тутъ не чѣмъ хвастаться. Но сія статуя была еще безчувственная масса. Прометей укралъ огня отъ солнца, и человѣкъ одушевленъ. Но лишь только онъ себя почувствовалъ, то и сталъ жаловаться богамъ на гибельный сей даръ, на свое существованіе: болѣзнь и печаль постигли его въ самой колыбели. Юпитеръ, въ утѣшеніе ему, и дабы облегчить его страданіе, далъ ему растѣніе, которое имѣло силу возвращать молодость. Какъ радовался нашъ праотецъ, имѣя въ рукахъ сіе сокровище! Онъ положилъ на него осла и отправился въ путь. Дорогою ско-

тина, истаявая отъ жажды, остановилась на берегу ручья, и хотѣла напиться; но змѣй, которой стерегъ сей источникъ, не позволялъ ослу прикасаться къ водѣ, развѣ съ тѣмъ условіемъ, что, онъ отдастъ ему растѣніе. Оселъ согласился; и съ тѣхъ поръ змѣй молодѣетъ, а мы, бѣдняки, старѣемся безвозвратно.“ Матросы, особливо старики, шумѣли немилосердо на глупость осла и на догадливость змѣя. Между тѣмъ погода была тиха и мы плыли благополучно при попутномъ легкомъ вѣтрѣ; экипажъ оставался безъ дѣла, и для того всѣ просили Мамерка, потчивать ихъ еще другою басенкою. „Хорошо, сказалъ онъ: не дожидаясь повторенія прозьбы, я разскажу вамъ приключеніе Мидаса, Царя Лидійскаго.

„Онъ былъ Государь доброй, но, какъ и не рѣдко случается, у него не было въ головѣ царя. Онъ принялъ благосклонно стараго Силена, воспитателя Вакхова, за что сей Богъ, возвращаясь изъ Индіи, и проходя его царство, обѣщалъ ему исполнить

первое его желаніе. Мидасъ, будучи больше златолюбивъ, нежели разсудителенъ, просилъ, чтобы все, къ чему онъ ни прикоснется, превращалось въ золото. Бахусъ жалѣлъ о его глупости, однако исполнилъ его желаніе.“ Всѣ матросы весьма хвалили Мидаса за умной его выборъ, и говорили, что на его мѣстѣ они и сами того же пожелали бы: „О! у насъ бы были кучи золота!“ Постойте, постойте, вы увидите, больше ли у васъ ума, нежели у Мидаса. Сей Государь тотчасъ приказалъ приготовить великолѣпный пиръ; вѣдь денегъ у него была куча: въ восторгѣ радости садится за столъ, сперва беретъ кусокъ хлѣба, и хлѣбъ въ рукахъ его золото; онъ беретъ куропатку, и куропатка золотая. Онъ удивляется, беретъ яблоко, и оно стало Гесперидское яблоко; хочетъ пить Смирнское вино, и вино прикоснувшись къ его устамъ, превращается въ влажное золото. Однимъ словомъ, все, къ чему онъ ни дотронется, что хочетъ ѣсть или пить, все обращается въ золото.

Тогда-то онъ среди несмѣтныхъ сокровищь, умирая отъ голоду и жажды, оплакивалъ глупое свое сребролюбіе, и просилъ Бахуса, чтобъ онъ взялъ отъ него пагубной свой даръ. Сынъ Семелинъ сжалился надъ нимъ, и приказалъ ему вымыться въ въ рѣкѣ Пактолѣ. Мидасъ повиновался, и оставилъ въ водахъ сихъ роковой свой даръ. — Ну, други! еще ли вы завидуете его благополучію? желаете ли быть на его мѣстѣ? — „Нѣтъ, мы этого не предвидѣли.“ — Этотъ случай долженъ научить васъ, что человѣческія желанія обыкновенно смѣшны и глупы; что должно быть довольну своею судьбою и ничего не желать усердно, потому что мы не знаемъ, послужитъ ли намъ это въ пользу или во вредъ. Но этотъ же Государь сдѣлалъ другую глупость, за которую онъ заплатилъ дороже. Случилось, что Панъ спорилъ нѣкогда съ Аполлономъ о преимуществѣ въ пѣніи: оба выбрали судьею Мидаса, да еще гору Тмольскую. Сія послѣдняя, имѣя болѣе тонкаго слуха и разсудка,

отдала преимущество Аполлону; но невѣжа Мидасъ предпочелъ Пана. Аполлонъ очень забавно отмстилъ ему за его глупой судъ: онъ потянулъ его за уши, и превратилъ ихъ въ ослиныя. Бѣднякъ отъ стыда сперва скрылся; но рано или поздно надобно было показаться, и для того онъ выдумалъ спрятать свои длинныя уши подъ багряную шапочку. Вотъ вамъ происхожденіе всѣхъ шапокъ, шляпъ и тюрбановъ! Однако будучи принужденъ открыть свою бѣду брадобрею, онъ взялъ съ него клятву, хранить тайну наистрожайше. Брадобрей не смѣлъ нарушить своей клятвы; но чтобъ хоть малую дать отраду своему сердцу, выкопалъ въ землѣ яму, и уткнувши туда голову, нѣсколько разъ проговорилъ: *у Царя Мидаса ослиныя уши.* Спустя нѣкоторое время, выросъ тростникъ изъ этой ямы, и будучи колеблемъ вѣтромъ, всегда повторялъ: *у Царя Мидаса ослиныя уши.* Матросы весьма смѣялись этой забавной басни; они смотрѣли другъ на друга, и у кого замѣчали длинныя уши того называли Мидасомъ. — Какъ мы

теперь въ Лидіи, началъ опять Мамеркъ, то я разскажу вамъ другую исторію, случившуюся въ этой землѣ.

,,Нѣкогда отъ большихъ продолжительныхъ дождей разверзлась земля въ сей странѣ. Нѣкто по имени Гигесъ, пасшій стада Царя Кандавла, полюбопытствовалъ спуститься въ эту бездну. Онъ нашелъ тамъ мѣднаго коня, у коего въ боку сдѣланы были двери. Гигесъ отворилъ ихъ и увидѣлъ внутри мертваго человѣка, величины чрезвычайной, у котораго на пальцѣ былъ золотой перстень. Онъ его снялъ. Этотъ перстень имѣлъ чудное свойство: когда оборотишь его гнѣздомъ къ ладони, то сдѣлаешься невидимъ; а когда переворотишь другою стороною, то будешь видимъ, какъ и прежде. — ,,Ахъ, какое щастіе! что естьлибъ это кольцо было у насъ! тото-бы мы надѣлали славныхъ дѣлъ!" — Можетъ быть это было бы для васъ великое нещастіе; вы бы употребили его во вредъ, какъ и этотъ пастухъ, которой умертвилъ Царя своего Кандавла, чтобы самому захватить его престолъ. Друзья мои,

честной человѣкъ долженъ такъ жить, какъ будто и Боги и всѣ люди его видятъ.“ —

Въ это время поднялся сильной вѣтеръ, и прервалъ рѣчь Мамеркову; всѣ побѣжали къ работѣ: свирѣпый Австръ бушевалъ съ великою отвагою, волны ярились и метали слабой нашъ корабль. Къ щастію, на разсвѣтѣ дня, вѣтеръ утихъ, и мы съ радостію увидѣли городъ Смирну, и пристали къ нему около полудни. Сей городъ отчасти возвышается на горѣ, но большою частію простирается по гладкой равнинѣ, къ самой гавани, противъ гимназіи и храма матери боговъ. Улицы въ немъ прекрасныя, всѣ разсѣчены подъ прямымъ угломъ, и устланы камнями; какъ въ верхнемъ такъ и въ нижнемъ городѣ есть много большихъ четвероугольныхъ портиковъ; особенно въ нижнемъ достойна замѣчанія библіотека и святилище Гомерово: его называютъ Гомеріонъ: это большой квадратной портикъ съ храмомъ, въ которомъ находится статуя Гомера. Рѣка Мелезія течетъ у самыхъ стѣнъ.

Гавань весьма удобна, и ее можно запирать во всякое время.

Жители Смирнскіе хвалятся тою честію, что Отецъ Поэтовъ родился въ ихъ городѣ. Проксенъ привелъ насъ въ гротъ, гдѣ сей превосходной умъ творилъ свои поэмы. Онъ разсказалъ намъ исторію о его рожденіи. „Прекрасная странница, по имени Критеида, будучи беременна симъ младенцемъ, родила его тайно на берегу Милезіи: отъ чего и назывался Милезигеномъ (*рожденнымъ у рѣки Милезіи*), но послѣ, когда потерялъ зрѣніе, онъ перемѣнилъ сіе названіе на имя Гомера, то есть слѣпаго. Послѣ родовъ сія нещастная мать кормилась работою рукъ своихъ, пряла шерсть и тѣмъ доставала скудное пропитаніе себѣ и младенцу. Въ это время увидѣлъ ее Формій, философъ, обучавшій въ Смирнѣ Грамматикѣ и музыкѣ; тронувшись ея бѣдностію, а болѣе еще красотою, и находя въ ней довольно ума, онъ на ней женился, и тщательно воспитывалъ младенца Гомера. Сей пришедши въ возрастъ, не

искалъ своего щастія при Дворахъ Государей; но сносилъ бѣдность съ терпѣніемъ, и для просвѣщенія своего весьма много странствовалъ." —

Жители Смирнскіе любятъ роскошь и забавы; но ища наслаждаться пріятностями жизни, они не вовсе предаются нѣгѣ, а сохраняютъ всегда храбрость и дѣятельность.

Мы не долго пробыли въ Смирнѣ, и послѣ нѣсколькихъ дней простились съ Мамеркомъ и Цебесомъ, и отправились въ Сарды.

ГЛАВА IX.

Описаніе города Сардовъ и его окружностей; встрѣча двухъ молодыхъ дѣвицъ; Антеноръ и Фаноръ приняты гостепріимно ихъ дѣдомъ.

Сарды, столичной городъ Лидіи, рославенъ своими богатствами, роскошью и нѣгою жителей; онъ стоитъ на покатости горы Тмола, за двадцать пять стадій отъ Смирны и за

пять сотъ сорокъ отъ Ефеса. Пактолъ, выходя изъ нѣдръ горы сей, протекаетъ городъ, крутя воды свои по золотому песку; его окружности простираясь отъ подошвы горы даже до рѣки Гема, орошаемы множествомъ ручьевъ и рѣкъ, представляютъ повсюду картину богатства и обилія въ хлѣбѣ, плодахъ и превосходныхъ паствахъ.

Великолѣпныя страны, гармоническое пѣніе птицъ, пѣсни пастуховъ, вмѣстѣ съ голосомъ сельскихъ инструментовъ, блеяніе стадъ, тихой шопотъ зефира, колеблющаго листья и освѣжающаго атмосферу, расписанныя облака, на западѣ луна, возвышающаяся предъ нами, прекрасная, величественная: все вливало въ душу нашу восторгъ чистой, кроткой радости. Цѣлой часъ оставались мы въ безмолвномъ изумленіи, упоены восхитительнымъ зрѣлищемъ. Мы сидѣли на травѣ, на берегу ручья: вдругъ увидѣли двухъ дѣвушекъ, вышедшихъ изъ ближняго домика; каждая несла корзинку: онѣ подобились прелестнымъ Нимфамъ Діяны. Подошедши къ

намъ, онѣ просили насъ на Персид-
скомъ языкѣ (мы были въ Персид-
ской одеждѣ) отъ имени дѣда сво-
его принять плоды ихъ садика; мы
приняли и отблагодарили ихъ на
томъ же языкѣ. Тутъ Фаноръ ска-
залъ мнѣ по Гречески, что этѣ Ним-
фы прелестны, и что онъ хотѣлъ бы
ихъ поцѣловать и испытать ихъ
честность.

При сихъ словахъ багровой румя-
нецъ покрылъ ихъ дѣвственныя лица;
онѣ потупили глаза и отступили. Мы
догадались, что онѣ понимаютъ по-
Гречески, и извинились передъ ними
на Іоническомъ діалектѣ; онѣ отвѣ-
чали намъ на Аттическомъ, и тѣмъ
привели насъ въ радостное удивленіе.
Послѣ нѣкоторыхъ извиненій онѣ при-
глашали насъ къ своему дѣду, родомъ
Греку, которой съ удовольствіемъ
принимаетъ странниковъ, а особливо
радъ будетъ своимъ соотечествен-
никамъ. Мы согласились.

Идучи узнали мы отъ нихъ, что
увидимъ осьмидесяти-лѣтняго ста-
рика, лишившагося зрѣнія уже около
года.

Мы нашли почтеннаго старца, съ заступомъ въ рукѣ, преклоненнаго къ землѣ. Дѣвицы представили насъ какъ соотечественниковъ. Тогда онъ поднялся, и сказалъ намъ съ тою благородною и величественною осанкою, которая обнаруживаетъ великаго человѣка даже въ рубищѣ простаго садовника: „Любезные Греки! глаза мои лишены щастія васъ видѣть: свѣтило небесное не освѣщаетъ уже темнаго пути моего: но я буду имѣть удовольствіе васъ слышать, и, естьли угодно богамъ, быть вамъ полезенъ.“ Правильное его нарѣчіе, чистой выговоръ, утвердили насъ еще болѣе въ той мысли, что мы видимъ предъ собою отличнаго гражданина Аѳинскаго. Физіогномія его внушала почтеніе, длинная его борода была убѣлена лѣтами, чело широкое, безволосое, видъ важной и кроткой: казалось, что сокрушающая рука времени коснулась только его зрѣнія; онъ предложилъ намъ домъ свой. „Я угощу васъ, сказалъ онъ, какъ доброй Гирей угостилъ боговъ: я бѣденъ, также какъ и онъ, мои сосуды и мои

боги изъ глины. Я могъ бы набогатиться не менѣе другихъ; но честной человѣкъ предпочитаетъ честную бѣдность всѣмъ сокровищамъ Крезовымъ.“ По обычаю Грековъ онъ не спрашивалъ нашего имени, и мы, въ разсужденіи его, соблюли ту же скромность. Посадивши насъ за столъ, онъ сказалъ намъ: „вы будете ужинать вмѣстѣ съ моими внучками: это противно обыкновенію Аѳинянъ, которые удаляютъ женщинъ отъ стола, какъ скоро есть чужіе; но мнѣ бы больно было удалить отъ себя такихъ милыхъ дѣтей; притомъ же ихъ благоразуміе позволяетъ сдѣлать исключеніе изъ сего правила.“

За ужиномъ онъ разспрашивалъ насъ о нашихъ путешествіяхъ, а особливо о нравахъ Спартанцевъ; улыбался при всякой новой чертѣ, и иногда восклицалъ: „Какіе нравы! какіе люди! должно удивляться Спартѣ, но жить надобно въ Аѳинахъ;—правда, Аѳиняне народъ непостоянной, неблагодарной! они изгнали Ѳемистокла; они погубили въ темницѣ Мильтіада, того, которой послѣ Маратонскаго сраженія

требовалъ себѣ въ награду одного только лавроваго вѣнца. — И онъ не получилъ его? — Нѣтъ; нѣкто Соккаресъ всталъ среди собранія, и сказалъ: „Мильтіадъ! когда ты будешь сражаться одинъ, тогда одинъ и получишь вѣнецъ.“ Сіи слова польстили самолюбію Аѳинянъ, и награда отказана. Тутъ умолкъ почтенный нашъ старикъ, и казался углубленъ въ важныя мысли. Потомъ вдругъ воскликнулъ: „Что наша слава, честолюбіе? пустыя химеры! гибельныя страсти! Мильтіадъ, Ѳемистоклъ жалостно погибаютъ; Сократъ выпиваетъ ядъ; бичь тирановъ, Діонъ падаетъ подъ ударами меча; Діонисій младшій, съ верху честей низверженъ въ прахъ: страшное паденіе сего вѣнчаннаго тиранна Сицилійскаго! съ высоты престола нисходитъ онъ въ корчмы Коринѳскія, и вкушаетъ горькій хлѣбъ. Надобно только сравнить себя съ симъ нещастнымъ Діонисіемъ, и тогда перестанешь жаловаться на суровость судьбы.“ — Сей переворотъ щастія, случившійся съ Діонисіемъ, сказалъ я, тѣмъ удивительнѣе, что

Государь сей, какъ говорятъ, имѣлъ
много ума и храбрости. — Разсказы-
ваютъ нѣкоторые его отвѣты, изъ
коихъ видно, что онъ имѣлъ и то и
другое. Нѣкто въ Коринѳѣ смѣялся
надъ нимъ, что онъ въ дни величія
своего любилъ бесѣдовать съ фило-
софами, и спрашивалъ его съ насмѣш-
кою, къ чему послужили ему уроки
Платоновы? — Къ тому, отвѣчалъ
Діонисій, что я терпѣливо сношу
удары судьбы.“ — Македонской Госу-
дарь: сидя съ нимъ за столомъ, из-
дѣвался надъ трагедіями отца его,
старшаго Діонисія, и спрашивалъ съ
злобною насмѣшкою, въ какія празд-
ныя минуты сочинялъ онъ сіе сокро-
вище? — „Вы очень удивитесь; онъ
сочинялъ ихъ въ тѣ часы, въ кото-
рые вы, и я, и тысячи другихъ, уто-
паемъ въ нѣгѣ и предаемся пьянству.“
Мнѣ кажется, что этотъ Діонисій
умѣлъ сносить тягость нещастій.
Въ глазахъ моихъ презрѣнны тѣ ма-
лодушные люди, которые стонаютъ,
отчаяваются при потерѣ блестя-
щихъ игрушекъ, высокихъ почестей
и важныхъ должностей: такихъ кар-

ловъ по душѣ я обыкновенно сравниваю съ дѣтьми, которыя плачутъ о потерѣ своихъ игрушекъ или куколъ. Но оставимъ нашу трапезу, наступившій вечеръ зоветъ насъ къ прогулкѣ; сдѣлаемъ возліяніе Юпитеру, и пойдемъ освѣжиться прохладою на берега Пактола. Послѣ возліянія, онъ взялъ свой посохъ и мы за нимъ послѣдовали. Приближаясь къ рѣкѣ, онъ сказалъ: „Пактолъ недалеко, я его чувствую въ прохладѣ воздуха?" Между тѣмъ онъ давалъ намъ замѣтить богатые и прекрасные виноградные сады, которые покрывали гору Тмольскую; пригласилъ насъ взойти на нее, и оттуда насладиться восхитительными видами; мы сказали ему, что боимся его утомить. „О! вскричалъ онъ, я еще молодъ, мнѣ только восемдесятъ три года, притомъ же я привыкъ къ трудамъ; никогда въ жизни не нѣжился на мягкихъ ложахъ, и не хочу потерять употребленія своихъ ногъ; ступайте за мною." Въ самомъ дѣлѣ онъ пошелъ впередъ твердымъ шагомъ, по-

сохъ служилъ ему только указателемъ, чтобы уклоняться отъ каменьевъ и другихъ неудобствъ въ пути. Фаноръ и я смотрѣли на него съ почтеніемъ и удивленіемъ. Голова его и ноги были не покрыты: хитонъ изъ грубой ткани и коротенькая епанча, (называемая Палліумъ), застегнутая желѣзнымъ крюкомъ, вотъ вся его одѣжда, весь уборъ.

ГЛАВА X.

Нравы жителей Сардійскихъ; божества ихъ страны; разговоръ обоихъ друзей о ихъ хозяинѣ.

Въ сію минуту услышали мы согласные звуки многихъ инструментовъ, вмѣстѣ съ пѣніемъ и радостными криками. — „Этѣ веселія, сказалъ старикъ, суть слѣдствія разврата нравовъ сей древней столицы царства Крезова. Каждой вечеръ, въ ясную ночь, молодые люди обоего пола собираются на лугъ, и подъ таинственною тѣнію ночи проводятъ

часы, опредѣленные на успокоеніе, въ играхъ, въ пляскахъ и въ забавахъ любви; а днемъ, вмѣсто того, чтобъ заниматься работою и трудами, приличными человѣку, они предаются сну и отдохновенію. Они изгнали изъ города всѣ художества, которыя могли бы помѣшать ихъ покою; правительство награждаетъ тѣхъ, кто вымыслитъ новыя забавы. Чрезмѣрное плодородіе земли сдѣлало ихъ нерадивыми и лѣнивыми. Мужчины только занимаются искусствомъ убирать волосы и прикрасить лице: они вообще столько женоподобны, что можно обмануться и подумать, что въ городѣ нѣтъ другаго пола, кромѣ женщинъ. По крайней мѣрѣ, хоть бы женщины прикрывались покровомъ скромности, сею прекрасною маскою добродѣтели; но у нихъ нѣтъ ничего чистаго, ничего не оскверненнаго, ни гласъ, ни ушей. У сего народа есть общества, составленныя изъ прекраснѣйшихъ женщинъ: это новыя секты Философовъ: онѣ собираются для того, чтобъ выдумывать новые наряды, новыя забавы, или старымъ придать

новую прелесть: этѣ общества называются цвѣтами. Впрочемъ веселіе сихъ изнѣженныхъ празднолюбцевъ нимало незавидно: оно только наружное, и служитъ покрышкою той скукѣ, которая снѣдаетъ ихъ сердце. Всякое удовольствіе манитъ ихъ, пока оно ново; но скоро они его покидаютъ и хватаются за другое, которое также скоро наскучитъ. Кажется, что ихъ увялыя души способны чувствовать только однѣ мученія и скуку. Одна женщина не могла спать цѣлую ночь отъ того, что увидѣла мышь въ своей комнатѣ; мужчина занемогъ отъ того, что пѣтухъ раннимъ своимъ пѣніемъ разбудилъ его нечаянно. Изнѣженность столько ихъ ослабила, что они не въ состояніи сдвинуть съ мѣста ни самой легкой тяжести: цѣлой день сидятъ на ложахъ, и безпрестанно отдыхаютъ, хотя и не знаютъ никакихъ трудовъ. — Эта картина нравовъ Сардійскихъ приводитъ на память развратъ Сибаритовъ. — Точно такъ, оба сіи народы имѣютъ между собою совершенное сходство. Сибариты столько

преданы роскоши и нѣгѣ, что они хвастаются тѣмъ, что никогда не видятъ восходящаго солнца: они истребили въ своемъ гражданствѣ также, какъ и Сардійцы, всѣхъ пѣтуховъ и изгнали всѣ шумныя художества, которыя могли бы прервать ихъ сонъ. Когда приглашаютъ женщинъ на пиршество, то обыкновенно дѣлаютъ сіе за годъ напередъ, чтобы женщины имѣли время приготовить свои уборы. Правительство даетъ награду поварамъ, которые выдумаютъ самыя вкусныя яства; и кто выдумаетъ всѣхъ лучше, тому одному дается привилегія, цѣлой годъ приготовлять то кушанье для всего города, чтобы онъ могъ набогатиться за свое полезное изобрѣтеніе. Оба сіи народа, изъ коихъ каждой можетъ спорить о преимуществѣ въ нѣгѣ и развратѣ, способны ли воспротивиться первому Тиранну, которой захотѣлъ бы наложить на нихъ иго рабства?"

Старикъ говорилъ съ такою свободностію, съ такимъ огнемъ, что я думалъ видѣть передъ собою мудраго

Нестора, ораторствующаго въ собраніи Грековъ. Я просилъ его познакомить меня съ главнѣйшими божествами, наиболѣе уважаемыми отъ Сардійцевъ. — „Цибела, Діана, а особенно Прозерпина, суть ихъ богини-покровительницы: въ честь сей послѣдней празднуютъ игры; въ жертву приносятъ ей черныхъ коровъ и увѣнчиваютъ ее маковыми цвѣтами. Но кромѣ сихъ богинь, прекрасную Венеру чтутъ наиболѣе: она имѣетъ храмы, въ которыхъ молодыя дѣвицы продаютъ себя, какъ въ Вавилонѣ и Кипрѣ; но за вырученныя деньги онѣ достаютъ себѣ мужей. Бахуса почитаютъ также своимъ божествомъ покровительствующимъ, и думаютъ, что онъ рожденъ въ ихъ странѣ. Поклоняются также Геркулесу; сей герой пришелъ въ сію страну истребить страшнаго змѣя, опустошающаго окрестности города: онъ увидѣлъ Омфалу, царскую дочь; воспламенился къ ней любовію, и сложивъ съ себя львиную кожу, укротивъ свою суровость, взялъ прялицу, и прялъ шерсть у ногъ своей обладательницы.“

Но часъ разлуки насталъ, день погасъ: щастливъ кто употребилъ его въ пользу! Возвратимся въ мирную свою хижину насладиться покоемъ, которой приготовленъ трудомъ и работою.

Оставивши его, мы съ Фаноромъ долго разсуждали, кто бы былъ этотъ Грекъ, коего видъ столь величественной, разговоръ столь усладительной, возвѣщали въ немъ человѣка, гораздо выше людей обыкновенныхъ. „Какъ онъ великъ и почтенъ въ простотѣ своей! вскричалъ я.“ Подлинно, сказалъ Фаноръ, я не переставалъ ему удивляться, даже тогда, когда восхищался милыми его внучками: онѣ прелестны, и я не знаю, которой отдать преимущество. Старшая имѣетъ такую плѣнительную красоту, такую неизобразимую пріятность, и характеромъ болѣе постоянна; а младшая живѣе, веселѣе, забавнѣе. — Замѣть притомъ, что сіи двѣ прекрасныя дѣвицы соединяютъ съ прелестями лица самое лучшее воспитаніе: разумъ ихъ обогащенъ чтеніемъ; онъ блистаетъ въ рѣчахъ ихъ и въ

каждомъ словѣ; онъ видѣнъ также и въ нарѣчіи ихъ чистомъ и отбористомъ: это настоящій Аттицизмъ, вмѣстѣ съ скромностію и разсудительностію Спартанскою. — Давно ужь не встрѣчались намъ такія физіогноміи, которыя вмѣстѣ и прельщаютъ и внушаютъ почтеніе. — Не забудь однако, что Сократъ называлъ красоту *маленькою тиранкою*, а Платонъ — *преимуществомъ натуры*. Я знаю уже ихъ имена! старшая Атенаида, а меньшая Фалоя.

ГЛАВА XI.

Упражненія старика; любопытный разговоръ; онъ даетъ себя знать.

Еще на ранней зарѣ разбудилъ насъ пѣтухъ громкимъ своимъ пѣніемъ. Фаноръ проклиналъ его. — „Не прикажешь ли задавить здѣсь всѣхъ пѣтуховъ, сказалъ я, чтобъ не мѣшали намъ нѣжиться по Сардійски и Сибаритски? Пѣніе пѣтуха должно при-

водить насъ въ стыдъ, припоминая намъ, что свѣтоносный Царь дня пробудился прежде насъ. Встанемъ, пойдемъ встрѣчать его.“ Мы тотъ часъ одѣлись, и пошли въ садъ, поздравить своего хозяина съ добрымъ утромъ. Тамъ никого еще не было, это былъ часъ возрожденія природы: росныя перлы блистали на помолодѣвшей травѣ, и благоуханія цвѣтовъ и растѣній разносились на крыльяхъ воздуха. Еще солнце не сняло покрова ночи съ низменныхъ долинъ; только на вершинахъ горъ игралъ бѣлый лучь его; хоръ птицъ полетѣлъ во срѣтеніе царю природы и привѣтствовалъ раждающуюся зарю сладкогласнымъ своимъ пѣніемъ. Мы дожидались почтеннаго нашего старика, дыша живительною прохладою утра. Онъ скоро явился, сбросилъ съ себя Паллій и положилъ посохъ, взялъ заступъ и лейку, посадилъ нѣкоторые овощи, потомъ пошелъ къ колодцу, вытащилъ воды и полилъ новыя свои растѣнія. Видя его за работою, какъ онъ ходилъ туда и сюда, бралъ то и другое, исправлялъ все наиточнѣе,

никто не могъ бы подумать, что онъ слѣпъ. Мы не смѣли помѣшать ему: только смотрѣли на него съ тѣмъ почтительнымъ молчаніемъ, которое невольнымъ образомъ родится въ храмѣ предъ образомъ Верховнаго Правителя Боговъ. Поливая цвѣты, онъ какъ будто лобызалъ ихъ; видно было, какъ лице его выяснивалось, когда онъ прикасался къ нимъ, или обонялъ пріятное ихъ благоуханіе. Онъ врылъ подпорки для поддержанія виноградныхъ лозъ; поднялъ ихъ, обвилъ, и такъ соединилъ, что сплетенныя ихъ вѣтьви составили родъ древесной сѣни, подъ которою можно было гулять въ прохладѣ. Наконецъ мы подошли къ нему. „Вы видите, сказалъ онъ намъ, что лѣность не наше божество: трудъ, по словамъ Гезіода, есть стражъ добродѣтели.“ — Примѣтно, что вы любите деревенскую жизнь и сельскіе труды. — „Житье въ деревнѣ, сельскіе труды и удовольствія наиболѣе приличны старости. Гдѣ можно найти прохладныя убѣжища во время лѣтняго зною, какъ не въ деревнѣ, на

берегахъ ручейка, осѣняемаго благоухающими деревьями? — Но вѣрно, вы не всю жизнь обрабошывали сады? вы конечно носили прежде важныя званія, занимались общеполезнѣйшими упражненіями? — Вижу, что вы желаете знать, кто я? это со временемъ. Ваша честность и скромность достойна моей довѣренности; притомъ же теперь, на краю поприща своего, я не имѣю уже тѣхъ причинъ скрываться, какія имѣлъ прежде; но вотъ и дѣти мои: пойдемъ начать день принесеніемъ жертвы богамъ. Мы слѣдуемъ обычаямъ Аѳинянъ (*)." Мы пошли за нимъ въ священную скинію, сооруженную въ одномъ углу сада. Старикъ возложилъ на жертвенникъ плоды, и вмѣстѣ съ своими внучками вознесъ сію молитву къ Юпитеру: „Творецъ всесильный! даруй намъ все нужное

(*) Въ Аѳинахъ всякой человѣкъ приносилъ жертвы поутру каждаго дня на жертвенникѣ, поставленномъ у воротъ его дому, или въ особомъ домовомъ притворѣ.

на пользу нашу, и удали отъ насъ все вредное, хотя бы мы того и просили.“ Послѣ сей утренней молитвы, онъ пригласилъ насъ на завтракъ черезъ часъ. Когда мы къ нему возвратились, то онъ сказалъ: пойдемъ въ Гинекей (то есть учебной кабинетъ женской) къ дѣтямъ, тамъ онѣ занимаются чтеніемъ и размышленіемъ; я пріучаю ихъ къ упражненіямъ ума. „Разумъ, говорю я имъ часто, есть вѣнецъ, возвышающій человѣка выше безсловесныхъ тварей; совершенствуя его, онъ приближается къ божеству, а не рача о его образованіи, онъ унижаетъ себя къ скоту; да и какія удовольствія могутъ быть чище, пріятнѣе, какъ удовольствія ума и его произведеній; Невѣжа того не знаетъ: это слѣпецъ отъ природы, не имѣющій понятія о свѣтѣ.“

Въ такихъ разговорахъ пришли мы къ концу сада; тутъ начинается небольшая лавровая рощица, въ срединѣ которой увидѣли мы учебной кабинетъ. Двери его охраняла Минерва, сдѣланная изъ лимоннаго дерева. Хотя все тутъ было просто, однако от-

мѣнная чистота, изящество и искусство работы далеко превышало убожество хозяина. Сей небольшой храмикъ, посвященной Минервѣ, былъ отлично прелестенъ и въ лучшемъ вкусѣ; внутри выложенъ дощечками изъ эбенова дерева вмѣсто обоевъ; маленькая библіотека и двѣ большія картины дорогой цѣны составляли главнѣйшее украшеніе.

Обѣ сестры, съ перомъ въ рукахъ, углубясь въ мысли, занимались письмомъ. Какъ скоро увидѣли старика, тотчасъ встали, обняли его, и спѣшили обтереть потъ и пыль съ лица его. ,,Что вы пишите, спросилъ онъ ихъ?" — Дѣлаемъ извлеченія изъ вашихъ записокъ о революціяхъ и правленіи Аѳинскомъ. — Далеко ли вы? — У Притановъ. — Вамъ надобно это знать на память. Посмотримъ, что вы замѣтили. Апенаида, разскажи намъ о Пританахъ; гости наши послушаютъ съ удовольствіемъ." Апенаида покраснѣла, помолчала нѣсколько времени, взглянула на насъ, потупила глаза и наконецъ начала слѣдующимъ образомъ:

„Пританы составляютъ важнѣйшее
судилище Аѳинское, числомъ ихъ 500
судей; они выбираются изъ десяти
народныхъ классовъ (трибусами на-
зываемыхъ), изъ каждаго по пятиде-
сяти. Члены сего судилища должны
отличаться беззазорнымъ поведені-
емъ, жизнію честною, чистыми нра-
вами, порядкомъ и экономіею въ дѣ-
лахъ домашнихъ, не должны имѣть
никакихъ долговъ, быть почтительны
къ своимъ родителямъ, и жертво-
вать своимъ имѣніемъ на пользу оте-
чества. Пританамъ поручено надзи-
раніе надъ судопроизводствомъ, раз-
дѣлъ съѣстныхъ припасовъ, граждан-
ское благоустройство во всей Респу-
бликѣ, и все касающееся до войны или
мира. Они собираются въ Пританеѣ,
и имѣютъ умѣренную трапезу на
щетъ общественной казны." — При-
бавь еще, сказалъ старикъ, что въ
трудныхъ обстоятельствахъ При-
таны собираютъ народъ, и увѣщева-
ютъ каждаго гражданина помогать въ
нуждахъ общественныхъ по своей воз-
можности. На семъ собраніи, каждой
въ свою очередь, провозглашаетъ гром-

кимъ голосомъ, какую сумму онъ вносить, и эта сумма вмѣстѣ съ его именемъ записывается въ реэстрѣ. Пританъ, а не жрецъ, приноситъ жертву. — Скажи намъ о Пританеѣ. — „Это большая храмина, посвященная Вестѣ, и въ ней находятся статуи всѣхъ отечественныхъ божествъ: Весты, Мира, Юпитера, Минервы, также статуи великихъ людей, прославившихъ Аѳины. Тамъ хранятся Солоновы законы, написанные на дскѣ. Тамъ принимаются иностранные Посланники, также и отечественные приходятъ туда отдать отчетъ въ своемъ посольствѣ. Въ Пританеѣ также содержатъ на щетъ общественной казны мужей, оказавшихъ важныя услуги отечеству, и тѣхъ сиротъ, коихъ отцы пали на сраженіи.“ — Приглашену быть къ столу Притановъ, сказалъ нашъ старикъ, есть такая почесть, на которую Аѳиняне весьма скупы. — „Васъ вѣрно много разъ туда приглашали, вскричала проворно Фалоя, и тотчасъ покраснѣла при сихъ словахъ, быстро у нее вылетѣвшихъ. — Не меньше того пораженъ я бывалъ

и отъ фракизмовъ. — Но вѣдь весьма несправедливо: — Ужъ либъ ты лучше хотѣла, чтобъ это было по справедливости? Но окончи, Атенаида, что тебѣ осталось говорить о Пританеи.— „Въ семъ мѣстѣ горитъ безпрестанно священной, неугасимой огнь, хранимый вдовами; тамъ же находятся и магазины для прокормленія бѣдныхъ, но честныхъ семействъ.“ — Послѣ смерти моей, которая уже близко, вы пойдете, дѣти мои, въ Аѳины; вы меня назовете; вы скажете: онъ былъ доброй гражданинъ, онъ любилъ свое отечество; онъ былъ справедливъ, Аѳиняне, вы это знаете! Онъ управлялъ долгое время вашими доходами, жилъ въ бѣдности, и не оставилъ намъ ничего. Не сомнѣваюсь, милыя мои дѣти что при семъ воспоминаніи Аѳиняне призрятъ васъ, будутъ содержать въ Пританеѣ, и можетъ быть, воздадутъ праху моему какую нибудь почесть! Сей народъ хотя и вѣтренъ, но великодушенъ и человѣколюбивъ.“ При сихъ словахъ слезы покатились градомъ изъ глазъ обѣихъ дѣвицъ; доброй старикъ

также плакалъ, обнимая ихъ. — „Такъ, прибавилъ онъ твердымъ голосомъ; Аѳиняне добры и сострадательны. У нихъ не увидишь ни одного нищаго, просящаго милостыни, и наносящаго позоръ гражданству. Ибо подлинно, нищіе суть позоръ правительству и гражданамъ. Но наши любезные гости вѣрно хотятъ чего нибудь перекусить; ужь время завтракать.“ Съ каждымъ словомъ почтеннаго нашего старца любопытство мое возрастало, и уваженіе къ нему привязывало меня болѣе и болѣе.

Атенаида и Фалоя привели козу, стали доить ее своими бѣлыми, нѣжными руками, и поднесли намъ въ глиняномъ сосудѣ теплое и чистое молоко. Атенаида подала воды старцу, умыть руки. — „Правда, сказалъ онъ усмѣхнувшись, у меня теперь за садовою работою не такъ чисты руки, какъ были въ то время, когда я отправлялъ должность Государственнаго Казначея въ моемъ отечествѣ.“ Кромѣ молока подали намъ плодовъ, сухихъ смоквъ и сотовъ. Между тѣмъ я разсматривалъ двѣ картины, которыя украшали прі-

ятное сіе убѣжище Музъ. — Онѣ изъ воску, сказалъ старикъ; для такихъ картинъ приготовляютъ воскъ разныхъ цвѣтовъ, и съ помощію огня накладываютъ его на дерево или на слоновую кость: этѣ двѣ изъ слоновой кости," — Я вижу внизу имя Темистокла; такъ, это его изображеніе, сего великаго человѣка! — „Такъ, онъ имѣлъ превосходныя дарованія; но чрезмѣрное его честолюбіе, скрытая зависть ко всякой заслугѣ другаго, его сребролюбіе и всегдашнее лукавство затмили нѣсколько блескъ его талантовъ. Въ молодости своей онъ велъ такую распутную жизнь, что отецъ лишилъ его наслѣдства; но сіе безчестіе не только не уронило его бодрости, но еще болѣе ее воспламенило. Съ того дня онъ посвятилъ себя совершенно служенію отечества, цѣлыя ночи стоялъ подлѣ статуи Мильтіада, плакалъ и говорилъ: „Мильтіадъ не даетъ мнѣ спать" и онъ сравнился съ нимъ." — Какое содержаніе этой картины? — „Онъ представленъ на военномъ совѣтѣ насупротивъ Еврибіада, Лакедемонскаго

Полководца, которой поднялъ на него палку; Темистоклъ, не смутясь ни мало, подставляетъ ему спину." — А! понимаю, живописецъ выбралъ ту минуту, когда сей молодой герой, въ жару благороднаго своего изступленія, говоритъ Спартанцу: *бей, только выслушай.*

На другой картинѣ изображенъ былъ человѣкъ важнаго и величественнаго виду; онъ писалъ на черепицѣ и усмѣхался: возлѣ него крестьянинъ. Противъ обыкновенія, не было подписано имени подъ сею картиною. Что представляетъ эта картина, спросилъ я у старика, и кто это пишетъ? — Это Аристидъ. — А! вскричалъ я съ жаромъ. Аристидъ справедливый! первѣйшій изъ людей, слава и краса Аѳинъ и цѣлой Греціи! — „Умѣрь похвалу свою, молодой человѣкъ! естьли онъ услышитъ тебя, ты заставишь его краснѣть. Эта картина представляетъ крестьянина, которой не умѣя писать, обращается къ Аристиду, совсѣмъ не зная его, и проситъ написать на черепицѣ имя того гражданина, котораго онъ хочетъ изгнать изъ Аѳинъ.

Остальное вы знаете: Аристидъ спрашиваетъ, за что онъ его гонитъ? — „Мнѣ досадно слышать отъ всѣхъ, „что его называютъ справедливымъ.“ Аристидъ, не отвѣчая ни слова, пишетъ имя свое на черепицѣ.“ Между тѣмъ я не спускалъ глазъ съ изображенія сего великаго человѣка; я смотрѣлъ на него съ подобострастіемъ. „Похожъ ли онъ? спросилъ я. Старикъ улыбнулся при семъ вопросѣ, и я примѣтилъ лукавую усмѣшку на лицахъ обоихъ дѣвицъ. — „Онъ былъ похожъ, сказалъ старикъ; но теперь конечно перемѣнился. Этой картинѣ ужъ тридцать пять лѣтъ. Время великой губитель: старой Сатурнъ пожираетъ своихъ дѣтей и самые камни поглощаетъ.“ Дивясь, съ какою усмѣшкою принятъ мой вопросъ, я опять обратилъ глаза на картину и примѣтилъ нѣкоторыя сходныя черты съ нашимъ хозяиномъ. Я ему это сказалъ, и онъ отвѣчалъ: „мнѣ это часто говорили.“ Но какъ я увидѣлъ, что Атенаида и Фалоя съ трудомъ могли удержаться отъ смѣху: тогда болѣе не сомнѣвался, и вскричалъ: „я

не ошибаюсь: вы Аристидъ! тотъ справедливый, тотъ мудрый, тотъ мужественный гражданинъ, столь беззаконно изгнанный изъ своего отечества!" — „Такъ, признаюсь: я Аристидъ; пятнадцать лѣтъ хранилъ я тайну эту; но теперь судьба моихъ дѣтей, которыхъ страшусь покинуть безъ всякой помощи, велитъ мнѣ желать, возвратиться въ мое отечество, дабы вручить ихъ покровительству Аѳинянъ, и изпросить для нихъ милости именемъ человѣчества и заслугъ моихъ. Я изгнанъ тому уже пятнадцать лѣтъ. Я выѣхалъ изъ Аѳинъ, обремененный тяжестію шестидесяти семи лѣтъ и этими двумя дѣвицами, которыхъ старшей было только пять лѣтъ, а другой еще три года. Не знаемой, въ лицѣ изгнанника, подъ ложнымъ именемъ, скитался я по свѣту, часто угнетенъ бѣдностію, часто боролся съ злополучіемъ. Наконецъ кроткая рука Провидѣнія привела меня въ сіе пріятное убѣжище, и доселѣ изливаетъ на насъ истинныя блага, здравіе, скрытность, и самое необходимое для жизни. Я носилъ съ

собою повсюду сладостное утѣшеніе нѣкоторыхъ добрыхъ дѣлъ; ни несправедливость, ни жестокость Аѳинянъ не могутъ изгладить изъ памяти моей того вовѣки незабвеннаго дня, въ которой, когда актеръ въ одной піесѣ Эсхиловой произнесъ сей стихъ въ похвалу Амфіаріею:

„Онъ хочетъ честнымъ быть, а не казаться честнымъ“

то всѣ зрители устремили глаза на меня, и на меня обратили сей стихъ. Признаюсь, это была самая лестная награда за мою преданность добродѣтели и отечеству: Темистоклъ, послѣ сраженія Саламинскаго, будучи принятъ съ рукоплесканіемъ на играхъ Олимпійскихъ, чрезъ цѣлой день бывши предметомъ удивленія всѣхъ Грековъ, признался, что это былъ пріятнѣйшій день его жизни: равно и тотъ, въ которой примѣнили ко мнѣ сей стихъ, былъ пріятнѣйшій день въ моей.“ — Мнѣ сказывали, что этотъ завистливой соперникъ былъ причиною вашего изгнанія. — „Правда, онъ разсѣялъ слухъ, будто я хочу составить нѣкоторую монархію безъ пыш-

ности и тѣлохранителей; будто въ семъ намѣреніи присвоилъ себѣ право рѣшить всѣ споры и судебныя дѣла; а народъ, отъ природы гордой и напыщенной своими побѣдами, подъ предлогомъ, будто хочетъ истребить тираннію въ самомъ началѣ, но дѣйствительно завиствуя той малой славѣ, какую я пріобрѣлъ, стекся со всѣхъ селеній Аттики и поразилъ меня изгнаніемъ Остракизма. Однако я не только не раздраженъ былъ несправедливостію сего приговора, и не помышлялъ о мщеніи своимъ согражданамъ; но еще выходя изъ воротъ городскихъ, произнесъ сію молитву:„ Да благоволятъ Боги, чтобы никакое нещастіе не постигло Аѳинянъ, и не заставило бы ихъ прибѣгнуть къ Аристиду.“ Я просилъ его разсказать мнѣ обряды сего славнаго Остракизма (*).

„Для сего предмета народъ собирается въ храмѣ Геркулесовомъ, или

(*) Слово Остракизмъ значитъ собственно изгнаніе, дѣлаемое посредствомъ *черелицъ*, отъ Греческаго *όςρακον черепица* или *дощечка*, на которыхъ народъ подавалъ свои голоса объ изгнаніи.

въ Киносаргѣ, а иногда и на публичной площади. Тамъ поставленъ бываетъ большой сосудъ; девять Архонтовъ и Сенаторы окружаютъ его, а граждане пишутъ на черепицахъ имя того, кого хотятъ изгнать, и кладутъ ихъ въ сосудъ: потомъ чиновники щитаютъ черепицы, и естьли найдутъ ихъ меньше шести тысячь, то Остракизмъ недѣйствителенъ. Когдажъ соберется полное число, то щитаютъ, на чье имя пало больше голосовъ, и тотъ бываетъ осужденъ. Сія ссылка продолжается десять лѣтъ, естьли не разсудятъ возвратить ранѣе изгнанника; однако позволяютъ изгнаннымъ пользоваться своимъ имуществомъ. Въ самомъ дѣлѣ, Остракизмъ не льзя назвать наказаніемъ за преступленіе; это не что иное какъ стрѣлы зависти, хотящей уязвить заслуги, которыхъ она не терпитъ.“— Темистоклъ, мучимый безпрестанно завистію о вашей славѣ и добродѣтеляхъ, всегда искалъ вамъ вредить.—„ Я забываю прошедшее. Увы! нѣтъ уже сего Героя; осталось только имя его, слава и заслуги. Несправедливо

говорятъ о смерти его, будто онъ отравилъ себя ядомъ, испивши бычачьей крови: эта кровь не ядовита, я самъ дѣлалъ опытъ; но тотъ ядъ, которымъ онъ погубилъ себя, было раскаяніе и грызеніе собственной совѣсти. Молодые люди! естьли вы хотите быть щастливы въ старости, сносить терпѣливо и спокойнымъ духомъ злощастія жизни сей, ищите доброй славы; да будутъ добродѣтель и честность звѣздами, водящими васъ безпрестанно по пути жизни сей до конца вашего поприща. Старайтесь приобрѣсть пріятныя воспоминанія для будущихъ дней: это такое благоуханіе, которое усладитъ васъ во всю вашу жизнь. Я давно уже простилъ сему великому человѣку; не смотря на его обиды, я не присоединился къ Камону и Алкмеону, обвинявшимъ его въ уголовномъ преступленіи. Я молчалъ, пораженъ его нещастіемъ, не будучи никогда пораженъ его славою и благополучіемъ. Наше соперничество и вражды наши начались съ самаго дѣтства: будучи воспитаны вмѣстѣ, мы всегда были одинъ другому

соперниками въ играхъ и забавахъ; но, чего весь свѣтъ не знаетъ, любовь посѣяла въ насъ первыя сѣмена зависти. Мы приближались къ юношескому возрасту, когда сердца наши воспламенились нѣжною страстiю къ прекрасной Агаристѣ, которая была однѣхъ съ нами лѣтъ: этому прошло уже 70 лѣтъ. Подстрекаемы соперничествомъ, можетъ быть, еще болѣе, нежели любовiю, мы раскрывали малыя свои способности, и выискивали всѣ средства, какъ бы получить предпочтенiе. Я украшалъ цвѣточною гирляндою ворота дома моей юной богини; въ одинъ день я нашелъ ихъ сорванными и истоптанными; догадываясь, кто сдѣлалъ такое ругательство, я помышлялъ о мщенiи. Насупротивъ дома Агаристы жила знакомая мнѣ старушка; я просилъ ее уступить мнѣ свою комнату на одно утро. На другой день, на ранней зарѣ, украсилъ я цвѣтами ворота Агаристина дома, и сталъ караулить своего противника съ лаханью помоевъ. Скоро онъ явился съ лицомъ веселымъ, съ розовою гирляндою въ

рукахъ: тотчасъ началъ срывать мои цвѣты и ихъ топтать, какъ вдругъ помойной дождь окатилъ его съ ногъ до головы, и веселость его исчезла. Онъ меня увидѣлъ, и съ яростію бросился въ домъ. Я его не струсилъ; мы схватились, готовые задушить одинъ другаго. Началась страшная битва; но старушка и двѣ ея сосѣдки не безъ труда разняли насъ. Мать Агаристина узнала о семъ сраженіи, и сдѣлала конецъ нашей Иліадѣ, удаливши отъ насъ свою дочь. Вотъ вѣроятно начало нашего соперничества и несогласія, не упоминая о несходствѣ нашихъ правилъ и характеровъ. О! мой любезной Темистоклъ, вскричалъ онъ, возвыся голосъ и поднявъ руки къ картинѣ; тебя нѣтъ болѣе! Смерть похитила сего великаго героя, съ которымъ я торжествовалъ на Маратонѣ, при Саламинѣ! Повѣрь мнѣ, я жалѣю о тебѣ, и никогда непиталъ къ тебѣ ненависти; я всегда уважалъ превосходныя твои качества, твой великой духъ; о естьли бы благоволили боги, чтобы ты жилъ еще: дружба соединила бы наши души, очи-

щенныя отъ всѣхъ низкихъ стра-
стей, и я въ твоихъ объятіяхъ окон-
чилъ бы малой остатокъ моей жизни!“

Въ эту минуту Фалоя сказала намъ, что присланъ чиновникъ отъ Фарнабаза, Сатрапа Сардскаго. Онъ вошелъ, и за нимъ невольникъ съ корзиною. Чиновникъ сказалъ Аристиду, что Фарнабазъ прислалъ ему малую дань своей дружбы, и проситъ ее принять.—„Какая это дань, спросилъ Аристидъ?—Два куска шелковой матеріи, шитой золотомъ, на платья вашимъ внучкамъ.—Другъ мой, отнеси назадъ сіи матеріи, поблагодари Фарнабаза отъ меня и отъ моихъ дѣтей: я боюсь, чтобъ этѣ прекрасныя платья не сдѣлали ихъ безобразнѣе.“Посланной упорно настоялъ, но Аристидъ сказалъ ему: одинъ Македонской Государь прислалъ Солону сто талеровъ; сей спросилъ у посланнаго, по какой причинѣ и съ какими видами Король выбралъ его одного изъ столькихъ тысячь Аѳинянъ, достойныхъ такого дорогаго подарка?—По той причинѣ, что Государь почитаетъ васъ человѣкомъ че-

стнымъ и добродѣтельнымъ.—Естьли такъ, то пускай оставитъ мнѣ честное мое имя и мою добродѣтель.“ Фарнабазовъ чиновникъ не смѣлъ болѣе прекословить; онъ удивился, и взялъ свои дары. Когда онъ вышелъ, то Аристидъ намъ сказалъ: эти Персы не имѣютъ понятія о нравахъ и душѣ гражданина Аѳинскаго. Думаю, что этотъ подарокъ присланъ мнѣ за мой доброй совѣтъ, которой я не давно подалъ Фарнабазу (мы съ нимъ иногда видимся. У этаго Сатрапа есть щастливыя дарованія; онъ очень неглупъ ; но его сребролюбіе затмѣваетъ всѣ достоинства: онъ много скопляетъ, а раздаетъ мало). Онъ показывалъ мнѣ свой кабинетъ, которой лишь только отдѣланъ. Я хвалилъ вкусъ и живопись ; тутъ онъ мнѣ сказалъ: „хотѣлъ бы я имѣть здѣсь такую картину, которой бы содержаніе было совсѣмъ ново и невидано въ моихъ палатахъ.“—Прикажите написать *Щедрость.* Эта свободная рѣчь вольнаго человѣка удивила его.— Аристидъ не посрамляетъ своего характера, откровенности и прямоты:

онъ переноситъ въ Азію отечественное свое растѣніе. Совѣтъ вашъ хорошъ, и вы увидите, что онъ будетъ выполненъ.—,,Я не думалъ, сказалъ я тогда Аристиду, чтобъ вы знакомы были съ Фарнабазомъ.— Это знакомство есть слѣдствіемъ приключеній моей жизни; она столько была безпокойна со времени моего изгнанія, столь много обуреваема противностями, что я надѣюсь, повѣствованіе объ ней будетъ вамъ и любопытно и полезно. Сего дня ввечеру за прогулкою стану разсказывать вамъ мою исторію; вы разскажете ее Аѳинянамъ; можетъ быть и они будутъ слушать ее съ любопытствомъ. Теперь возвращусь къ своей полевой работѣ. Вамъ совѣтую посѣтить городъ Сарды: онъ достоинъ вниманія путешественниковъ.“

ГЛАВА XII.

Разговоръ между двумя друзьями объ Атенаидѣ; страшное происшествіе.

Идучи въ Сарды, Фаноръ безпрестанно говорилъ мнѣ объ Атенаидѣ, расхвалилъ ея красоту, ея умъ, ея благородной и скромной характеръ.—„ Берегись, сказалъ я ему, храни свое сердце: путь любви пріятенъ, но скользокъ; не забудь, что мы здѣсь у почтеннѣйшаго изъ Грековъ, и милыя сіи дѣвицы должны внушать не меньше почтенія, сколько и любви. Это двѣ розы, взращенныя добродѣтелью и осѣняемыя цѣломудріемъ.“ Фаноръ увѣрялъ меня, что то удовольствіе, какое онъ чувствуетъ, будучи съ Атенаидою, совсѣмъ не похоже на любовь; что вожделѣнія не волнуютъ его душу, онѣ молчатъ, и только удивленіе наполняетъ его сердце, когда онъ видитъ добродѣтель подругою Грацій.

Солнце полуденными своими лучами палило воздухъ, какъ мы вошли въ

Сарды; казалось, что въ этомъ обширномъ городѣ царствуетъ одно только молчаніе и безлюдство; все погружено было въ глубокой сонъ, все отдыхало отъ усталости ночныхъ веселій; мы обѣгали весь городъ, и нигдѣ не встрѣтили ни одной души. Берега Пактола устланы плитами, и усажены деревьями, которыя составляя тѣнистыя аллеи, призывали прохожихъ подъ сѣнь свою; площади, зданія, храмы, все носило на себѣ печать величія и пышности. Обѣгавши всюду, мы сѣли подъ тѣнію двухъ яворовъ, передъ однимъ домомъ, снаружи прекраснымъ. Мы смотрѣли на малое число прохожихъ, цѣнили ихъ физіогноміи, и беззаботно шутили; вдругъ выбѣгаютъ изъ дому два невольника съ безпокойнымъ и встревоженнымъ видомъ; вскорѣ является третій, и бѣжитъ со всѣхъ ногъ. Мы слышимъ шумъ; ворота были отворены, любопытство поджигало насъ; мы входимъ, пробѣгаемъ перистиль, окруженный мраморною колоннадою: вдали, по обѣимъ сторонамъ дверей, стояли два сфинкса изъ прекраснаго

гранита. Мы не смѣли итти далѣе; великолѣпіе останавливало насъ. Между тѣмъ невольники толпились, спѣшили взадъ и впередъ, не обращая на насъ вниманія; шумъ продолжался; намъ казалось, будто мы слышимъ стенаніе и вопли горести. Наконецъ любопытство превозмогаетъ, и мы въ слѣдъ за многими женщинами входимъ въ первую комнату: она украшена была четырьмя статуями. Двери другой комнаты были затворены; но скоро онѣ отворились: женщина съ видомъ испуганнымъ подошла къ намъ, и спрашивала, не Доктора ли мы? — Да, смѣло отвѣчалъ Фаноръ. — Скорѣе же, скорѣе! помогите бѣдной моей госпожѣ! она мучится, она умираетъ! Нещастная! сего дня же по утру она была такъ весела, благополучна! а теперь, какія ужасныя мученія! Произнося сіи слова, она рвала на себѣ волосы, и ломала руки; между тѣмъ мы вошли. Какія палаты! какое великолѣпіе! повсюду блистало золото. По серединѣ большой мраморной водоемъ, изъ котораго стремительно несется вода вверьхъ и освѣ-

жаетъ воздухъ; края сего водомета уставлены дорогими вазами съ ясминами и другими душистыми цвѣтами. Большая дверь и два окна открытыя представляли взору видъ пышнаго сада. Но какой страшной контрастъ! какая жалкая картина! молодая женщина, испуская пронзительные вопли, обезображенная рукою смерти, лежитъ на златобагряномъ ложѣ, или лучше сказать, на одрѣ смертномъ: толпа невольниковъ старается подать ей помощь. Подвели мнимаго Греческаго Доктора: онъ очень замѣшался въ своей ролѣ, но на удачу приказалъ дать рвотное. Между тѣмъ я разсматривалъ сію нещастную: видны были прелестныя черты лица; но сіе лице, жилище Грацій и смѣховъ, сдѣлалось предметомъ ужаса и отвращенія; ротъ искривился, мутные ея глаза закатились глубоко подъ лобъ; всѣ черты обезображены, а пронзительный ея крикъ раздиралъ сердце. Подлѣ ея постели въ серебреной нишѣ стояла Венерина статуя изъ того же металла. Женщина принесла курильницу и у ногъ боги-

ни воскурила ѳиміамъ: тогда всѣ женщины растянулись на полу, рыдали, вопили и умоляли богиню о помилованіи; сама больная умоляла ее болѣзненными воплями, но хромыя (*) мольбы не вознеслись къ престолу матери любви. Въ сіе время вошли лекаря, и за ними толпа любопытныхъ; всѣ покои наполнились народомъ. Фанорь уступилъ свое мѣсто Эскулапамъ, которые ужаснувшись силѣ болѣзни; не нашли въ своихъ книгахъ ни помощи, ни лекарства; мнѣнія ихъ противорѣчили. Вдругъ мы услышали всеобщій крикъ: „Вотъ онъ! вотъ онъ!“ Всѣ раздвинулись, дали мѣсто, и я увидѣлъ молодаго человѣка, прекраснаго собою, въ великолѣпной одеждѣ, съ многочисленною свитою невольниковъ. Какъ скоро онъ увидѣлъ сію жалкую добычу смерти, какъ скоро услышалъ болѣзненные ея вопли, бросился на нее, обливалъ ее слезами, билъ ногами въ землю, и кричалъ лекарямъ: „спасите

(*) Такъ называетъ ихъ Гомеръ.

ее, спасите, возвратите мнѣ ее!" Они суетились, давали то облегчительныя, то слабительныя, то элексиры: ничто не помогало. Приказано выйти всѣмъ чужимъ: мы вошли въ садъ черезъ лавровую аллею, усланную штучными каменьями. Между каждыми двумя деревами стояли статуи, самаго сладострастнаго вида: Купидоны, Сирены, Леда; въ концѣ сей прелестной аллеи возвышался небольшой храмъ, поддерживаемый осьмью порфирными колоннами; въ немъ была Венерина статуя, превосходная копія славной Праксителевой Венеры, что въ Гнидосѣ: по обѣимъ сторонамъ сего храмика катились два источника въ мраморные водоемы. Въ саду видны были во многихъ мѣстахъ разсѣянныя бесѣдки, прохладительныя купальни, гроты, выложенные самыми рѣдкими раковинами. „Какъ больно, сказалъ я Фанору, оставлять сіе жилище забавъ, и умереть въ нѣдрахъ роскоши и удовольствій!" Тутъ подошелъ къ намъ одинъ Персіянинъ, бывшій не подалеку отъ насъ, и которой говорилъ нѣсколько по Гречески.

„Иностранцы , сказалъ онъ намъ, я знаю вашу землю; я былъ въ походахъ противъ Грековъ, и хотя вы насъ попотчивали добрымъ порядкомъ, однако я все таки люблю вашу націю.“ Мы поблагодарили его за такую привязанность, и воспользовавшись симъ случаемъ, спросили у него, кто такая эта юная красавица, умирающая столь жалостно, и этотъ молодой Сатрапъ, въ отчаяніи о ея смерти.–„ Я удовольствую ваше любопытство; удалимся отъ толпы, и сядемъ въ этой бесѣдкѣ.“ Тутъ мы услышали въ покояхъ больной рыданія и вопли; всѣ кричали: *умираетъ! умерла!* мы побѣжали туда: она только лишь испустила послѣдній вздохъ. Сей нѣжной цвѣтъ красоты, сіе прелестное лице, на которомъ любовь и сладострастіе напечатлѣли всѣ свои прелести, возбуждало теперь ужасъ и отвращеніе; синяя чернота покрыла его; не осталось ни одной черты прежней прелестницы; но молодой Сатрапъ все еще держалъ въ объятіяхъ хладный ея трупъ; онъ въ отчаяніи, рвется, мечется, вынимаетъ кинжалъ; его оста-

навливаютъ, его отрываютъ, увлекаютъ. Мы также вышли съ новымъ нашимъ знакомцемъ, и углубясь въ мрачныя мысли, удалились въ садъ. „Какая ужасная смерть, вскричалъ нашъ спутникъ! въ самыя цвѣтущія лѣта, на осьмнадцатомъ году! и съ такими лестными надеждами! Эту ночь провела она въ семъ саду, освѣщенномъ тысячью огнями: вкусной и богатой ужинъ, музыка, пляски, благоуханія, любовь, все очаровывало чувства сей прелестной смертной. На разсвѣтѣ она летѣла въ объятія новаго своего любовника, въ эту самую залу, на это пышное ложе, гдѣ смерть ожидала ее. Не прошло еще двухъ часовъ, какъ Фарнабазъ ее оставилъ.— Какъ! этотъ молодой человѣкъ Фарнабазъ! — Да, сынъ нашего Сатрапа; а его любовница называлась Статирою. Она знатнаго роду: отецъ ея занималъ важной постъ въ Ксерксовой арміи: онъ убитъ при Термопилахъ, гдѣ мы потеряли болѣе двадцати тысячь: Статира осталась послѣ него еще въ колыбели, подъ присмотромъ своей матери, которая

будучи еще молода и прекрасна, пустилась во всѣ забавы. Дочь ея была воспитана такъ, какъ обыкновенно воспитываютъ въ странѣ, гдѣ нѣтъ ни нравовъ, ни философіи; съ самаго дѣтства имъ не говорятъ ни о чемъ болѣе, какъ только о нарядахъ, о забавахъ, объ искусствѣ нравиться; учатъ ихъ пріобрѣтать пріятные таланты въ музыкѣ, въ пѣніи, въ танцованіи; въ двенадцать лѣтъ любовь дѣлается уже главнымъ ихъ занятіемъ. Статира, еще на зарѣ прекрасныхъ своихъ дней, была окружена толпою вздыхателей; но мать ея, при маломъ достаткѣ, особенно благопріятствовала молодому Мазарецу, коего отецъ жилъ съ нею уже долгое время. Сей человѣкъ пріобрѣлъ великое богатство и знатность всѣми кривыми путями лукавства и пронырства: его правила были его корысть и щастіе. Сынъ его, имѣя отъ природы щастливой характеръ, образовалъ себя въ честности и добродѣтели; онъ воспылалъ нѣжною страстію къ прелестной Статирѣ, и она принимала его благосклонно. Свадьба

ихъ была назначена; но его отецъ, думая, что сынъ его еще молодъ, а больше будучи подстрекаемъ честолюбіемъ, послалъ его ко Двору Великаго Царя, дабы доставить ему возвышеніе. Во время его отсутствія пріѣхалъ сюда молодой Фарнабазъ къ своему отцу: онъ соединялъ въ себѣ все, что можетъ обольстить юную красоту: молодость, пріятную наружность, модной тонъ большаго свѣта, пышность, имя и знатность своего отца; однимъ словомъ, все, что ослѣпляетъ тщеславный и легкомысленной полъ. Онъ увидѣлъ Спатиру, и сердце его воспылало любовію. Желанія знатныхъ вельможъ, подобно изверженіямъ огнедышущей горы, ниспровергаютъ всѣ препятствія: Фарнабазъ былъ любимъ. Въ такой перемѣнѣ обстоятельствъ Мазарецъ возвратился изъ Персеполя, и летѣлъ къ ногамъ своей возлюбленной; а она, условясь притворствовать, приняла его съ радостію и нѣжностію. День свадьбы приближается, приготовляются празднества; но вчера, за день передъ свадьбою, при на-

ступленіи ночи Статира убѣжала, и укрылась у Фарнабаза въ сихъ чертогахъ, которые роскошь и пышность приготовили для ея принятія. Вотъ, что я узналъ о сей страшной перемѣнѣ: сего дня поутру, Статира разставшись съ своимъ любезнымъ, покушала крѣпительнаго бульону; вдругъ почувствовала ужасное колотье, начались конвульсіи. Тотчасъ стали искать ту женщину, которая приготовила роковой сей напитокъ; но она скрылась: подозрѣнія пали на Мазареца и его отца, и я думаю, что уже дано приказаніе взять ихъ подъ стражу. Однако я очень сомнѣваюсь, чтобы этотъ молодой человѣкъ способенъ былъ къ такому злодѣйству: чтожъ до отца его, то я не отнимаю отъ него этой чести; и естьли не онъ виновникъ сего убійства, по крайней мѣрѣ онъ къ тому способенъ. Естьли вамъ угодно, пойдемъ къ нему, и посмотримъ, что тамъ дѣлается." Мы еще прошли черезъ покои Статиры; тамъ никого уже не было; всѣ ее оставили; одна старушка плакала надъ нею. Молчаніе

и безлюдство въ сей залѣ, которая за часъ передъ симъ наполнена была толпою; взоръ на безчувственный трупъ, поражали душу уныніемъ и ужасомъ. Мы прошли скорыми шагами. „Увы! говорили мы, вчера ее обожали, сего дня ужасаются ея!“ Мы поспѣшили въ ту улицу, гдѣ жилъ Мазарецъ; она была уже наполнена толпами народа.—„Какъ это приключеніе встревожило весь городъ! сказалъ нашъ провожатой; не льзя иначе выманить дорогихъ моихъ согражданъ изъ ихъ постелей и нѣги.“ Въ сію минуту увидѣли мы молодаго Мазареца, идущаго подъ стражею; онъ былъ безъ тюрьбана, волосы распрепаны, на рукахъ цѣпи; его нашли спящаго покойнымъ сномъ; его взоръ, его лице, его поступь меньше обнаруживали страхъ, нежели удивленіе: онъ не понималъ, за что ведутъ его подъ стражею, въ цѣпяхъ, среди толпы народной. Отца его не нашли; догадывались, что онъ бѣжалъ съ своею злодѣйскою участницею. Этотъ побѣгъ оправдывалъ его сына. Мы слѣдовали за нимъ въ судилище право-

судія. Одинъ изъ судей спросилъ его, гдѣ его отецъ?—„Не знаю, отвѣчалъ онъ съ видомъ невинности и истины; онъ обнялъ меня сего дня поутру, и сказалъ, что идетъ спать. Я также легъ и спалъ, какъ вдругъ меня разбудили, схватили, оковали и повлекли подъ стражею, и за что? что я сдѣлалъ? какое преступленіе?“ Судья отвѣчалъ ему, что его обвиняютъ въ смерти Статиры. — —„О боги! Статира умерла! вскричалъ онъ съ живѣйшею горестію. Такъ внезапно! но какъ? какою смертію?—Ее отравили. — Ахъ! нещастная, любезная моя Статира! простите моей горести; она мнѣ измѣнила, оставила меня; я любилъ ее четыре года, и теперь люблю еще болѣе! — И это твой отецъ учинилъ сіе варварское убійство. — Мой отецъ! нѣтъ; онъ не способенъ! — Ну, такъ ты. Предайте его на мученія; пускай терзаніе и муки извлекутъ истину изъ устъ его. — Рѣшите мою судьбу, дайте мнѣ смерть. Я умру охотно; но пощадите отца моего; онъ невиненъ.“ Вдругъ является невольникъ,

и говоритъ Судьямъ: „этотъ молодой человѣкъ невиненъ! отецъ его одинъ достоинъ казни!“ Тотчасъ Судьи приказываютъ ему открыть все, что онъ знаетъ. „Я былъ свидѣтелемъ, говоритъ онъ, какъ вчера ввечеру отецъ его пришелъ возвѣстить ему о побѣгѣ Статиры. Онъ окаменѣлъ. „Какъ, ты не отвѣчаешь, сказалъ ему старой Мазарецъ? ты не помышляешь объ отмщеніи? — Объ отмщеніи? Кому? Статирѣ, этой вѣроломной. — Статирѣ! которую я столь долго любилъ, и теперь еще люблю страстно! пускай она будетъ щастлива, я ей прощаю. — Малодушной любовникъ! сынъ недостойной! хорошо; такъ я отмщу за тебя, я отмщу за отца твоего, за нашу честь.“ При сихъ словахъ я видѣлъ, какъ сынъ упалъ къ его ногамъ, вздыхалъ, рыдалъ, умолялъ, пощадить Статиру. Наконецъ старой Мазарецъ казалось, смягчился; но во всю ночь онъ то выходилъ, то возвращался. Сего дня поутру пришла къ нему старуха съ видомъ разстроеннымъ, и поговорила съ нимъ на единѣ ; потъ-

часъ онъ закричалъ: лошадей! и они уѣхали!“ Во все это время молодой Мазарецъ, съ поникшею головою, съ смертною блѣдностію на лицѣ, стоялъ безмолвенъ и проливалъ слезы. Судьи спросили его, узнаетъ ли онъ невольника. Онъ признался, что это невольникъ его отца. Тогда все собраніе закричало, что онъ невиненъ, что должно снять съ него оковы. Судьи, повинуясь общему желанію и своему собственному убѣжденію, разрѣшили его.

Между тѣмъ солнце опускалось; часъ ужина наставалъ; мы поблагодарили нашего вожатаго и разстались съ симъ, обѣщая и впредь видаться.

ГЛАВА XIII.

Ужинъ Аристидовъ; анекдоты.

Аристидъ ожидалъ насъ: онъ велѣлъ накрыть столъ возлѣ колодца, чтобы освѣжить себя воздухомъ. На вопросъ его, не отяготилъ ли насъ жаръ во

время пути, я отвѣчалъ: совсѣмъ нѣтъ, мы привыкли. — „Вотъ какъ вы щастливы, что можете переносить суровость воздуха; отъ сколькихъ болѣзненныхъ чувствованій вы чрезъ то избавились, и сколько удовольствій можете себѣ доставить!“ Между тѣмъ обѣ сестры поставили на столъ кушанье простое, умѣренное, но приправленное чистотою. Мы сѣли на деревянныхъ лавкахъ, и съ нами веселіе и удовольствіе. Я разсказалъ то печальное произшествіе, коего мы были свидѣтелями. Вотъ, вскричалъ Аристидъ, до чего доводитъ худое воспитаніе и развратъ нравовъ! Друзья мои, безъ нравовъ общество не только не дѣлаетъ человѣка благороднѣе, но еще его унижаетъ и причиняетъ ему тысячи золъ и печалей, неизвѣстныхъ человѣку, находящемуся въ состояніи натуры.“

Во время стола, принесли Аристиду письмо отъ Фарнабаза, въ которомъ онъ писалъ, что не щитаетъ въ числѣ друзей своихъ тѣхъ, кои

отказываются принять отъ него подарки, и что онъ весьма огорченъ былъ симъ его поступкомъ. Аристидъ тотчасъ отвѣчалъ черезъ Атенаиду: „что онъ не принимаетъ того, въ чемъ нѣтъ ему надобности; но въ доказательство своего почтенія, и чтобы изъявить, какъ дорого цѣнитъ его дружбу, проситъ прислать себѣ цикорныхъ и салатныхъ сѣменъ для посѣву въ своемъ саду, да глиняной горшокъ для варенья овощей, потому что меньшая его внучка разбила старый, который служилъ ему пять лѣтъ.“ Фаноръ и я удивлялись скромной и бѣдной этой прозьбѣ. „Фарнабазу трудно понять, сказалъ Аристидъ, какъ можно отказываться отъ золота и подарковъ; въ первый разъ, какъ его увижу, разскажу ему одинъ случай съ Калліасомъ, моимъ родственникомъ.“ Я просилъ его разсказать и намъ. — „Я оставляю это удовольствіе Атенаидѣ. Мнѣ надобно еще полить свои растѣнія прежде прогулки, а тамъ я начну вамъ свою Одиссею. Впрочемъ не стану извиняться, что ужинъ мой, можетъ быть, слиш-

комъ философскій. Діонисій старшій былъ нѣкогда приглашенъ Лакедемонянами къ ихъ столу, и ему весьма не понравились простыя и невкусныя яства, а особливо черная кашица. „Дивиться нечему, сказалъ одинъ изъ нихъ: тутъ не было самой лучшей приправы. — А какой? — Труда, голода, и жажды. — А я повторяю вамъ тотъ же отвѣтъ, сказалъ я, какой сдѣлалъ Платону Тимоѳей: „ваша трапеза не только пріятна тогда, когда ею наслаждаешься, но и на другой день, когда уже нѣтъ ея.“

Мы остались одни съ двумя сестрами, но и Фалоя скоро вышла, говоря, что она лѣтъ десять знаетъ этотъ анекдотъ, и можетъ разсказать его не хуже сестры. Атенаида отвѣчала, что она охотно уступитъ ей это удовольствіе; но Фалоя отказалась.

Фаноръ подвинулся какъ можно ближе къ прекрасной Атенаидѣ, и расположился слушать съ величайшимъ вниманіемъ.

„Двоюродной братъ моего дѣдушки, по имени Калліасъ, человѣкъ весьма

богатый; факелоносецъ при таинствахъ (*), былъ нѣкогда обвиняемъ въ судѣ въ уголовномъ преступленіи. Въ день суда, враги его слегка коснулись главнаго дѣла и весьма распространились о дѣлѣ, которое къ тяжбѣ не шло. ,,Вы знаете, говорили они судьямъ, Аристида, сына Лизимахова, коего честность и мудрость всѣми прославляемы. Вы видите его въ нашихъ собраніяхъ въ обветшалой одеждѣ, и нѣтъ сомнѣнія, что этотъ бѣдной человѣкъ умираетъ съ голоду. Знайтежъ, что Калліасъ, богатѣйшій изъ гражданъ Аѳинскихъ и двоюродный братъ Аристидовъ, ни мало объ немъ не печется, и оставляетъ его въ нищетѣ, вмѣстѣ съ женою и дѣтьми, забывъ, что Аристидъ оказалъ ему великія услуги.“ Къ щастію для Калліаса дѣдушка случился тогда не далеко; онъ поспѣшилъ къ нему на помощь: и видя, что судьи весьма худо расположены къ обвиняемому,

(*) Факелоносецъ былъ допускаемъ къ самымъ сокровеннымъ таинствамъ, съ повязкою на глазахъ.

сталъ среди собранія, и объявилъ, что Калліасъ часто давалъ ему денегъ, но что онъ всегда отказывался принять. „Пристойнѣе Аристиду, говорилъ онъ, терпѣть бѣдность, нежели принимать благодѣянія отъ богача: не трудно найти людей, кои роскошествуютъ богатствами, употребляя ихъ на пользу или во вредъ; но трудно найти такихъ, кои умѣютъ сносить нищету терпѣливо и равнодушно: нѣтъ стыда въ бѣдности, естьли не будешь самъ причиною оной.“ Сія рѣчь обезоружила враговъ Калліаса, и онъ оправданъ.

Тогда Фаноръ сказалъ шутя Атенаидѣ, что онъ не знаетъ, что пріятнѣе, видѣть ли ее или слушать. — „А меня? закричала шутливо рѣзвая Фалоя, меня и не похвалите! Повѣрите ли, что я спала сто десять лѣтъ, какъ Эпименидъ, которой оставилъ Аѳины въ сорокъ лѣтъ, а возвратился назадъ сна пятидесяти. И я разскажу вамъ анекдотъ, которой не менѣе дѣлаетъ чести дѣдушкѣ. Его выбрали государственнымъ Казначеемъ въ Аѳинахъ, и онъ отправлялъ сію

должность совсѣмъ не такъ, какъ другіе казначеи, которые, какъ хищныя птицы, тучнѣютъ отъ поту и крови народной. Въ тотъ день, когда ему должно было отдать отчетъ, Ѳемистоклъ при помощи всѣхъ Казначейскихъ приставовъ осмѣлился обвинять его въ грабительствѣ и притѣсненіяхъ, и требовалъ, чтобъ наложили на него пеню; но старѣйшины города, люди честные и умные, воспротивились такому неправедному суду; дѣдушка не только оправданъ, но и на слѣдующій годъ выбранъ опять Казначеемъ." — „Я отмстилъ Аѳинянамъ, прервалъ Аристидъ, вошедши въ сію минуту, и далъ имъ полезное наставленіе. Притворясь, будто раскаиваюсь въ прежнемъ своемъ поведеніи, я далъ величайшее послабленіе всѣмъ приставамъ; никогда не свидѣтельствовалъ щетовъ; всякой могъ воровать смѣлою рукою; чтожъ вышло? всѣ сіи кровопійцы, утопая въ богатствахъ, превозносили меня похвалами, и съ величайшимъ усердіемъ требовали, чтобъ меня выбрали въ третій разъ. Въ день выбора, когда я увидѣлъ, что всѣ

подали голоса въ мою пользу, я всталъ, и важнымъ и строгимъ голосомъ вскричалъ: Аѳиняне! когда я управлялъ вашими доходами съ вѣрностію и точностію, какъ честной человѣкъ, меня очернили, назвали плутомъ; теперь, когда я оставилъ ваши доходы въ добычу этихъ грабителей, я въ глазахъ вашихъ человѣкъ безподобный, гражданинъ честнѣйшій. Аѳиняне! я стыжусь болѣе тѣхъ похвалъ, которыми вы меня нынѣ осыпаете, нежели того поруганія, которымъ вы хотѣли замарать меня прошлой годъ: больно мнѣ видѣть, что, дабы снискать вашу пріязнь, надобно сперва угождать этимъ плутамъ." — „Темистоклъ, продолжалъ онъ, смѣялся сей моей рѣчи; и когда при немъ хвалили мое безкорыстіе, то онъ сказалъ, что эти похвалы съ равнымъ правомъ можно отдать и крѣпкому сундуку, которой вѣрно хранитъ то, что въ него положено." Аристидъ произнесъ сіе важнымъ и громкимъ голосомъ, и съ такимъ жаромъ, какъ бы стоялъ онъ передъ Аѳинянами во всей крѣпо-

сти лѣтъ своихъ. Тутъ умолкъ на минуту, и по томъ сказалъ: „Прохлада вечера возбуждаетъ всѣхъ тварей къ наслажденію и покою; пойдемъ и мы насладиться прелестями вечера и великолѣпнымъ зрѣлищемъ заходящаго солнца. — „О день! воскликнулъ онъ, о свѣтъ небесный! ты уже не блистаешь въ глазахъ моихъ, ты не услаждаешь болѣе души моей! времена и лѣта возвращаются, но день не возвратится для меня! Я, среди дѣтей своихъ, осязаю ихъ, прижимаю къ моему сердцу, слышу пріятный ихъ голосъ; но, ахъ! уже не вижу ихъ: вѣчная ночь окружаетъ меня. Боже Вышній! восемьдесять два года наслаждался я красотою, сіяніемъ великихъ дѣлъ Твоихъ; увы! теперь остались мнѣ одни воспоминанія!“ Мы старались разогнать горестныя сіи мысли, и умягчить его скорбь. „Повѣрьте, сказалъ онъ, я терпѣливо сношу сію потерю; есть другія гораздо тягостнѣе. Не помню, какой-то Государь далъ на выборъ одному преступнику: хочетъ ли онъ,

чтобъ ему отрубили руки, или выкололи глаза. Нещастной просилъ, чтобъ ему позволено было сдѣлать опытъ и той и другой казни. Онъ велѣлъ связать себѣ руки, и пробылъ такъ три дни; другіе три дни ходилъ съ завязанными глазами, и послѣ сего опыта предпочелъ выколоть глаза. Но дайте мнѣ посохъ, и поведите меня на топъ маленькой пригорокъ, гдѣ воздухъ такъ чистъ и свѣжъ; тамъ услышите повѣсть моихъ приключеній.„ Фалоя дала руку старику, а Фаноръ осмѣлился итти съ Атенаидою. Онъ уже любилъ ее. Однажды она гонялась за бабочкою: „Не хотите ли вы сдѣлать рѣзвую бабочку постоянною? спросилъ онъ ее усмѣхаясь. — „Нѣтъ; у ней нѣтъ души; естьлибъ я этого хотѣла, я выбрала бы себѣ другой предметъ гораздо важнѣе.“ Она сорвала розу; Фаноръ выхватилъ у ней, и послѣ хотѣлъ опять отдать. — „Оставьте ее у себя, сказала она; я сняла съ нее колючій тернъ (*).

(*) Sono i vezzi esca d'amore.
Шутки и игры пища любви.

ГЛАВА XIV.

Приключенія Аристидовы, когда онъ укрывался въ пещерѣ.

„По изгнаніи Ѳемистокла Аѳины наполнились Сикофантами и ябѣдниками, которые гнали самыхъ знатныхъ и добродѣтельныхъ гражданъ. Народъ, отъ природы гордой и своевольной, а еще болѣе напыщенной своими побѣдами и славою, слушалъ ихъ и ободрялъ. Нѣкто Діофантъ, человѣкъ неизвѣстной, подлой угодникъ народа, осмѣлился обвинить меня въ лихоимствѣ, и будто я вынуждалъ деньги у Іонійцевъ, когда налагалъ на нихъ подать. Меня осудили заплатить пени 50 минъ. Я, не въ состояніи будучи внесть такую сумму, принужденъ былъ, какъ изгнанникъ, бѣжать изъ моего отечества. Я лишился сына своего Лизимаха, и отправился одинъ, взявъ съ собою, какъ Эней, двухъ своихъ внучекъ и домашнихъ боговъ. Утомясь отъ публичныхъ должностей, а еще болѣе отъ несправедливости и злобы людей, презирая ихъ, но

безъ ненависти, я ничего столько не желалъ, какъ окончить жизнь свою въ тихомъ и безмятежномъ уединеніи: вотъ чѣмъ ограничилъ я все свое честолюбіе! Ночью сѣлъ на купеческой корабль въ Пиреѣ, скрылъ свое имя, и назвалъ себя Агезіемъ, желая быть неизвѣстенъ въ цѣломъ свѣтѣ. Пріѣхавъ въ Смирну, поселился въ предмѣстьи города, въ домѣ одного рыбака, близь моря. Я занялъ для себя одну только небольшую избу, и одного блюда овощей довольно было для меня и для моей фамиліи на обѣдъ и на ужинъ. Однако доброй хозяинъ потчивалъ насъ иногда и рыбою: его жена, старушка добрая и богобоязливая, присматривала за моими внучками, и помогала мнѣ приготовлять овощи; а я, въ награду за ихъ благодѣянія, починивалъ ихъ неводы и училъ читать ихъ сына, робенка лѣтъ семи. Такимъ образомъ взаимныя наши услуги и помощь связали насъ такими узами, что наше товарищество было намъ весьма пріятно. Доброй рыбакъ считалъ меня бѣднымъ купцомъ,

разорившимся отъ непостоянства моря и судьбы. Около году блаженствовалъ я въ сей простой и неизвѣстной жизни; но тутъ случилось, что Лизандръ, Спартанскій Полководецъ и побѣдитель Аѳинянъ, обнародовалъ повелѣніе по всѣмъ Іонійскимъ приморскимъ городамъ, чтобы всѣ Аѳиняне, подъ опасеніемъ смертной казни, наискорѣе возвратились въ свое отечество. Хозяинъ мой, совсѣмъ не думая, чтобъ это повелѣніе касалось и до меня, не прежде далъ мнѣ о томъ знать, какъ уже флотъ непріятельской вступалъ въ Смирнскую гавань. Тотчасъ Лизандръ велѣлъ сдѣлать розыскъ; къ щастію хозяинъ мой былъ о томъ увѣдомленъ. Дѣло не терпѣло отсрочки: онъ беретъ свои неводы, кладетъ мнѣ на плеча; я иду впередъ, согбенный подъ тяжестію; онъ слѣдуетъ за мною. Мы проходимъ стражу, садимся въ его челнокъ, и выѣзжаемъ изъ гавани подъ предлогомъ рыбной ловли. Онъ привезъ меня въ пещеру, находившуюся на берегу моря, за 20 стадій отъ города,

Въ тотъ же вечеръ привезъ онъ ко мнѣ дѣтей моихъ и съѣстныхъ припасовъ.

„Сія пещера окружена скалами, которыя закрываютъ въ нее входъ и защищаютъ ее отъ суровости вѣтровъ. У входу она мала и низка; но далѣе расширяется и подымается болѣе и болѣе. У подошвы скалъ течетъ ручей чистой прекрасной воды, сквозь разщелины утеса проходятъ солнечные лучи, и воздухъ въ пещерѣ весьма чистой и не сырой. Доброй рыбакъ каждое утро приносилъ мнѣ пищу. Здѣсь-то, въ семъ глубокомъ уединеніи, въ сей мрачной пещерѣ, измѣрялъ я ничтожность жизни человѣческой. Въ одинъ день, сокрушенъ уныніемъ и печалію, воскликнулъ я: „О добродѣтель! уже ли ты не иное что, какъ только мечта? уже ли боги не пекутся о судьбѣ смертныхъ, не зрятъ ни на пороки ни на добродѣтели, ни на щастіе ни на бѣдствіе людей? Нѣтъ, такая вѣра противна моему разсудку и сердцу. Добродѣтельный шествуетъ всегда предъ очами

Бога Вышняго: и награда его также безсмертна, какъ и онъ.“

„Я началъ привыкать къ сей дикой жизни, и уже не столько скучалъ ею, занимаясь своими дѣтьми и ихъ воспитаніемъ; но въ одинъ день, о день ужасный! я и теперь дрожу объ немъ! прошелъ тотъ часъ, въ которой обыкновенно приносили мнѣ пищу, и никто не являлся. Я караулилъ цѣлой тотъ день, и никто не приходилъ. Какое ужасное состояніе! я проливалъ слезы — не о себѣ: смерть была бы для меня пріятна, — но бѣдныя мои дѣти! они просили хлѣба, и мнѣ не чего было дать. Ночью собралъ я на берегу нѣсколько раковинъ, и сею легкою пищею подкрѣпилъ немного истощенныя ихъ силы. Самъ я довольствовался только водою и дикими кореньями. Дѣти мои спали до другаго дня; а я какъ далекъ былъ отъ того, чтобы вкусить пріятности сна! Какъ скоро они проснулись, первой ихъ крикъ былъ хлѣбъ. Я обнялъ ихъ и плакалъ. Въ страшномъ волненіи дожидался я того часа, когда обыкновен-

но приносили намъ пищу. Увы! часъ
миновалъ, день прошелъ, и никто не
являлся. О! какъ желалъ бы я тогда
разрушиться и не быть! „Дѣти мои!
любезныя мои дѣти! вопилъ я въ от-
чаяніи. Они лежали и плакали. Ате-
наида, примѣтивъ слезы мои, сказала
мнѣ: „Не плачьте, батюшка! мнѣ не
очень хочется ѣсть.“ Эти слова разтер-
зали мою душу. Какъ скоро настала
ночь, я потащился на берегъ, собралъ
нѣсколько раковинъ, и мои дѣти пожи-
рали ихъ съ жадностію. Какая ночь!
какія страшныя мечты ужасали мое во-
ображеніе! я слышалъ вздохи дѣтей мо-
ихъ, стонавшихъ и во снѣ! День на-
сталъ, а съ нимъ и наши бѣдствія. „О
солнце! воскликнулъ я, свѣтильникъ
вселенныя! послѣдній разъ ты освѣща-
ешь меня; и Ты, Отецъ природы! Суще-
ство Всевышнее! прекрати нынѣ тяго-
стное бытіе мое: я прошелъ свое попри-
ще; но призри дѣтей моихъ, младен-
цевъ! будь отецъ имъ, о Боже мило-
сердый!“ Атенаида меня кликнула;
она не смѣла просить хлѣба; она ви-

дѣла, что это слово раздираетъ мое сердце; просила только раковинъ: я обѣщалъ ей. Видя предъ собою голодную смерть, чего мнѣ было опасаться? Я рѣшился, естьли въ тотъ день не принесли бы ко мнѣ пищи, итти на всѣ опасности, и ввѣрить судьбу мою людямъ и богамъ. Въ крайнемъ ослабленіи силъ, едва могъ держаться на ногахъ; однако потащился ко входу пещеры: о радость вѣчная, незабвенная и по гробѣ! я увидѣлъ пищу изобильную. Я упалъ на колѣни, и благодарилъ милосердое Провидѣніе, пекущееся о невинности. Этотъ день есть пріятнѣйшій въ моей жизни. Побѣды, Марафонская и Платейская, никогда не оживляли меня такою чистою небесною радостію. Можетъ быть радость о побѣдѣ проистекаетъ отъ тщеславія; но то веселіе, которое ощущалъ я въ сей день, истекало изнутрь сердца, изъ самой сущности натуры человѣческой. Однако я еще имѣлъ причину страшиться будущаго: не зналъ я, Богъ ли какой, или человѣкъ сжалился надъ моею

бѣдностiю. На другой день, при восхожденiи солнечномъ, спрятался я за утесомъ, откуда могъ видѣть далеко, не будучи самъ видимъ. Скоро усмотрѣлъ я незнакомаго человѣка, съ мѣшкомъ на плечахъ; онъ вынулъ пищу, положилъ ее у входа пещеры, и тотчасъ удалился не оглядываясь. Сей вранъ питатель продолжалъ приносить намъ пищу цѣлые пять мѣсяцовъ, всегда соблюдая ту же молчаливость, ту же скрытность. Между тѣмъ сiя тайна меня безпокоила. Кто этотъ доброй человѣкъ? что случилось съ моимъ другомъ рыбакомъ? Наконецъ, въ одно утро, какъ я ожидалъ его по обыкновенiю въ скрытномъ своемъ убѣжищѣ, мнѣ показалось, будто это онъ. Я бѣгу къ нему съ радостнымъ крикомъ, бросаюсь къ нему на шею. Онъ, внѣ себя отъ восхищенiя, заключаетъ меня въ свои объятiя, изъявляетъ мнѣ свою радость, что еще меня видитъ. Тогда онъ разсказалъ мнѣ, что Спартанцы хотѣли взять его на флотъ; что онъ скрылся, но былъ пойманъ и посаженъ

въ темницу; что три дни не удалось ему ни съ кѣмъ говорить; наконецъ онъ рѣшился вступить въ службу на Спартанскомъ флотѣ, и тогда поручилъ судьбу мою одному честному и скромному другу, принявъ отъ него клятву, что онъ не будетъ любопытствовать меня видѣть и знать. Онъ прибавилъ: „Я нашелъ корабль, которой перевезетъ васъ во Фракію: въ честности Капитана я увѣренъ; онъ требуетъ самой малой цѣны за перевозъ, и она уже заплачена." Я принялъ сіе предложеніе, говоря: „Другъ мой! я беру на себя священной долгъ; надѣюсь когда-либо заплатить его. А естьли не могу, то отдаю долгъ свой богамъ."

ГЛАВА XV.

Аристидъ поселился во Фракіи. Климатъ сей страны. Нравы жителей. Чѣмъ Аристидъ достаетъ себѣ пропитаніе.

„Я сѣлъ на корабль, и отправился съ дѣтьми своими въ Гераклею, Фра-

кійской городъ. Мы вошли въ рѣку Эгину, и я поселился между нею и священною горою, въ одной деревнѣ, гдѣ я занялъ для себя хижину. Мое искусство, учить читать, было здѣсь безполезно: Фракійцы живутъ еще въ самомъ грубомъ состояніи. Чтобы доставать себѣ пропитаніе, я нанялся у одного богатаго жителя, у котораго были большія помѣстья и многочисленныя стада. Земледѣліе въ сей странѣ еще младенчествуетъ: я подавалъ совѣты своему хозяину и смотрѣлъ за хлѣбопашествомъ. Моими стараніями жатвы давали ему вдвое противъ прежняго прибыли. Скоро онъ сдѣлалъ меня начальникомъ надъ работниками. Мнѣ удалось, собственнымъ примѣромъ и наученіемъ, поселить въ жителяхъ охоту къ землепашеству. Орфей умягчилъ ихъ нравы согласными звуками лиры своей; а я, какъ новой Триптолемъ, образовалъ ихъ къ трудолюбію и хлѣбопашеству. Но климатъ сей страны становился мнѣ тягостенъ: зима тамъ жестока и продолжительна; хо-

тя, судя по широтѣ полюса, можно бы здѣсь ожидать умѣреннѣе климата, но горы привлекаютъ туда облака и снѣги. Сверхъ того, душа Аѳинянина не можетъ привыкнуть къ грубости сихъ народовъ.

„Фракійцы не боятся смерти; они думаютъ, что души ихъ возвратятся на землю, или переселятся въ страну щастливѣйшую. Другіе вѣрятъ только, что смерть вожделѣннѣе жизни.

„У Травзійцевъ, Фракійскаго народа, когда родится младенецъ, то родители его исчисляютъ надъ нимъ всѣ нещастія, какимъ бываетъ подверженъ человѣкъ во время своего существованія, и за сими жалобами слѣдуютъ стенанія и вопли. Когда же кто умретъ, то родственники предаются веселію, и благословляютъ умершаго, что онъ избавился отъ всѣхъ мученій жизни.

„Крестонейцы, другой Фракійской народъ, имѣютъ право держать многихъ женъ. При смерти мужа родится между его женами великой споръ

о томъ, которую изъ нихъ покойникъ больше любилъ: сію заколаетъ ближній родственникъ на гробѣ мужа ея, и такое предпочтеніе почитается величайшимъ позоромъ и нещастіемъ для другихъ.

„Иные Ѳракійцы продаютъ дѣтей своихъ съ тѣмъ условіемъ, чтобъ ихъ вывезли изъ отечества. Они позволяютъ дочерямъ своимъ жить съ тѣми мущинами, которыхъ онѣ полюбятъ; но вышедши одинъ разъ за мужъ, онѣ лишаются уже своей вольности, и ихъ стерегутъ весьма строго. Мужья покупаютъ ихъ у родителей дорогою цѣною. Знатныя носятъ на тѣлѣ клейма, въ знакъ своего благородства.

„Нѣтъ ничего почтеннѣе въ глазахъ ихъ, какъ праздность, война и грабительство; и ничего безчестнѣе, какъ земледѣліе. Божества ихъ: Марсъ, Бахусъ и Діана. Одни Государи покланяются Меркурію, клянутся имъ, и думаютъ, что отъ него и сами происходятъ.

„Я былъ свидѣтелемъ похоронъ одного богача той страны. Мертвое его тѣло выставлено было на позоръ цѣлые три дни. Заколали множество различныхъ животныхъ, по томъ приготовили пиршество. Во время приготовленій вопли и рыданія безпрерывно продолжались. По окончаніи пиршества трупъ сожгли, прахъ зарыли въ землю; на могилѣ воздвигли курганъ, и празднество кончилось играми разнаго роду.

„Тѣ Ѳракійцы, у которыхъ я жилъ, не пьютъ вина. На пиршествахъ они разводятъ большой огонь и бросаютъ въ него извѣстныя имъ сѣмена, коихъ дымъ производитъ опьянѣлость. Другіе же, напротивъ, страстно любятъ сей напитокъ, однако смѣшиваютъ его съ медомъ. Естьли нѣтъ у нихъ вина, то они составляютъ крѣпкой напитокъ изъ пшеницы. Богамъ въ жертву приносятъ людей, а особливо идучи на войну. Когда громъ гремитъ, они мещутъ стрѣлы свои на воздухъ, дабы устрашить боговъ.

„Геты почитаютъ себя безсмертными, и думаютъ, что умершіе отходятъ къ богу ихъ Залмоксу. Каждой годъ они выбираютъ по жеребью, кого послать къ нему депутатомъ. Вотъ какимъ образомъ поступаютъ въ семъ случаѣ: трое держатъ копья, каждой по одному, остріемъ вверьхъ; другіе берутъ назначеннаго депутата, на котораго палъ жеребій, и бросаютъ его на воздухъ, такъ, чтобы онъ упалъ на копья. Естьли онъ умретъ отъ ранъ, то это знакъ, что ихъ богъ имъ благопріятствуетъ; естьли жъ онъ останется живъ, то они казнятъ его какъ злодѣя, и посылаютъ другаго депутата, давши ему инструкціи.

„Въ сіе время узналъ я, что младшій Киръ, сынъ Дарія, Царя Персидскаго, начальствуетъ надъ всѣми Сатрапіями малой Азіи, и своею кротостію и великодушіемъ привязываетъ къ себѣ сердца всѣхъ подчиненныхъ. Онъ имѣлъ пребываніе свое въ Сардахъ, городѣ, славномъ умѣренностію своего климата, своими водами, вертоградами

и прелестнымъ мѣстоположеніемъ. Я рѣшился въ немъ поселиться, и ввѣрить сему молодому Государю свою тайну и жизнь. Лѣта мои и нещастія, говорилъ я самъ себѣ, тронутъ его, и онъ призритъ дѣтей моихъ. Я поручилъ себя всеуправляющей Судьбѣ. Плаваніе наше было благополучно. Но я чувствую прохладу ночи; время возвратиться въ наше пепелище; завтра, естьли вы любопытствуете, я разскажу вамъ продолженіе моихъ приключеній."

ГЛАВА XVI.

Фаноръ влюбленъ. Какимъ способомъ открываетъ онъ свою любовь. Ужинъ. Анекдотъ о Кимонѣ.

Когда мы удалились, то Фаноръ опять началъ говорить мнѣ объ Атенаидѣ. „Я люблю ее, сказалъ онъ, со всею горячностію первой страсти; чувствую, что это та, которую искала заблуждшая душа моя столь долгое вре-

мя; я столько ею плѣненъ, что думаю, она меня обворожила. Когда ея глаза обращаются на меня, мнѣ кажется, будто изъ сего очаровательнаго органа вылетаетъ какая-то невидимая сила, какая-то матерія тонкая и столь проницательная, что въ ту минуту душа моя воспламеняется, подобно какъ бы огнь небесный коснулся ей. — Ты приписываешь глазамъ непонятную силу: отъ чего жъ эта сила, эта тонкая матерія до меня не касается, и не оставляетъ во мнѣ никакого впечатлѣнія? — Конечно отъ того, что между ею и тобою нѣтъ никакой связи, и взаимная симпатія не привлекаетъ васъ. — Прибавь еще, что этому вздору я не вѣрю. — Воля твоя, не вѣрь пожалуй; но попробуй объяснить мнѣ одинъ феноменъ, которому свидѣтелемъ былъ одинъ изъ друзей моихъ. Онъ увидѣлъ мышь; жаба смотрѣла на нее выпаращивши глаза и разинувши пасть; бѣдная мышь кружилась около нее и визжала: примѣтно было, какъ она противилась непреодолимой силѣ, влекшей ее къ жабѣ; она

безпрестанно дѣлала круги, которые всякой разъ становились меньше и именьше, и наконецъ, не смотря на свое сопротивленіе, бросилась въ пасть сего своего врага. Ну, какъ ты думаешь? Не глаза ли жабы своею магнитною силою привлекли сію бѣдную мышь? Глазъ сердитаго человѣка, и взоръ любовника, пламенѣющаго сладострастіемъ, не потрясаетъ ли души твоей? не разжигаетъ ли чувствъ? Отъ чего жъ все это, естьли не отъ тѣхъ тонкихъ частицъ, которыя вылетаютъ изъ глазъ и проникаютъ въ душу? Скажу болѣе: ты помнишь, что вчера еще я былъ въ нерѣшимости, которой изъ двухъ сестеръ отдать преимущество; а сего дни, какая перемѣна! сердце мое воспламенилось внезапною любовію, подобно какъ гора внезапно извергаетъ пламя, скрывавшееся въ ея нѣдрахъ. Отъ чего это? Смѣйся надо мною, но я увѣренъ, что любовь моя родилась отъ моего неразумія; что я сего дни очень долго сидѣлъ на томъ мѣстѣ, гдѣ сидитъ и покоится моя прекрасная Аѳинянка.

Съ этого времени я сгараю пламенемъ любви. — О! все это легко можетъ случиться отъ воображенія; но ты напрасно ищешь причины такъ далеко; вспомни лучше, что ты испилъ воды изъ источника Салматійскаго: вотъ и дѣйствіе ея. — Можетъ ли это статься? Уже ли ты думаешь?... но вить ты влюбленъ, а я нѣтъ; потому что я не пилъ. Впрочемъ я не осуждаю любви твоей. Атенаида заслуживаетъ самой искренней, самой нѣжной привязанности: ея добродѣтели, ея прелести, ея пріятности, умъ здравый и основательный, память, обогащенная всѣми благородными свѣденіями, дѣлаютъ ее прелюбезною, предостойною дѣвицею. — Такъ, надобно имѣть каменное сердце, чтобъ не обожать ее; — однако я бы лучше любилъ прелестную Ѳеану, безсравненную Аспазію, нѣжную Теофанію.... — Ты смѣешься! Мнѣ кажется, ты не склонишься на мнѣніе Эврипида, которой въ своей Медеѣ говоритъ, что желательно бы было, естьлибъ Натура нашла иное средство распло-

жать родъ человѣческой безъ соучастія женщинъ; что люди были бы тогда щастливѣе. — Эврипидъ былъ глупецъ въ этомъ пунктѣ, и онъ хорошо наказанъ за свою ненависть къ женщинамъ; ибо утверждаютъ, что онѣ, въ отмщеніе за себя, разтерзали его. Но ночь приближается, уснемъ: можетъ быть Морфей изъ волшебнаго своего чертога пошлетъ къ тебѣ прелестной сонъ, и ты обнимешь свою богиню въ пріятной розовой бесѣдкѣ."

Мы проснулись ужь очень поздо; наши хозяева были уже въ саду. Аристидъ копалъ землю, а обѣ сестры кормили козъ и цыплятъ; голуби подходили клевать пищу изъ прекрасныхъ ихъ рукъ. Мы имъ помогали, ходили съ ними прогуливаться, а позавтракавъ, онѣ удалились въ свой Гинекей; а мы съ Фаноромъ пошли бродить въ поле. Фаноръ въ восторгѣ радости сказалъ мнѣ, что онъ нашелъ средство изъяснить свою любовь прекрасной Атенаидѣ. „Мы были подъ тополовымъ деревомъ, говорилъ онъ, нѣсколько по-

далѣе отъ васъ; щегленокъ леталъ вокругъ своей самки и пѣлъ; Атенаида смотрѣла на него и слушала. „Какъ бы я хотѣла, сказала она, разумѣть языкъ этихъ миленькихъ птичекъ! вѣрно онѣ говорятъ что нибудь любезное.“ — Естьли угодно, я могу быть ихъ переводчикомъ. Дѣдъ мой, птицегадатель Ѳивской, занимался изученіемъ ихъ языка, и ввелъ меня во святилище сей науки. — „Это самой лестной талантъ; посмотримъ, разскажите мнѣ ихъ разговоръ.“ — Охотно: послушаемъ. „Я облетѣлъ много земель, говоритъ любовникъ, видѣлъ много птицъ вашего полу, но нигдѣ не находилъ прекраснѣе, любезнѣе тебя. — „Вотъ самая политичная птичка!“ — Онъ прибавляетъ: „Натура истощила на тебя всѣ свои дары, всѣ прелести, ослѣпляющія взоръ и плѣняющія душу. Ни поля Елисейскія, гдѣ блаженствуютъ щастливыя тѣни, ни сады Гесперидскіе, гдѣ дерева произращаютъ золотые плоды, столько для меня не прелестны, какъ сіе уединенное жилище, украшаемое твоимъ при-

сутствіемъ.“ Теперь онъ умолкъ. — Эта птичка кажется мила; однако не правда ли, что она слишкомъ льститъ? — Не намъ судить о достоинствѣ той, которую онъ любитъ; примѣтно однако по страстному его выраженію, что онъ говоритъ прямо отъ сердца. Но послушаемъ, онъ опять начинаетъ. „Только три дни, какъ я тебя знаю, и три дни обожаю тебя. Стрѣла Юпитерова не столько быстра, какъ та стрѣла, которою ты пронзила мое сердце.“ — У этого маленькаго животнаго есть умъ; а что отвѣчаетъ ему его любезная? — До сихъ поръ ничего; что бы вы отвѣчали на ея мѣстѣ? Я бы отвѣчала, что тотъ, кто умѣетъ любить и хвалить тонко и искренно, хотя и льстиво, достоинъ по крайней мѣрѣ благодарности.“ Тутъ вы подошли, и нашъ разговоръ кончился.“ — Куражъ! сказалъ я Фанору; любовь твоя родилась подъ щастливою звѣздою, и надежда открываетъ тебѣ прелестные виды; но помни, что дочь Аристидова, украшенная своими талан-

тами и добродѣтелями своего отца, есть такое божество, къ которому должно приближаться съ чистѣйшею жертвою. — Знаю: ея превосходныя качества, ея скромность, невинность, ея имя, внушають почтеніе. Мои намѣренія достойны ея; и естьли я буду щастливъ, что она ихъ одобритъ, тогда, мой другъ, помоги мнѣ испросить согласіе мудраго и справедливаго Аристида."

Послѣ нашей прогулки мы ужинали подлѣ колодца: это была наша столовая зала въ хорошую погоду. Многіе сосѣди приходили сюда черпать воду. „Вашъ садъ для всѣхъ открытъ, сказалъ я Аристиду; вы подражаете въ этомъ Кимону, сыну Мильтіадову." — Да, мнѣ пріятно, также какъ и ему, расточать свои сокровища; а всѣ мои сокровища въ этой водѣ. Кимонъ былъ такого благороднаго характера и столько щедролюбивъ, что приказалъ разобрать заборъ около своего саду, чтобы всякой нуждающійся и странникъ могъ пользоваться его плодами и овощьми.

Столъ у него всегда былъ простой и умѣренной, только всего приготовлено было весьма обильно и всѣ нищіе были его гости. Когда онъ выходилъ со двора, то за нимъ слѣдовало множество невольниковъ въ хорошихъ одеждахъ; и естьли онъ встрѣчалъ какого нибудь старика въ нищенскомъ рубищѣ, то одинъ изъ невольниковъ обмѣнивалъ свою одежду на рубище сего бѣдняка; они носили также съ собою мѣшки съ деньгами, и Кимонъ раздавалъ ихъ щедрою рукою бѣднымъ нуждающимся; однимъ словомъ: сей другъ человѣчества превратилъ домъ свой въ публичную Пританею, и тѣмъ приводилъ на память Золотой вѣкъ, когда всѣ блага были всѣмъ людямъ общи. Сей великій человѣкъ умеръ въ Кипрѣ, еще молодъ, въ службѣ своего отечества, и прахъ его не почіетъ въ Аѳинахъ! еще не воздвигнутъ ему памятникъ! Собакѣ Ксантипповой воздали больше почестей: она лежитъ въ пышномъ гробѣ." Я спросилъ Аристида объ этой Ксантипповой собакѣ. — При нашествіи Персовъ, Аѳиняне принуждены

были оставить свои жилища, храмы,
отечество. У Ксантиппа была собака,
которую не удалось ему взять съ собою
на корабль. Сія вѣрная собака слѣдо-
вала за нимъ вплавь, но крайняя уста-
лость причинила ей смерть на берегу
Саламины, къ которому удалось ей до-
плыть. Ксантиппъ похоронилъ ее на
томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она умерла,
и памятникъ ея существуетъ подъ
именемъ *Кинеама* (гробница собаки). Но
насталъ часъ нашей прогулки, я дол-
женъ разсказать вамъ продолженіе сво-
ей исторіи: пойдемъ на вчерашнее наше
мѣсто.“ Атенаида подала ему руку, и
это очень огорчило влюбленнаго Фанора;
онъ ласкался надеждой, что дорогой
будетъ имѣть случай, переводить ей
съ птичьяго языка.

Намъ попалась на встрѣчу толпа
молодыхъ Кавалеровъ: всѣ были на ло-
шади; впереди ихъ молодой Фарнабазъ,
съ веселымъ видомъ, скакалъ на своемъ
конѣ, и шутилъ съ товарищами. Я
обомлѣлъ; не вѣрилъ глазамъ своимъ:
вчера еще видѣлъ его въ отчаяніи, какъ

онъ рвалъ на себѣ волосы, метался на тѣло прекрасной Статиры, призывалъ смерть, и хотѣлъ заколоть себя кинжаломъ; а нынѣ веселіе и смѣхи заступили мѣсто страшнаго отчаянія. Я открылъ свое удивленіе Аристиду, и онъ отвѣчалъ съ усмѣшкою. — „Этотъ молодой человѣкъ болѣе Философъ, нежели ты думаешь, настоящій ученикъ изъ Портика; подобно мудрецу, онъ возносится превыше печали, не трогается ничѣмъ. Прекрасной урокъ для молодыхъ дѣвушекъ, которыя такъ легко увѣряютъ себя, что любовники не могутъ пережить ихъ суровости, или ихъ потери. Фарнабазъ былъ влюбленъ въ забавы, а не въ любовницу; онъ нашелъ ихъ въ другомъ мѣстѣ, и утѣшался.

ГЛАВА XVII.

Продолженіе Аристидовыхъ приключеній. Описаніе Дворца Кирова. Разговоръ Аристидовъ съ симъ Государемъ.

Когда мы взошли на пригорокъ, то Аристидъ началъ говорить слѣдующимъ образомъ; „Помнится, вчера мы прибыли въ Сарды благополучно, хотя и утомились отъ дороги. Я остановился въ одномъ постояломъ дворѣ, и на другой день спрашивалъ своего хозяина, въ которой часъ могу видѣть Кира? Вопросъ мой удивилъ его; онъ окинулъ меня глазами съ ногъ до головы, и отвѣчалъ съ Сардосскою улыбочкою: для васъ открытъ доступъ во всякое время. Вы конечно пріѣхали просить какого нибудь важнаго мѣста, или покровительства? — „Нѣтъ, отвѣчалъ я, огорченъ его насмѣшкою; я пріѣхалъ требовать отъ твоихъ согражданъ поболѣе здраваго смысла, а отъ Государя твоего уваженія ко мнѣ.“ Сіи слова, произнесенныя голосомъ твердымъ и важнымъ,

поразили его, и онъ сказалъ мнѣ, въ какое время отворяются врата Царскаго дворца. Я пошелъ туда, такъ какъ вы меня теперь видите, босыми ногами, съ непокрытою головою, густая борода закрывала лице. Прохожіе тѣшились надо мною, и смотрѣли на меня, какъ на заморскаго звѣря. У воротъ перваго двора стояла многочисленная гвардія; тутъ меня пропустили, у другаго остановили меня. Я спросилъ у невольниковъ, кто изъ нихъ разумѣетъ Іоническое нарѣчіе? — „Я, отвѣчалъ знатнѣйшій изъ нихъ. — Поди жъ и скажи Киру, что нѣкто изъ Грековъ хочетъ видѣть его и съ нимъ говорить." Невольникъ стоялъ неподвиженъ, устремивъ на меня глаза. — Поди, сказалъ я, важнымъ и повелительнымъ голосомъ, и принеси мнѣ отвѣтъ. Онъ затрясся и пошелъ. Между тѣмъ, въ ожиданіи отвѣта, сѣлъ я на камень; солнечные лучи палили меня: но я привыкъ сносить зной. Солдаты дивились моей крѣпости въ та-

кія лѣта. Они хотя и были вЪ Киттарахъ (*), однако прятались и жались подъ тѣнью. Тутъ-то я кинулъ взоръ на славу свою протекшую. „Это ли тотъ Аристидъ, думалъ я, которой на Марафонскомъ полѣ раздѣлялъ лавры съ Мильтіадомъ? которой съ Θемистокломъ торжествовалъ при Саламинѣ? которой при Платеѣ одержалъ побѣду, предводительствуя Аѳинянами? Это ли Аристидъ, которому Греки совокупно поручили налагать пошлины, и облекли его властію неограниченною?" — Прибавьте, сказала Атенаида, что время вашего начальствованія, названо Золотымъ временемъ, вѣкомъ Сатурновымъ. — „Такъ, дочь моя! И этотъ Аристидъ, думалъ я, сидитъ здѣсь на камнѣ, у воротъ Сатрапа Персидскаго! среди подлой черни, незнаемъ, безпомощенъ, поруганъ, ища покровитель-

---

(*) Киттары, родъ Персидскихъ шапокъ, къ верху остроконечны. Королевская Киттара украшена была повязкою голубою и бѣлою.

ства враговъ своихъ, которыхъ прежде устрашалъ, поражалъ. О щастіе! это твоя забава. Въ сію минуту вспомнилъ я того славнаго Креза, Царя Лидійскаго, которой въ этомъ самомъ городѣ упалъ съ высоты Престола въ оковы своего побѣдителя. Мысли мои прерваны возвращеніемъ посланнаго, которой объявилъ мнѣ, что его Государя можно видѣть не прежде, какъ черезъ два часа. — „Воротись и скажи ему, что мнѣ не когда дожидаться; что молодой человѣкъ обязанъ почтительностію старости, и Сатрапъ Персидской вольному Греку.“ Невольникъ остолбенѣлъ, и не безъ труда рѣшился отнесть мой отвѣтъ. Киръ согласился наконецъ принять меня. Я прошелъ черезъ многія комнаты, украшенныя золотомъ, серебромъ, шелкомъ, прекрасными статуями и дорогими вазами; я шелъ по богатымъ коврамъ; но та зала, въ которой былъ Киръ, окружена толпою Придворныхъ, превосходила всѣ прочія великолѣпіемъ и вкусомъ: парке мозаической работы изъ

прекраснѣйшихъ мраморовъ, стѣны выложены блестящимъ алебастромъ; восемь порфировыхъ колоннъ поддерживали куполъ залы, и на немъ кисть славнѣйшихъ художниковъ изобразила аль-фреско Венеру, выходящую изъ нѣдръ моря; она окружена прекрасными Нереидами и Купидонами, летающими около ея. Молодой Киръ сидѣлъ подъ симъ куполомъ, разлегшись на серебряномъ ложѣ, покрытомъ богатою тканью. Признаюсь, я удивленъ былъ великолѣпiемъ, роскошью и вкусомъ сей залы! не могъ вообразить ничего столь очаровательнаго. Но мнѣ пришли на память слова Дiогена у Платона, и я сказалъ: „*Попираю ногами роскошь и гордость Кирову!*" Одежды придворныхъ, унизанныя золотомъ и драгоцѣнными каменьями, придавали новой блескъ сему ослѣпляющему зрѣлищу. Сказываютъ, что Солонъ, проходя палаты Крезовы, принималъ каждаго придворнаго за самаго Государя; я могъ бы также легко обмануться. Какъ скоро я вошелъ, то вся толпа раздвинулась и дала мнѣ до-

рогу; я прошелъ мимо ихъ твердыми стопами и съ возвышенною головою. Тѣ, кои были поумнѣе, смотрѣли на меня съ удивленіемъ, а прочіе молокососы, коихъ было большее число, смѣялись надъ странностію моего наряда и надъ чуднымъ моимъ видомъ. Я сталъ передъ Киромъ, который, не трогаясь съ мѣста и не теряя своей величивости, спросилъ у меня, на Іоническомъ діалектѣ, мое имя, состояніе, отечество, и чего я отъ него желаю. „Прикажи выдти этимъ несмысленнымъ молодымъ людямъ, которые оскорбляютъ взоръ вольнаго человѣка, и тогда я назову себя." Киръ сдѣлалъ знакъ, и всѣ вышли. Тогда онъ посмотрѣлъ на меня пристально, и я примѣтилъ, что онъ получилъ обо мнѣ лучшія мысли. — „Теперь мы одни, сказалъ онъ; говори, кто ты? — Аѳинянинъ, который причинилъ много вреда Персамъ, но который имѣетъ о тебѣ и о твоемъ великодушіи такое хорошее мнѣніе, что въ нещастіяхъ своихъ пришелъ ввѣрить тебѣ свою судьбу, и просить госте-

пріимства, — Имя твое? — Аристидъ Аѳинской: знаешь ли ты его? — Аристидъ! такъ; твои добродѣтели и слава твоя проникла въ наши предѣлы." Съ сими словами онъ встаетъ, подаетъ мнѣ руку; мы сѣли вмѣстѣ, и начали продолжительный разговоръ о дѣлахъ Греціи и о состояніи Аѳинъ. Сей молодой Принцъ, будучи еще двадцати трехъ лѣтъ, украсилъ уже разумъ свой всѣми полезными свѣденіями. Щастливой его характеръ, неограниченное щедролюбіе, его милыя качества, сдѣлали его любезнымъ всей Персіи; но я замѣтилъ, что честолюбіе снѣдаетъ его, что онъ дѣлаетъ пышные планы къ великимъ завоеваніямъ. — „Знаешь ли ты, сказалъ я ему, какая это бездна, война? какія суммы денегъ она поглощаетъ? — Я все предусмотрѣлъ; у меня кучи денегъ. — Выслушай небольшую басенку. „Луна просила однажды мать свою, сдѣлать себѣ платье впору. Какъ это можно? отвѣчала ей мать. Ты ни на одинъ день не сохраняешь своей величины; безпрестанно прирастаешь и

убываешь; платье не будетъ уже впору, какъ скоро оно поспѣетъ. „Тоже можно сказать и о воинскихъ издержкахъ: не льзя опредѣлить суммы, какую поглотитъ сіе чудовище. Въ одномъ храмѣ Аѳинскомъ есть статуя Мира, держащаго на рукахъ младенца Плутуса; а въ Ѳивахъ, не меньше умно изображенъ сей богъ богатства на рукахъ Щастія. Важныя философскія истинны! Подлинно, Миръ, чадо Небесъ, есть податель щастія и богатствъ. Война, загорѣвшаяся отъ честолюбія, есть величайшее злодѣйство, вопіющее на небо." Молодой Сатрапъ, смущенъ моими словами, но ни мало не убѣжденъ, перемѣнилъ разговоръ; онъ сказалъ мнѣ, что жалѣетъ объ участи такого человѣка, какъ я, въ изгнаніи, въ бѣдности, всѣми оставленнаго. — „Много вамъ обязанъ; но скажу вамъ словами Аристиппа, что бѣдность почтеннѣе невѣжества; потому что бѣдность показываетъ нищету богатства, а невѣжество обнаруживаетъ нищету ума." Стали говорить о нравахъ Пер-

совъ. Киръ признался, что ихъ нравы,
столь строгіе и постоянные въ преж-
нія времена, быстро склонились къ раз-
врату. Прежній образъ воспитанія на-
шего, которому и донынѣ столько
удивляются, совершенно забытъ и пре-
зрѣнъ. Со временъ великаго Кира
Персы раздѣлены на четыре класса: на
дѣтей, юношей, мужей совершенныхъ
и на стариковъ. Дѣти до пяти лѣтъ
остаются на рукахъ женщинъ, дабы
потеря ихъ, естьли кто умретъ, мень-
ше была горестна отцамъ. Въ пять
лѣтъ учатся они ѣздить верьхомъ. У
насъ есть публичное мѣсто, раздѣленное
на четыре части; въ каждомъ отдѣленіи
12 надзирателей: надзиратели надъ дѣть-
ми выбираются изъ стариковъ, а надъ
юношами изъ мужей совершенныхъ. Дѣ-
тей мало учатъ Грамматикѣ, но пре-
подаютъ обстоятельныя правила нрав-
ственности и правосудія. Неблагодар-
ность представляютъ имъ самымъ гну-
снымъ порокомъ; стараются сдѣлать
ихъ скромными, воздержными: хлѣбъ,
огородные овощи, вода — вотъ обыкно-

венная ихъ пища и питье; главныя ихъ упражненія: стрѣлять изъ лука и метать копья: таковъ ихъ образъ жизни до семнадцати лѣтъ. По томъ переходятъ они въ классъ юношей на десять лѣтъ, и въ сіе время служатъ своему Государю, исполняютъ повелѣнія Начальниковъ, отыскиваютъ и истребляютъ воровъ и разбойниковъ; ночью облежатъ стражею Царскій дворецъ, охраняютъ публичныя зданія и городъ. Половина изъ нихъ одинъ разъ въ мѣсяцъ провожаютъ Короля на охоту; жизнь ведутъ суровую, и пріучаются къ трудностямъ воинскимъ. По прошествіи десяти лѣтъ, они вступаютъ въ классъ мужей совершенныхъ; здѣсь продолжаютъ служить Начальству; дѣлаются сами Начальниками: въ этомъ состояніи провождаютъ 25 лѣтъ; по прошествіи сего срока, будучи уже слишкомъ пятидесяти лѣтъ, вступаютъ въ званіе стариковъ: тогда уже не выходятъ изъ своей земли, и оканчиваютъ жизнь въ спокойствіи и почтеніи. Они избираются въ настав-

ники для молодыхъ людей, рѣшатъ
тяжбы и судятъ уголовныя дѣла:
они выбираютъ Государственныхъ На-
чальниковъ. Къ тому прибавлю еще по-
хвальный нашъ обычай, что одинъ чинов-
никъ каждой день, при пробужденіи Коро-
ля, говоритъ ему сіи слова: „Помни, Госу-
дарь! что ты обязанъ исполнять волю
Оромаза.“ — Послѣ сего повѣствованія,
Киръ спросилъ меня о нѣкоторыхъ подроб-
ностяхъ главныхъ сраженій, при коихъ я
находился. „При Марафонѣ, сказалъ я,
насъ было десять Военачальниковъ,
предводительствовавшихъ поперемѣнно;
когда очередь дошла до меня, я усту-
пилъ начальство Мильтіаду, дабы вну-
шить прочимъ Военачальникамъ, чтобъ
они предпочитали пользу отечества
своему самолюбію. Всѣ послѣдовали мо-
ему примѣру; однако Мильтіадъ не усту-
пилъ намъ въ благородствѣ духа: онъ
не прежде далъ баталію, какъ въ тотъ
день, въ которой главное начальство
ему принадлежало.

Передъ Саламинскою баталіею, я
находился въ изгнаніи уже за три года.

Тутъ узналъ я, что Ѳемистоклъ, начальникъ надъ Аѳинскимъ флотомъ, и Эврибіадъ, предводитель флота Спартанскаго, въ несогласіи между собою; что Эврибіадъ хотѣлъ оставить Саламину, страшась многочисленнаго флоту непріятельскаго, которой запиралъ входъ въ заливъ. Хотя и былъ я изгнанникъ, однако никогда не помнилъ несправедливости моихъ согражданъ: немедленно отправился изъ Эгины, преплылъ флотъ непріятельскій, подвергая жизнь свою тысячѣ опасностей, и прибылъ ночью къ палаткѣ Ѳемистокловой; не сказывая своего имени, велѣлъ просить его, чтобы онъ вышелъ поговорить со мною на единѣ: онъ увидѣлъ меня и изумился. „Ѳемистоклъ! сказалъ я ему, оставимъ теперь всякую вражду; пускай благороднѣйшее поревнованіе возродится въ душахъ нашихъ! станемъ спорить, кто изъ насъ лучше послужитъ отечеству; я пришелъ исполнять твои повелѣнія, и помогать тебѣ моими совѣтами и этою рукою. — Удивляюсь твоему великодушію, отвѣчалъ Ѳемистоклъ, и

приверженности къ отечеству; мнѣ остается только подражать тебѣ, и я найду въ себѣ столько твердости." Тутъ онъ открылъ мнѣ, какою хитростію намѣренъ обмануть непріятеля, и голосъ мой въ Совѣтѣ былъ полезенъ ему и цѣлой Греціи; ибо я убѣдилъ всѣхъ принять его предложеніе. — Можетъ быть Аристидъ одинъ способенъ къ такой высокой добродѣтели. — Скажите лучше: Республиканецъ. Я вспомнилъ одинъ весьма примѣчательный поступокъ этого великаго Военачальника. Онъ шелъ противъ непріятеля, и не находилъ въ своихъ воинахъ того жару, которой обѣщаетъ побѣду; дорогою увидѣлъ двухъ пѣтуховъ, дерущихся съ великою упорностію; онъ остановилъ войско и сказалъ: „Видите, съ какимъ ожесточеніемъ эти пѣтухи дерутся: что придаетъ имъ столько жару? Одно желаніе побѣдить. А вы, сражаясь за отечество, за вашихъ боговъ, за гробницы вашихъ предковъ, за вольность" . . . Сіи слова воспламенили духъ воиновъ, и побѣда его была несомнительна.

ВЪ память сего случая, Аѳиняне установили празднество битвы пѣтуховЪ. — Я думаю, что при Платеѣ вы предводительствовали Аѳинянами? — ТакЪ, я имѣлЪ эту честь, и признаюсь, что строгая дисциплина и неустрашимость СпартанцевЪ привели меня вЪ удивленіе. ПередЪ сраженіемЪ они убирали себѣ волосы, надѣвали на головы цвѣточные вѣнки, умащали тѣло благовонными мазьми. КакЪ скоро войско поставлено вЪ боевой порядокЪ, то флейщики заиграли пѣснь Касторову. Павзаній, Царь ихЪ, ударилЪ первый на непріятеля; за нимЪ всѣ его воины, сЪ веселымЪ лицомЪ, шли твердымЪ шагомЪ, вЪ наилучшемЪ порядкѣ, повторяя ту же пѣснь. Скажу еще примѣчательнаго о семЪ сраженіи, что побѣдители, вознесши побѣдные трофеи, послали вопросить Оракула Дельфійскаго, какую жертву и кому принести? ОракулЪ повелѣлЪ соорудить олтарь Юпитеру, но не прежде заклать жертвы, пока не будетЪ потушенЪ военной пожарЪ вЪ странѣ, оскверненной непріятелями, и

пока не будетъ принесенъ изъ Дельфъ чистой священный огонь. Мы повиновались. Евкхидъ Платейскій бѣжитъ въ Дельфы рано по утру, очищаетъ себя, окропляется святою водою, надѣваетъ лавровой вѣнокъ, беретъ съ жертвенника горящую головню, бѣжитъ назадъ со всею возможною поспѣшностію, и, еще до захожденія солнечнаго, возвращается въ Платею; онъ поздравляетъ своихъ соотечественниковъ, вручаетъ имъ головню, падаетъ и издыхаетъ у ногъ ихъ. Онъ пробѣжалъ тысячу стадій въ одинъ день. Платейцы похоронили его въ Діаниномъ храмѣ, и на гробницѣ написали: *Здѣсь покоится Евкхидъ, которой умеръ отъ того, что изъ усердія къ отечеству ходилъ въ Дельфы, и возвратился оттуда въ тотъ же день.*

Я опишу вамъ, какія почести воздаютъ каждой годъ Грекамъ, потерявшимъ жизнь свою на Платейскомъ сраженіи.

„Въ 16 день Мемактеріона (Декабря), на разсвѣтѣ, начинается процессія при звукѣ трубъ; по томъ слѣдуютъ коло-

сницы съ вѣнками и миртовыми вѣтвями; за ними ведутъ чернаго вола; далѣе, молодые люди несутъ сосуды съ виномъ, молокомъ, деревяннымъ масломъ и благоуханными водами. Невольники не бываютъ допускаемы къ сей церемоніи; всю процессію замыкаетъ Архонтъ, или главный начальникъ Платейцевъ; онъ шествуетъ въ багряноцвѣтной ризѣ, препоясанъ мечемъ и съ урною въ рукѣ. Въ иное время запрещается ему прикасаться къ оружію, или носить другую одежду, кромѣ бѣлой. Какъ скоро процессія придетъ къ гробницамъ, то Архонтъ почерпаетъ урною воды изъ источника, обмываетъ маленькія колонны и натираетъ ихъ благоуханными мазьми; потомъ закалаетъ вола на кострѣ, и, принесши мольбы Плутону и Меркурію, призываетъ тѣни умершихъ героевъ къ сему празднеству, къ симъ торжественнымъ изліяніямъ, и изливаетъ чашу вина, восклицая громко: Сія чаша храбрымъ воинамъ, умершимъ за вольность!“

Разговоръ склонился на Политику. Киръ спросилъ меня, въ какомъ правленiи желалъ бы я жить? — Въ такомъ, въ которомъ всѣ подчинены закону, и въ коемъ законъ сильнѣе людей. — Но гдѣ оно существуетъ? — Не знаю; только для меня тамъ благополучнѣйшее гражданство, гдѣ наиболѣе равенства. — Согласенъ; но сiе равенство можетъ существовать только между весьма немногимъ числомъ людей бѣдныхъ, скитающихся въ степяхъ. Обширная демократiя есть химера; ибо всякое многолюдное гражданство необходимо дѣлается богатымъ и могущественнымъ: тогда всѣ страсти, властолюбiе, жадность къ богатству, насильственность и своевольств, потрясаютъ его, воспламеняютъ страшные пожары, и скоро разрушаютъ до основанiя. Я читалъ въ одномъ изъ вашихъ Поэтовъ, что Эолъ, оковавъ вѣтры неразрывными цѣпьми, заключилъ ихъ въ глубокiя пещеры; а безъ того необузданная ихъ свирѣпость смѣшала бы весь видъ Природы. Нѣкогда,

въ угожденіе Юнонѣ, Эолъ разрѣшилъ ихъ узы: тогда устремились яростные вѣтры терзать вселенную, и оставили повсюду слѣды опустошенія и гибели. Сей вымыслъ есть самая вѣрная картина буйства и неукротимости народной въ демократическомъ правленіи. Часто смѣшиваютъ вольность политическую съ гражданскою. Сія послѣдняя имѣетъ благотворное вліяніе на всякое общество; каждой членъ гражданства наслаждается ея благодѣяніями: она заставляетъ любить тотъ образъ правленія, въ которомъ мы живемъ. Но политическая вольность даруетъ выгоды свои только малѣйшей части народа; да и то не рѣдко властолюбивые грабители похищаютъ ихъ для себя однихъ, не давая другимъ пользоваться ими. Чтобъ быть совершенно свободнымъ, надобно жить, какъ Скиѳы, скитаться изъ степей въ степи, возя съ собою въ кибиткахъ всѣ свои богатства, свое семейство и боговъ своихъ. Вольность гражданская можетъ существовать во всякомъ правленіи,

даже въ самой Монархіи. По мнѣ наилучшее правленіе есть то, гдѣ всѣмъ страстямъ положены предѣлы, и гдѣ вся политическая машина движется самыми простыми пружинами. Одинъ изъ вашихъ Философовъ утверждаетъ, что Монархическое правленіе есть самое твердое и надежное. Благосостояніе народа, говоритъ онъ, въ Монархическомъ правленіи зависитъ отъ доброты одного. Въ аристократіи оно зависитъ отъ доброты многихъ, а въ демократіи отъ доброты всѣхъ. Но гораздо легче найти одного добродѣтельнаго, одного достойнаго, нежели сто, нежели тысячи, нежели миліоны. Еще повторю: не образъ правленія даетъ благосостояніе гражданству, но добрыя качества Правителей и Вождей. — Естьли бъ ты не былъ Киръ, естьлибъ ты былъ простой гражданинъ: хотѣлъ ли бы ты родиться Аѳиняниномъ, или Персіяниномъ? — Аѳиняниномъ, но изъ самолюбія. Демократія не имѣетъ ни основанія, ни прочности. Необходимо нужно, чтобы глава общества, или глав-

ные его Вожди, наружною пышностію и другими внѣшними отличіями сдѣлали себя важнѣйшими въ глазахъ народа; а безъ того никакіе законы не будутъ имѣть силы, и правленіе рушится. Ваши Аѳиняне сами признаются, что они были щастливы въ правленіе Пизистрата; а при его сынѣ, Гиппархѣ, возвратился къ вамъ Золотой вѣкъ. Естьли народъ считаетъ своихъ Правителей равными себѣ, то онъ ихъ презираетъ; а между тѣмъ хитрые властолюбцы, подлые народо-угодники пользуются симъ междоцарствіемъ, посѣваютъ раздоры, и во всеобщемъ смятеніи вырываютъ вожди правленія. — Я согласенъ на ваше мнѣніе; а для того-то предпочитаю ограниченную аристократію демократіи. Одинъ Лакедемонянинъ совѣтовалъ Ликургу установить народное правленіе, въ которомъ бы послѣдній гражданинъ имѣлъ столько же важности, какъ и самой знатной. — „Попробуй самъ завести такой порядокъ въ своемъ домѣ.„

Киръ хотѣлъ помѣстить меня въ своемъ Дворцѣ, давалъ мнѣ денегъ и пышную мебель. Я отказался отъ всего. „Прикажи нанять для меня на берегу Пактола хижину съ небольшимъ садикомъ; я стану обрабатывать садъ, и что выработаю, того довольно для уплаты за наемъ и для содержанія малаго моего семейства. Впрочемъ прошу хранить втайнѣ мое имя; хочу быть извѣстенъ подъ именемъ Агезіаса. Надѣюсь найти при тебѣ свою безопасность и спокойствіе.“ Онъ обѣщалъ и увѣрялъ меня, что будетъ сохранять мое спокойствіе не меньше, какъ и спокойствіе города. Онъ просилъ меня видаться иногда съ собою; я согласился, только съ тѣмъ условіемъ, чтобы его стража не останавливала меня, и чтобъ я безъ задержки имѣлъ свободной доступъ. Разговоръ нашъ продолжался около двухъ часовъ, къ великому удивленію придворныхъ, которые ломали голову, выдумывая, кто бы я былъ, и что за причина моего посѣщенія. Но удивленіе ихъ еще бо-

лѣе умножилось, какъ они увидѣли, что Киръ провожаетъ меня и дружески со мною шутитъ.

„Когда я возвратился на постоялой дворъ, то хозяинъ мой спросилъ меня, видѣлъ ли я Государя, и доволенъ ли его пріемомъ? — Очень доволенъ, мой другъ; онъ принялъ меня такъ хорошо, какъ я хотѣлъ. Пожалуй приготовь мнѣ для ужина блюдо овощей, такъ я и тобой буду доволенъ.“

„Спустя нѣсколько времени, приходитъ мой хозяинъ, и объявляетъ мнѣ, что ужинъ готовъ. Я замѣтилъ въ немъ большую перемѣну: онъ дѣлалъ мнѣ такіе комплименты, говорилъ такія унизительныя привѣтствія, какихъ только могъ ожидать первѣйшій Вельможа при великомъ Царѣ; просилъ притомъ извиненія, что онъ по невѣжеству своему не изъявилъ мнѣ должнаго высокопочитанія, какое слѣдуетъ высокой Особѣ. Я отвѣчалъ ему, что онъ меня ничѣмъ не оскорбилъ, и что я увольняю его отъ всѣхъ комплиментовъ и почтительности. Лишь только при-

хожу я къ столу, вижу множество блюдъ и богатую посуду. — „Другъ мой! кто приказалъ тебѣ поднять такой пиръ? Развѣ ты забылъ, что я спрашивалъ одно блюдо овощей?“ — Онъ отвѣчалъ мнѣ, что Киръ присылалъ отъ себя Чиновника, и велѣлъ угощать меня какъ можно лучше. — „Прими эти блюда, и оставь для меня только овощи; а когда еще придетъ этотъ присланный, то скажи ему, что я совѣтую его Государю беречь издержки: у него больше нуждъ, нежели у меня.„ Но конецъ моей исторіи долго бы насъ задержалъ, а между тѣмъ Морфей дожидается: пойдемъ вкусить его благотворенія.“

ГЛАВА XVIII.

Любовь Фанорова. Его волненіе.

Фаноръ цѣлую ночь мучился воспоминаніемъ о своей любезной Атенаидѣ. Онъ сочинилъ восемь стишковъ, и рано по утру вырѣзалъ ихъ на томъ чи-

наръ, подъ тѣнію котораго часто покоилась его любезная. Вотъ они:

Чинаръ кудрявый и тѣнистый!
Завидна участь мнѣ твоя:
Какъ часто здѣсь, въ день ясный, чистый,
Покоится милая моя!

Чинаръ! когда тебѣ случится
Въ веселый часъ ее узрѣть:
Скажи ей, какъ мой духъ томится;
Спроси — мнѣ жить, иль умереть?

Въ это утро онъ былъ ею недоволенъ, нашедши больше обыкновеннаго небрежности въ ея одеждѣ. — „Вчера, говорилъ онъ, у ней на головѣ были цвѣты, волосы также прибраны; сегодни нѣтъ цвѣтовъ и волосы растрепаны; я ей объ этомъ сказалъ; она отвѣчала, что простота тотъ же уборъ. Да и вообще сегодни она кажется гораздо молчаливѣе, холоднѣе, нежели прежде.“ Худо ты понимаешь языкъ любви: самая эта небрежность въ одеждѣ, эта осторожность въ словахъ и поступкахъ, для тебя щастливые признаки: она не

убирается, боясь обнаружить, что желаетъ тебѣ нравиться; а молчаливость ея и холодность происходятъ отъ того, что любовь дѣлаетъ юное сердце боязливымъ и мнительнымъ. И такъ тебѣ не о чемъ грустѣть, напротивъ ты можешь ласкаться пріятнѣйшею надеждою. — Во весь этотъ день онъ часто приходилъ къ тому дереву, на которомъ вырѣзалъ стихи; наконецъ увидѣлъ, что слово *умереть* изглажено. Тотчасъ прибѣжалъ сказать о томъ мнѣ; любовь и боязнь столько омрачили его умъ, что онъ не зналъ, что думать объ этой помаркѣ. — Какъ ты не поймешь? сказалъ я ему; тебѣ даютъ знать, чтобъ ты жилъ. Однако я вижу, ты не даромъ хватилъ воды изъ источника Салмакійскаго.

Онъ тотчасъ оставилъ меня, чтобъ занять свою Музу милою своею Атенаидою. Еще сочинилъ стихи, и поднесъ ихъ своей любезной, подъ тѣмъ видомъ, будто они стекли съ пера Мосха, сочинителя извѣстной Поэмы *бѣглой Купидонъ*. Атенаида очень поняла обманъ; но при-

творясь, будто вѣритъ, имѣла удовольствіе читать сіи стихи и хвалить сочинителя. Вотъ они:

Благословляю тотъ день, тотъ часъ, и ту минуту, когда Судьба привела меня въ первый разъ узрѣть прелестные твои глаза!

✠

Благословляю стократно и пламенную мою любовь, и глубокую, неизцѣлимую рану и острую стрѣлу, которая каждую минуту проникаетъ далѣе и далѣе въ сердце!

✠

Благословляю прелести лица твоего, и розовыя уста, дышущія любовію, и пріятной голосъ, и небесный взоръ, воспалившій сердце мое неугасимымъ пламенемъ.

Въ этотъ вечеръ холодной вѣтеръ помѣшалъ нашей прогулкѣ; но послѣ ужина Аристидъ ввелъ насъ въ учебной кабинетъ, чтобы докончить повѣствованіе о своихъ приключеніяхъ.

ГЛАВА XIX.

Продолженіе Аристидовыхъ приключеній. Щедрость Кирова. Благородный поступокъ Аристидовъ. Взятіе Вавилона.

„Мы остановились, сказалъ онъ, на постояломъ дворѣ, за столомъ самымъ умѣреннымъ и здоровымъ. Спустя нѣсколько дней, Киръ прислалъ просить меня къ себѣ. На этотъ разъ придворные, казалось, привыкли къ странному моему наряду. Я читалъ во взорахъ ихъ почтительность и уваженіе, смѣшанное съ любопытствомъ. Молодаго Сатрапа нашелъ я въ саду: тутъ прекрасныя деревья, симметрія и пріятныя благоуханія обворожили мои чувства. — Каковъ вамъ кажется мой рай? спросилъ онъ меня. — Прекрасенъ, и расположенъ въ наилучшемъ вкусѣ. — Это мой планъ: я самъ садилъ многія изъ этихъ деревьевъ. — Какъ въ этомъ великолѣпномъ убранствѣ, съ этими блестящими перстнями, съ этимъ дорогимъ ожерельемъ, опрысканъ благовонными духами, ты самъ работалъ, насаждалъ, украшалъ этотъ садъ? —

Точно такъ; когда я здоровъ, я не сяду за столъ, пока не потружусь до поту лица, занимаясь или воинскими упражненіями, или сельскою работою. — Киръ! ты достоинъ своего благополучія, потому что насаждаешь добродѣтель въ полѣ богатства." Тутъ онъ увѣдомилъ меня, что нашелъ мнѣ убѣжище, какого я желалъ. Мы прохаживались по саду, и за нами, въ почтительной отдаленности, толпа придворныхъ. „Видишь ли ты, сказалъ мнѣ Киръ, въ сей толпѣ эту блѣдную, сухощавую харю? Этотъ негодяй, въ моемъ присутствіи, наскучаетъ мнѣ своими ласкательствами, а за глаза говоритъ обо мнѣ самыя обидныя рѣчи. Какое наказаніе заслуживаетъ онъ? — Вотъ мой отвѣтъ: однажды, въ Аѳинахъ, должно мнѣ было рѣшить тяжбу двухъ частныхъ людей. Одинъ началъ свой процессъ тѣмъ, что его противникъ ищетъ вредить мнѣ во всякомъ случаѣ, и всегда отзывается обо мнѣ худо. — Э! послушай, мой другъ! прервалъ я рѣчь его: скажи только, чѣмъ онъ тебя оби-

дѣлъ? ибо это твой процессъ, а не мой. Одинъ великій Государь обнародовалъ законъ, которымъ запретилъ онъ судьямъ наказывать за злорѣчіе, относящееся лично до него." Естьли обвиняемый, сказано въ томъ законѣ, злорѣчивъ по вѣтренности, то должно его презрѣть; естьли по глупости, должно объ немъ жалѣть; естьли жъ по злобѣ, изъ желанія намъ вредить, то должно его простить." Сіи примѣры возбудили великодушіе въ сердцѣ молодаго героя, и онъ обѣщалъ никогда не мстить. Разставаясь со мною, онъ хотѣлъ, чтобъ я принялъ отъ него мѣшокъ золота. „Это тебѣ на заводъ, для хозяйства, сказалъ онъ. Неслыханное дѣло, такому человѣку, какъ ты, терпѣть нужду и жить въ такой близи отъ бѣдности!" — Не думаешь ли ты, Государь, что я глупѣе этого садовника, которой, работая въ потѣ лица, распѣваетъ такъ весело заунывную свою пѣсенку? — Кого можно сравнить съ тобою въ мудрости? — Но вѣдь этотъ человѣкъ живетъ еще скуд-

нѣе, нежели я; и однако онъ доволенъ. Къ чему мнѣ твое золото, естьли я его не употребляю? Мы тогда только щасшливы, когда имѣемъ необходимое: желаніе излишняго портитъ наше щастіе и дѣлаетъ насъ бѣдными и жалкими." Сей Государь велѣлъ отвесть меня въ ту хижину, которую онъ нанялъ: она мнѣ столько понравилась, что я, не медля, переселился сюда съ своимъ семействомъ и своими домашними богами.

„Я продолжалъ видаться иногда съ Киромъ: его любезныя свойства привязывали меня къ нему болѣе и болѣе. Онъ открылъ мнѣ свою душу, охотно спрашивалъ моихъ совѣтовъ; а я за сію довѣренность платилъ ему всѣмъ тѣмъ, что внушали мнѣ слабыя мои свѣденія и моя опытность. Онъ нашелъ умное средство обязать меня нечаянно, когда я совсѣмъ и не помышлялъ о томъ. Этого кабинета, гдѣ мы теперь, не было. Однажды спросилъ меня сей Государь, каково мое уединенное убѣжище? — „Не льзя лучше, сказалъ я;

недостаетъ только маленькаго кабинета въ серединѣ моей лавровой рощи. Но я подожду, когда Азія завоевана будетъ Греческими войсками, тогда, надѣюсь, и кабинетъ у меня будетъ.“ — Чтобъ произвести въ дѣйство сей обширной планъ, надобно дожидаться моей смерти.—“ Эта шутка тѣмъ и кончилась; я думалъ, что она забыта. Черезъ восемь дней послѣ сего, прислалъ онъ за мною рано по утру, и подъ разными предлогами удержалъ у себя цѣлой тотъ день; показывалъ мнѣ свою переписку съ Лизандромъ, Спартанскимъ Полководцемъ; уговорилъ меня съ собою обѣдать; изъ уваженія ко мнѣ, допустилъ къ своему столу только двухъ вѣрнѣйшихъ своихъ Вельможей, людей весьма умныхъ и уже немолодыхъ. Разговоры наши относились до предметовъ важныхъ и занимательныхъ: обширной и гибкой умъ молодаго Государя удобно могъ подладить подъ всѣ тоны. Мы говорили о старости; я взялся доказать, что и она имѣетъ свои пріятности. „Правда, молодой человѣкъ бы-

ваетъ всегда окруженъ забавами и веселіями, и потому почитаетъ себя щастливѣе старика; но естьли старикъ не жалѣетъ о сихъ забавахъ, естьли онъ творитъ себѣ другія удовольствія по своему вкусу: что онъ теряетъ? Проворство и сила суть принадлежности молодыхъ лѣтъ; но сіи же свойства еще въ вышшей степени даны и оленю и быку. Такъ не уже ли мы для этого нещастнѣе сихъ животныхъ? Одинъ только бичь старости есть уединеніе и скука, отягощающія бремя нашей жизни; но кто съ молодыхъ лѣтъ образовалъ и усовершенствовалъ свои таланты, привыкалъ къ трудолюбію и добродѣтели: тотъ въ осеннее время жизни своей вкушаетъ отъ посѣянныхъ добрыхъ сѣмянъ; онъ никогда не остается празденъ, всегда занятъ, всегда наслаждается. Платонъ умеръ на восемдесять первомъ году, съ перомъ въ рукѣ, до конца жизни Философъ, и щастливъ. Исократъ на девяносто четвертомъ году началъ Трагедію, называемую Панатенея, и кон-

чилъ ее на девяносто седьмомъ году: его учитель Горгіасъ не переставалъ учиться и писать даже до ста семи лѣтъ, т. е. до конца своей жизни. Нѣкто спросилъ его, не скучно ли ему такъ долго жить? Горгіасъ отвѣчалъ: „я не имѣю ни малѣйшей причины жаловаться на свою старость.“ Вы поселите во мнѣ желаніе состарѣться скорѣе, сказалъ Киръ. — Я желаю вамъ долговѣчности Аргантанія, Царя Тартезійскаго, которой царствовалъ восемьдесять лѣтъ въ окружностяхъ Кадикса, а жилъ сто двадцать. Впрочемъ, при смертномъ часѣ, прошедшее кажется намъ какъ сонъ, и все, что миновало, представляется, какъ бы того не было.

„Послѣ обѣда молодой Государь разсказалъ мнѣ о взятіи Вавилона великимъ Киромъ.

„Когда сей Герой увидѣлъ превысокія и претолстыя стѣны Вавилонскія, то раскаялся въ своемъ безразсудномъ предпріятіи, тѣмъ болѣе, что Вавилоняне запаслись съѣстными припасами на тридцать лѣтъ, а въ водѣ не мо-

гли имѣть недостатка, потому что рѣка Эвфратъ протекаетъ черезъ городъ, шириною на двѣ стадіи. Но умъ его, равный его храбрости, внушилъ ему хитрое средство, которое и произвело желанный успѣхъ. Онъ облегъ городъ, и приказалъ рыть глубокой ровъ вокругъ стѣнъ; изъ вырытой земли сдѣлалъ валъ и на немъ поднялъ башни. Осажденные смѣялись надъ его работами. Онъ сносилъ ихъ насмѣшки, и ожидалъ дня мщенія. Между тѣмъ узналъ онъ, что наступаетъ праздникъ у Вавилонянъ, въ которой они провождаютъ ночь въ веселостяхъ и забавахъ. Симъ случаемъ Киръ воспользовался. При захожденіи солнца, велѣлъ онъ открыть рвы отъ траншеи даже до рѣки; вода устремилась по новому своему логу, и въ короткое время можно было ходить по дну рѣки. Не медля, Киръ велитъ итти по ней, вступаетъ въ городъ со всѣмъ войскомъ; шумъ и смятеніе праздника помѣшали жителямъ примѣтить его входъ. Онъ идетъ прямо ко Дворцу: Царь Валта-

зарѣ ожидалъ его съ мечемъ въ рукѣ передъ своею гвардіею; онъ убитъ. Киръ, занявъ Дворецъ, обнародовалъ по всему городу, чтобы никто изъ жителей не осмѣлился выходить изъ домовъ, подъ опасеніемъ смертной казни. Вавилонъ столь обширенъ, что живущіе на краю его были уже покорены, прежде нежели жители центра узнали о судьбѣ своей. Когда насталъ день, то они отдались въ волю побѣдителя.

„Я ходилъ поклониться праху сего Героя, оросилъ гробъ его слезами чувствительности и сокрушенія. Трофеи вашего Мильтіада возмущали спокойствіе Ѳемистоклово; подобно тому, слава великаго Кира волнуетъ духъ мой, и велитъ мнѣ стыдиться моей неизвѣстности. — А! молодой человѣкъ! вскричалъ я, что наша слава? — Мечта! подобно какъ свѣтъ, всегда болѣе драгоцѣнна для тѣхъ, которые насъ видятъ во свѣтѣ, нежели для насъ самихъ. Выслушай, что со мною случилось. „Вся Греція избрала меня главнымъ Государственнымъ Казначеемъ, и ввѣри-

ла мнѣ власть налагать и собирать подати; постъ важной, и я стоялъ на немъ со всею вѣрностію честнаго человѣка. Возвращаясь въ Аѳины, мечталъ, что весь городъ занимается только моею славою. Въ одномъ Аттическомъ селѣ, Алимѣ, нашелъ я нѣкоторыхъ Аѳинянъ, также не незнатныхъ, удалившихся въ деревню за нѣсколько передъ тѣмъ дней; одинъ изъ нихъ спрашивалъ у меня, что новаго въ Аѳинахъ? я изумился, отвѣчалъ, что съ давняго уже времени меня въ Аѳинахъ не было, что я отправлялъ важную миссію. — Да, да! вскричалъ онъ; вить вы возвращаетесь изъ Лакедемона? — Э, нѣтъ! отвѣчалъ угрюмо другой, онъ былъ при Персидскомъ Дворѣ въ качествѣ Посланника. Признаюсь, такая ихъ безпечность уколола мое самолюбіе. Но тутъ-то я увидѣлъ, что за бездѣлка слава; смѣялся отъ всего сердца, и съ того времени пересталъ обольщать себя мечтаніями славы. Но разскажите мнѣ, гдѣ гробница Кирова? — Въ Пасагардѣ; она

изъ массивнаго золота, украшена несмѣтными сокровищами. Камбизъ, сынъ Кировъ, ввѣрилъ стражу сей гробницы Магамъ, которые и охраняли ее при его наслѣдникахъ. Каждой мѣсяцъ они приносятъ ему въ жертву коня. Вотъ его эпиграфія: „Я Киръ, сынъ Камбизовъ, основатель Персидской Имперіи, побѣдитель Азіи; не позавидуй мнѣ въ этомъ памятникѣ, гдѣ покоятся мои кости." — Естьли бы сей памятникъ былъ изъ простыхъ камней, то Киръ спокойнѣе почивалъ бы въ своей гробницѣ."

„Сей молодой Государь открылъ мнѣ причину изнѣженности и разврата нравовъ Лидійскихъ." Когда великій Киръ разрушилъ тронъ Крезовъ, то оставилъ въ Сардахъ гарнизонъ. Во время его отсутствія Лидійцы взбунтовались. Киръ клялся истребить ихъ. „Накажи главныхъ зачинщиковъ бунта, сказалъ ему Крезъ. Чтожъ до Лидійцевъ, то приведи ихъ только въ несостояніе бунтовать впредь, запрети имъ имѣть оружіе, прикажи но-

сить великолѣпныя одежды, опущенныя до земли и неподпоясанныя, ходить въ высокихъ котурнахъ, учить дѣтей ихъ играть на инструментахъ; питай и умножай въ нихъ склонность къ забавамъ, къ изнѣженности, и ты скоро увидишь мужей, превратившихся въ женъ; тогда ни тебѣ, ни твоимъ наслѣдникамъ не чего будетъ опасаться возмущенія." Киръ принялъ сей совѣтъ, и съ того времени Лидійцы болѣе славятся изнѣженною и роскошною своею жизнію, нежели славились прежде воинскими своими подвигами и побѣдами. — „Совѣтъ Крезовъ, сказалъ я ему, только съ перваго взгляду кажется лестенъ, но въ самой сущности непроченъ и безчестенъ. Въ похожемъ нѣсколько случаѣ, я далъ Аѳинянамъ совсѣмъ иной совѣтъ. Ѳемистоклъ объявилъ нѣкогда въ полномъ собраніи народа, что имѣетъ предложить дѣло величайшей важности, преполезное для отечества, но такого роду, что оно требуетъ величайшей скрытности. Народъ приказалъ ему сообщить о своемъ предпріятіи

мнѣ. Ѳемистоклъ повиновался. Намѣреніе его было, сжечь всѣ корабли соединенныхъ Греческихъ гражданствъ, съ которыми мы тогда находились въ мирѣ; и такимъ смѣлымъ шагомъ мы сдѣлались бы властелинами всей Греціи. Я ничего не отвѣчалъ Ѳемистоклу; но вошедъ въ собраніе, сказалъ: „Аѳиняне! намѣреніе, которое мнѣ ввѣрилъ Ѳемистоклъ, есть самое полезнѣйшее для васъ, но вмѣстѣ и самое неправедное.“ Аѳиняне отвергли его, даже не зная, въ чемъ оно состоитъ. Киръ былъ бы болѣе великъ, естьли бы онъ употребилъ подобную справедливость и кротость. Развращать народы, въ намѣреніи поработить ихъ, есть не что иное, какъ желать царствовать надъ толпою рабовъ, которые не только не могутъ быть подпорою Трона, но еще имѣютъ нужду въ защитѣ другихъ. Твердѣйшее основаніе и подпора гражданствъ, суть добродѣтели и честные нравы.“

„Такимъ образомъ Киръ удержалъ меня до самой ночи. Когда я пришелъ

домой, что дѣти мои жаловались только на мое долгое отсутствіе, и болѣе ничего. На другой день всталъ я гораздо раньше, чтобъ наградить потерю вчерашняго дня, и поспѣшилъ въ садъ. Представьте мое удивленіе! вижу прекрасную бесѣдку тамъ, гдѣ ничего не было; протираю глаза, подхожу, прикасаюсь руками, не смѣю вѣрить своимъ чувствамъ. Бесѣдка стоитъ, какбы выросла изъ земли въ одинъ день. Вхожу внутрь: прекрасной кабинетъ, все тамъ хорошо прибрано, со вкусомъ украшено; вижу двѣ картины: портретъ Ѳемистокла и мой. „Что за чудо! вскричалъ я; не съ неба ль упалъ этотъ кабинетъ?" Дѣти мои слѣдовали за мною, и хотя еще были очень молоды, однако веселились моимъ удивленіемъ. Атенаида не могла удержаться отъ смѣху; я спросилъ ее, и она наконецъ открыла мнѣ загадку. Въ этотъ день, какъ Киръ удержалъ меня у себя до самой ночи, сто работниковъ построили это зданіе. Дѣлать было не чего, не льзя отказаться отъ по-

дарка и возвратить его назадъ. Спустя нѣсколько времени, сей молодой Сатрапъ сдѣлалъ мнѣ подарокъ, гораздо милѣе моему сердцу и достойнѣе его великой души.

„Я разсказалъ ему о своемъ приключеніи въ Смирнѣ, о дружбѣ, человѣколюбіи и благотворительности рыбака и его друга, которые приносили мнѣ пищу въ пещеру; я примолвилъ, что въ ту минуту, когда я разставался съ сими добрыми людьми, въ первой разъ въ жизни желалъ бы быть богатъ, что отдалъ бы все на свѣтѣ, чтобъ заплатить за ихъ благодѣянія. Сей великодушной Государь поступилъ и въ семъ случаѣ такъ же благородно, какъ и съ бесѣдкою: онъ, не сказавъ мнѣ ни слова, тайно велѣлъ выдать отъ моего имени не маловажную сумму прежнему моему хозяину и его другу. Я совсѣмъ ничего не зналъ. Вдругъ въ одинъ день приходятъ ко мнѣ всѣ трое, рыбакъ, жена его и другъ; благодарятъ меня тысячу разъ, говорятъ о благодѣяніи, о признательности. . . . „Но, друзья мои! сказалъ я, не вамъ, а

мнѣ должно благодарить васъ; вы меня обязали, и я столько еще нещастливъ, что не могу заплатить." Они отвѣчаютъ: „Вы насъ обогатили, сумма весьма большая." — Какая сумма? что вы говорите? — Та, что вы намъ прислали." — Я болѣе и болѣе приходилъ въ удивленіе. Наконецъ, разспрашивая подробнѣе, сталъ догадываться, что это шутка Кирова. Тотчасъ отписалъ къ нему, что онъ наложилъ на меня тягостное бремя, котораго я снести не въ состояніи; что трое гражданъ Смирнскихъ ввалились ко мнѣ въ домъ поѣдать мой хлѣбъ, подъ предлогомъ, будто пришли благодарить мнѣ за какую-то услугу, которой я вовсе не имѣлъ случая имъ оказать; что у меня нѣтъ ни хорошаго вина, ни кушанья, чѣмъ ихъ угощать; а какъ онъ причиною ихъ пріѣзду, то ему должно и нести убытокъ. И такъ я прошу его, прислать мнѣ нѣсколько бутылокъ вина для этихъ добрыхъ людей. Киръ отвѣчалъ, что онъ охотно выплатитъ свою подать, какую я наложу, и что радъ бы чаще выплачивать

подобную. Я удержалъ у себя на цѣлую недѣлю сихъ добрыхъ людей, и угощалъ ихъ, какъ лучше могъ. Киръ видѣлъ ихъ, и наградилъ по Царски. Признаюсь, что сіе благодѣяніе Кирово, радость милыхъ моихъ прежнихъ хозяевъ, были лучшею въ жизни моей отрадою.

„Увы! только три года наслаждался я щастіемъ, живучи съ симъ любезнымъ Сатрапомъ, которой называлъ меня своимъ отцемъ, и оказывалъ ко мнѣ прямо сыновнюю нѣжность и почтительность. Дарій, отецъ его, сдѣлался боленъ; Кирова Парасита, любя его больше, нежели старшаго сына Артаксеркса, призвала его ко Двору, надѣясь, что отецъ назначитъ его наслѣдникомъ Престола; но намѣреніе ея не удалось. Отъѣздъ Кировъ нанесъ мнѣ глубокую рану. Я и теперь еще каждой день съ горестію воспоминаю объ немъ. Трудно найти въ Государѣ, или даже въ частномъ человѣкѣ, столько любезныхъ, превосходныхъ качествъ: щедръ, но съ разборчивостію, и не расточителенъ; благотворителенъ изъ человѣколюбія, а

не изъ тщеславія; пылокъ, дальновидѣцъ, дѣятеленъ, неутомимъ въ трудахъ, скоръ въ дѣлахъ до невѣроятности, мужественъ и терпѣливъ; вѣренъ въ словѣ, хранящій тайну ввѣренную; при стольких добрыхъ качествахъ вѣжливъ въ разговорахъ, пріятенъ и уменъ въ рѣчахъ. Совершенства его помрачило нѣсколько неограниченное честолюбіе, и желаніе гремѣть въ потомствѣ. Видъ его, ростъ Геройскій; но кротость и пріятство смягчали нѣсколько величавость его и гордость. При нашей разлукѣ, съ моего согласія, онъ ввѣрилъ мою тайну и меня самаго Фарнабазу, который, по усильнѣйшей его прозьбѣ, соблюдалъ мое спокойствіе, и дѣлалъ мнѣ самое лестное отличіе. Такимъ образомъ жизнь моя течетъ въ неизвѣстности, мирно, и, такъ сказать, безъ движенія, какъ то и сродно въ мои лѣта; и я приближаюсь къ смерти непримѣтнымъ ходомъ, подобно какъ тихая, медленно - текущая рѣка несется погрузиться въ бездну моря.“

ГЛАВА XX.

Страсть Фанорова. Замѣчанія о Спартѣ и ея правленіи.

Между тѣмъ слишкомъ чувствительный Фаноръ таялъ отъ любви, томился, и не могъ привыкнуть къ хладнокровію равнодушной Аѳинаиды. Наконецъ сказалъ мнѣ: „Хочу наказать ее; притворюсь, что я влюбленъ въ сестру ея; можетъ быть ревность. . . — Не совѣтовалъ бы я тебѣ: этотъ способъ хорошъ съ женщиною обыкновенною, болѣе тщеславною, нежели чувствительною; но Аѳинаида не только не ограничится твоею перемѣною, но еще приметъ ее съ презрѣніемъ; ты потеряешь ея почтеніе. А кого она не почитаетъ, къ тому не можетъ имѣть привязанности: не самолюбіе, чувствительность ея надобно тронуть. — Естьлибъ я былъ увѣренъ, что она меня любитъ, что не отвергнетъ руки моей: то сію жъ минуту сдѣлалъ бы ей предложеніе; но я боюсь отказа; строгость Аристидова меня пугаетъ. —

Угодно ли, чтобЪ я попытался, поразвѣдалъ? — ОбождемЪ; этотЪ плодЪ, столько приманчивый, еще не зрѣлЪ. Естьли мнѣ откажутЪ; естьли надобно удалиться отсюда: то я умру сЪ тоски."

ТутЪ увидѣлЪ я, что пылкая, чувствительная душа Фанорова нашла наконецЪ вЪ предметѣ любезномЪ и добродѣтельномЪ предѣлЪ своему непостоянству, и что онЪ сгаралЪ пламенемЪ порывистой, но самой чистой, непритворной страсти: благотворное дѣйствіе добродѣтели, когда она является вЪ образѣ прелестномЪ красоты и невинности!

Между тѣмЪ, не смотря на холодную, скромную наружность Аѳенаиды, подозрѣвалЪ я вЪ ней тайную склонность кЪ Фанору. СЪ нимЪ она говорила мало, за то со мною много, со мною часто играла, рѣзвилась, даже ласкала меня, и тѣмЪ возбуждала вЪ немЪ ревность. — „Жалкой человѣкЪ! говорилЪ я ему: не видишь ли ты, что эта пріязнь, эти ласки, которымЪ ты

завидуешь, по силѣ отраженія обращаются на тебя? Я твой Сателлитъ, и передаю къ тебѣ лучи солнца. – Сперва обходилась она со мною пріятнѣе, веселѣе, съ улыбкою на устахъ; теперь, какая розница! – Не трудно отгадать причину. Сперва ты показался ей любезнымъ; она тебя слушала, шутила съ тобою, какъ съ человѣкомъ, котораго сердцу ея не чего было бояться. Когда жъ примѣтила твою страсть, заглянула въ себя самое: тогда призвала къ себѣ на помощь боязливость, скрытность, благоразуміе, разсудокъ, и, по совѣту ихъ, приняла наружность степенную, важную. Дѣвушка молодая, нѣжная, но боязливая, смѣло играетъ съ чижичкомъ, между тѣмъ какъ соколъ, при всемъ блескѣ своихъ перьевъ, страшитъ, пугаетъ ее. – Я чижикъ, ты соколъ."

Одно маленькое приключеніе, случившееся за обѣдомъ, открыло мнѣ еще яснѣе душу Аѳенаиды. Аристидъ спросилъ у нее воды посвѣжѣе; Фаноръ, чтобъ избавить отъ труда Аѳенаиду,

бросается самъ, но такъ неумно, что ногою задѣваетъ за столъ, падаетъ, и паденіемъ своимъ чуть не опрокидываетъ его. Аѳенаида вскрикиваетъ и блѣднѣетъ. Фалоя надрывается со смѣху. Узнавъ, что Фанору не сдѣлалось никакой бѣды, Аристидъ сказалъ Аѳенаидѣ съ усмѣшкою: — „Послѣ толь многихъ подвиговъ и трудовъ, понесенныхъ, подобно Улиссу, на сушѣ и на моряхъ, я считалъ тебя гораздо мужественнѣе. Вотъ какъ судьба играетъ слабыми смертными! Въ то самое время, какъ мы наслаждались величайшею безпечностію, Фаноръ падаетъ и столъ колышется. Такъ-то грады и царства колеблются, низвергаются съ высоты славы и могущества." — Когда онъ говорилъ это, живой румянецъ покрылъ лиліи прелестной Аѳенаиды, которая, силясь принять видъ шутливой, сказала, что паденіе Фанорово есть хорошій знакъ, и предвѣщаетъ, что нѣкогда Греки завладѣютъ Азіею.

„Молодой человѣкъ! — сказалъ потомъ Аристидъ Фанору — за страхъ,

которымъ ты насъ подчивалъ, долженъ ты съ нами поплатиться. Разскажи намъ кое-что о Спартѣ, сообщи намъ примѣчанія свои о тамошнемъ правленіи. Ты конечно путешествуешь не изъ пустаго только любопытства, или не для перемѣны только мѣста." — Тутъ Фаноръ, желая подать Аристиду и Аѳинаидѣ выгодныя мысли объ умѣ своемъ и знаніяхъ, собрался съ духомъ и говорилъ слѣдующее.

„Твердость Спартанцовъ и мужество ихъ въ перенесеніи бѣдствій для меня всего примѣчательнѣе. У нихъ отправлялся однажды большой праздникъ; стеченіе иностранцовъ было превеликое; всѣ были въ амфитеатрѣ, гдѣ юноши и молодыя дѣвушки, раздѣлясь на двѣ части, сражались другъ съ другомъ совершенно нагія. Въ то самое время являются гонцы изъ войска съ извѣщеніемъ, что оно разбито, и что Полководецъ его палъ мертвъ на полѣ сраженія. Не смотря на сію ужасную новость, Эфоры, хотя крайне тронутые, приказываютъ очень хлад-

нокровно продолжать празднество. Они разослали списокъ убитыхъ ко всѣмъ ихъ родственникамъ, а сами остались въ театрѣ для окончанія игръ и пляски.

„На другой день родственники убитыхъ, съ лицомъ, на которомъ блистало великодушіе и радость, поздравляли, обнимали другъ друга на улицахъ, на площади; напротивъ того родственники воиновъ, оставшихся въ живыхъ, запирались дома, какъ бы въ глубокой печали; естьли жъ дѣла заставляли ихъ показываться, то они были унылы и безмолвны, и ходили повѣся голову. У женщинъ особливо различіе сихъ ощущеній еще разительнѣе изображалось на лицѣ: тѣ, кои ожидали сыновей своихъ, были смутны и молчаливы; тѣ жъ, коихъ дѣти пали поражая враговъ отечества, съ свѣтлымъ лицомъ бѣжали во храмъ для возблагодаренія Безсмертнымъ; дѣлали взаимныя посѣщенія, поздравляли себя. — „Такое постоянство въ злоключеніи, сказалъ Аристидъ, дѣлаетъ весьма много чести симъ гор-

дымъ республиканцамъ. Эта Спарта пугаетъ меня; и я очень боюсь, чтобъ любочестіе и мужество ея не нанесли когда нибудь бѣдственнаго удара Аѳинамъ и Греціи. Приключеніе, бывшее одинъ разъ съ мудрымъ и неустрашимымъ Ксенофонтомъ, знаменитымъ ученикомъ Сократовымъ, подаетъ высокое понятіе о героизмѣ Лакедемонцовъ. Среди торжественнаго жертвоприношенія извѣщаютъ Ксенофонта о смерти сына его, убитаго на сраженіи. Не показавъ и виду смущенія, не прерывая обряда, онъ снимаетъ съ себя вѣнокъ, и спрашиваетъ, какимъ образомъ юноша умеръ? — „Съ оружіемъ въ рукахъ, отвѣчаютъ ему." — Тутъ снова Ксенофонтъ возлагаетъ на себя вѣнокъ, и свидѣтельствуется богами, что онъ болѣе веселится о мужествѣ и неустрашимости сына своего, нежели скорбитъ о потерѣ его. — Но скажи намъ, продолжалъ Аристидъ, что нибудь о правленіи Спартанскомъ?" — Въ сей Республикѣ, говорилъ Фаноръ, Престолъ раздѣленъ между двухъ Царей, изъ разныхъ поко-

лѣній. Вотъ ихъ преимущества: по произволенію своему объявляютъ они войну, предводительствуютъ войскомъ, и, будучи въ кампаніи, имѣютъ сто тѣлохранителей изъ отборнѣйшихъ воиновъ. Кожа и хребетъ всѣхъ животныхъ, приносимыхъ въ жертву, принадлежитъ имъ. Вездѣ занимаютъ они почетное мѣсто, а на пиршествахъ производится имъ двойная доля. Когда не присутствуютъ они за общенароднымъ столомъ, то имъ отсылаютъ на домъ нѣкоторое количество ячменю и вина. На нихъ возложено смотрѣніе за дорогами. Естьли кто пожелаетъ усыновить себѣ дитя, то не иначе можетъ исполнить дѣйствіе сіе, какъ въ ихъ присутствіи. Голосъ ихъ считается за два. Но они не могутъ ничего учредить, ни узаконить безъ согласія Сенаторовъ.

„Восемьдесять старцевъ составляютъ Сенатъ, и остаются въ семъ званіи по смерть. Надобно имѣть шестьдесятъ лѣтъ, чтобъ удостоиться быть членомъ Сената. Народъ назначаетъ

ихъ, и избраніе происходитъ слѣдующимъ образомъ: каждой изъ ищущихъ сего званія, по жеребью является въ свой чередъ на площадь, гдѣ собранъ народъ; проходитъ ее медленнымъ шагомъ, не говоря ни слова, при чемъ сопровождаютъ его одобрительныя восклицанія въ большемъ или меньшемъ числѣ. Депутаты, скрывающіеся въ ближайшемъ домѣ, изъ котораго однако не видно имъ избираемыхъ, замѣчаютъ на письмѣ тѣ минуты, когда восклицанія раздаются громче и продолжаются долѣе: ихъ донесеніемъ рѣшится желаніе народа. — „Мудрено, сказалъ Аристидъ, быть плутовству при таковыхъ избраніяхъ. Правда, народъ можетъ быть ослѣпленъ, предубѣжденъ; какъ то часто видалъ я въ Аѳинахъ... однако продолжай.“ —

— „По окончаніи выбора, новой Сенаторъ надѣваетъ вѣнокъ изъ цвѣтовъ, и ходитъ изъ храма въ храмъ для возблагодаренія богамъ, въ сопровожаніи многочисленной толпы молодыхъ людей, превозносящихъ его добродѣтели, и жен-

щинъ, поющихъ въ честь ему похвальные стихи и благословляющихъ мудрый образъ его жизни. Потомъ посѣщаетъ онъ каждаго изъ своихъ родственниковъ, которой угощаетъ его, встрѣчая сими словами: „Городъ даетъ тебѣ этотъ праздникъ“ — По окончаніи такихъ посѣщеній, онъ идетъ по обыкновенію съ товарищами своими за общую трапезу; ему производится двойная доля, которой одну часть онъ сберегаетъ. По окончаніи стола, всѣ родственницы его представляются ему у входа въ столовую; онъ подзываетъ изъ нихъ ту, къ которой имѣетъ особенное почтеніе, и отдаетъ ей остальную долю, говоря: „Это дано мнѣ въ награду за добродѣтель; я также даю тебѣ“ — Красавица, удостоенная такой отличной чести, возвращается домой, въ сопровожаніи всѣхъ своихъ родственницъ, а онъ выходитъ, окруженной всѣми мущинами.“ —

„Скажи намъ, спросилъ Аристидъ, въ чемъ состоитъ должность Эфоровъ? —

„ИхЪ пять. Они избираемы изо всѣхЪ классовЪ гражданЪ. Первой называется ЭфорЪ-ЭпонимЪ, и годЪ означается его именемЪ, равно какЪ вЪ АѳинахЪ именемЪ Архонта-Эпонима. Они почитаются представителями народа, которой распространилЪ власть ихЪ далѣе власти Царей и СенаторовЪ. Одни Эфоры не встаютЪ сЪ мѣстЪ своихЪ при входѣ Царей. Они могутЪ требовать ихЪ передЪ судЪ, и по третьему зову должно непремѣнно повиноваться: Эфоры имѣютЪ право посадить ихЪ вЪ тюрьму. Каждой мѣсяцЪ Лакедемонцы присутствуютЪ при общемЪ собраніи, гдѣ разсуждается о важныхЪ государственныхЪ дѣлахЪ. ВЪ тридцать лѣтЪ всякой гражданинЪ, не замѣченный ни вЪ чемЪ предосудительномЪ, имѣетЪ право подавать свой голосЪ.“ — „Сіе безпредѣльное властоначаліе ЭфоровЪ, сказалЪ АристидЪ, рано или поздо испровергнетЪ законоположеніе Ликургово. Цари имѣютЪ только одну тѣнь Царственнаго сана; Сенаторы дрожатЪ предЪ сими новыми владыками. НародЪ,

противупоставивъ неограниченную власть Царямъ и восьмидесяти Старѣйшинамъ, думалъ распространить свою свободу; но онъ тѣмъ въ тѣснѣйшихъ узахъ и болѣе порабощенъ самовластію. Еще жъ скорѣе падетъ надменная Спарта сія отъ развращенія нравовъ. Помню, какъ въ первую Мессенскую войну, когда войско Лакедемонское оставалось десять лѣтъ подъ Мессеною, большая часть дѣвушекъ сдѣлались матерьми безъ брака, безъ супруговъ. Тутъ явилось въ нѣдрахъ гражданства новое поколѣніе, не признававшее никакого отца. Дѣтей сихъ назвали Парѳенійцами (*). Сказываютъ, что изъ арміи посыланы были знатнѣйшіе и здоровѣйшіе молодые люди для вознагражденія ущербу, причиненнаго войною. Между тѣмъ республика не хотѣла никогда признать сихъ дѣтей за гражданъ, и они принуждены были основать селеніе въ Тарентѣ.“ — Тутъ спросилъ я Ари-

(*) Парѳенійцы — рожденныя отъ дѣвъ, или незамужнихъ: отъ Греческаго слова παρθένος дѣва.

стида, лучше ли ему кажется правленіе Аѳинское? — „Лучше, естьлибъ народу не давали слишкомъ большой власти; иначе городъ сей погибнетъ отъ своевольства своихъ собраній. Униженіе почестей ускоритъ еще паденіе Аѳинъ: чести раздаются безъ разбору людямъ низкимъ, наглымъ, и безъ воспитанія. Скоро самой любочестивой искатель презритъ сіи мнимыя достоинства. Тогда республикѣ не чѣмъ будетъ награждать заслуги, дарованія, самую славу, кромѣ золота. Судья, воинъ, философъ, художникъ, будетъ прельщаться только стяжаніемъ сокровищь. Когда жъ деньги составляютъ единственную пружину правленія, тогда нѣтъ болѣе гражданъ; честность тогда — безуміе; слава — мечта. Никто не знаетъ стыда: ухищреніе, обманъ, хищничество, суть пороки общенародные; а лучше сказать: тогда нѣтъ другихъ пороковъ, кромѣ бѣдности и непроворства.

„Легкомысліе Аѳинянъ можетъ также пособствовать ихъ погибели. Я видѣлъ, какъ многолюдное собраніе, въ

то самое время, когда разсуждаемо было о важнѣйшихъ дѣлахъ общественныхъ, вдругъ поднялось и бросилось за птичкою, пущенною молодымъ Альцибіядомъ, которой говорилъ тогда въ первой разъ передъ народомъ.

„Не смотря на то, у Аѳинянъ есть три превосходныя учрежденія: они говорятъ ежегодно похвальное слово гражданамъ, убитымъ на войнѣ; содержатъ на общественномъ иждивеніи стариковъ и сиротъ до совершеннаго возраста, а въ это время дарятъ имъ по полному воинскому убору; и они могутъ избрать такой родъ службы, какой имъ угодно. Республика Спартанская основана на суровости и надменности. Философія и прочія науки, смягчающія и украшающія нравы, изгнаны изъ нее. Образъ жизни Лакедемонцовъ совершенно воинственной. Сверхъ того они не могутъ терпѣть другихъ народовъ. Аѳиняне отолькожъ мужественны, какъ и они; однако война не есть ихъ единственное ремесло. Они упражняются въ краснорѣчіи, въ стихотворствѣ, во всѣхъ наукахъ.

Городъ ихъ есть жилище веселій, забавъ, обходительности, вкуса. Они любятъ и ласкаютъ иностранцовъ. — Но принесемъ жертву Минервѣ, богинѣ покровительницѣ нашего города." — Тогда взялъ онъ оставленную имъ часть мяса и велѣлъ сжечь. Потомъ мы разошлись.

ГЛАВА XXI.

Отчаяніе Фанорово. Разговоръ Антенора съ Аѳенаидою. Щастливая развязка.

Дни пролетали быстро въ семъ приятномъ убѣжищѣ. Однакожъ мнѣ хотѣлось возвратиться въ Аѳины; я горѣлъ желаніемъ увидѣть дорогую свою Ласѳенію, но Фаноръ меня удерживалъ. Разстаться съ Аѳенаидою было для него невозможное; смерть казалась ему сноснѣе. Никогда не видалъ я его въ такой сильной страсти; сонъ, покой оставили его. Онъ не жаловался на Аѳенаиду; былъ признателенъ за ея пріязнь, за ея ласковость; но не думалъ, чтобъ его любили, и эта мысль

терзала его. Однажды ищу его, и нахожу на берегу Пактокла; глаза его мутны, отчаяніе свирѣпствуетъ на лицѣ. Что ты здѣсь? сказалъ я ему; чего ищешь? — Смерти. — Откуда такое мрачное отчаяніе? — Я нещастнѣйшій изъ людей: я предметъ ненависти! — Почему ты это знаешь? — Я хотѣлъ отдать ей письмо; но жестокая съ варварскою суровостію отказалась принять его. Не помня себя, побѣжалъ я сюда, самъ не знаю съ какимъ намѣреніемъ; но естьли отчаяніе мое не пройдетъ, жизнь моя на волоскѣ. — Ты мнѣ жалокъ! Какое малодушіе! малѣйшее препятствіе приводитъ тебя въ уныніе. Ты не въ состояніи дождаться, какъ молодая, боязливая и скромная дѣвушка, которая можетъ быть хочетъ испытать тебя, обнаружитъ сама свою склонность. Вспомни, что ты хотѣлъ броситься съ Левкада и умереть жертвою кокетки Ѳеаны. Не ужъ ли ты каешься, что не пошелъ на этотъ опытъ? — Ну! ну! да чегожъ тебѣ хочется? чего ты отъ меня тре-

буешь? — Чтобъ ты умѣлъ терпѣть.
Вооружись бодростію и постоянствомъ.
Между тѣмъ дай мнѣ свое письмо,
авось я сдѣлаю, что его прочитаютъ. —
Ты возвратишь мнѣ жизнь и спокойствіе!„ Сей лучь надежды разогналъ мракъ, его покрывавшій.

На другой день поутру мы вошли въ садъ. и застали уже тамъ обѣихъ сестеръ. Фалоя, встревоженная блѣднымъ, унылымъ видомъ моего друга, спросила его, не боленъ ли онъ. — Очень боленъ, отвѣтствовалъ я, смотря на Аѳенаиду; онъ провелъ самую безпокойную ночь: здѣшній воздухъ весьма вреденъ для него. — Да, да, перехватила Фалоя; мнѣ извѣстно его горе: онъ влюбленъ въ сестрицу, которая его не любитъ, а можетъ быть и любитъ, право не знаю; потому что она такъ скрытна, такъ скрытна!" — Такой напѣвъ заставилъ покраснѣть Аѳенаиду: она позамѣшалась, мы были не по себѣ. Къ щастію Фалоя насъ покинула, а я далъ знакъ Фанору, чтобъ и онъ удалился. Оставшись одинъ съ Аѳенаидою, говорилъ

я: — „Вы слышали, что сказала сестрица? — У нее голова наполнена вздорами. — Извините: она сказала сущую правду. Нѣтъ ничего вѣрнѣе, что Фанорѣ терзается жестокою и нещастною страстію. Въ порывистыхъ волненіяхъ ея онъ къ вамъ пишетъ, вы не принимаете письма его. Вдругъ голова его кружится, и воображеніе представляетъ ему въ будущемъ однѣ ужасныя картины. Вчерась нашелъ я его на берегахъ Пактокла, готоваго броситься въ воду. Сжальтесь надъ нимъ, надъ его страданіемъ!“ — Когда я говорилъ такимъ образомъ, Аѳенаида, съ потупленными въ землю глазами, безмолвна, углубясь въ самое себя, размышляла; минута казалась мнѣ рѣшительною. — Позвольте, сказалъ я ей, прочесть вамъ это нещастное письмо; и тотчасъ, не дожидаясь отвѣта, началъ читать:

„Жестокой другъ хочетъ исторг-
„нуть меня отсюда, то есть, от-
„нять у меня жизнь! Не могу рѣшить-
„ся, ни жить, ни умереть! Тягость
„бытія подавляетъ меня; а мысль,

„больше васъ не видать, разлучиться „съ вами навсегда — эта мысль дѣлаетъ „мнѣ смерть ужасною.“ —

Вы видите его положеніе! оно убийственно! — Вижу, сказала Аѳенаида, что онъ не умѣетъ обуздывать своихъ страстей; что не имѣетъ ни малой власти надъ собою; что не только не слушается разсудка . . . — Разсудокъ, прекрасная Аѳенаида, управляетъ кораблемъ только во время тишины. Но, посмотримъ далѣе.

„Непреодолимая страсть удерживаетъ меня здѣсь, оковавъ желѣзными цѣпями. Этотъ домъ будетъ „или гробомъ моимъ, или храмомъ верховнаго блаженства. Участь моя, мое „бытіе, зависитъ отъ васъ. Предлагаю „вамъ руку свою, жизнь, всего себя „всю вселенную, естьлибъ то было въ „моей власти. Рука моя дрожитъ, мысли темнѣютъ, густой мракъ окружаетъ меня... изнемогаю.“ —

Онъ въ опасности: не уже ли вы не тронетесь такимъ бѣдственнымъ его

состояніемъ? — Онъ мнѣ жалокъ. Дочитайте. —

„Я еще дышу; но душа моя утекаетъ. Жгущее, сокрушительное пламя поглощаетъ жизнь мою. Естьли я умру, пролей хотя нѣсколько слезъ на прахъ мой; живи и будь благополучна!“ —

Тутъ взглянулъ я на Аѳенаиду; тяжкой вздохъ поколебалъ грудь ея. Умильное сострадание, кроткое смущеніе, разлившееся по лицу ея, придавали ей видъ привлекательнѣйшій. И такъ, сказалъ я ей, помолчавъ нѣсколько минутъ, какой отвѣтъ принесу я этому страдальцу? въ жесточайшихъ мукахъ ожидаетъ онъ своего приговора. Не ручаюсь за жизнь нещастнаго, естьли вы не ободрите его хоть словомъ. — „Подите, скажите ему, что я подумаю объ немъ, и сегодни же дамъ отвѣтъ.“

Разговоръ этотъ, пересказанной Фанору, прохладилъ жестокую горячку, которая снѣдала его. Онъ дожидался рѣшенія Аѳенаиды довольно покойно.

Наконецъ прислала она за мною сестру. — „Не знаете ли вы, спрашивалъ я, что ей угодно? — Нѣтъ! она такъ молчалива, какъ нашъ Гермесъ въ саду.

Какъ скоро пришелъ я, Аѳенаида говорила: „Открою вамъ всю душу свою. Съ перваго взгляда на Фанора почувствовала я, что сердце мое сотворено для любви. Сперва, безъ размышленія и страха, предавалась я удовольствію быть съ нимъ вмѣстѣ и разговаривать. Боятся ли грозы при наступленіи прекраснаго дня? . . . Я видѣла, слушала Фанора, ничего не опасаясь; но какъ однажды подъ видомъ, будто изъясняетъ мнѣ разговоръ птицъ, объяснилъ онъ, впрочемъ весьма тонко, свои ко мнѣ чувства: тогда открыла я глаза и увидѣла, что любовь опутываетъ меня своими сѣтьми. Въ такомъ случаѣ единственное мое прибѣжище былъ дѣдушка: я ввѣрила ему свои страхи, свою склонность и любовь Фанорову. Онъ отвѣчалъ: „Мнѣ бы пріятнѣе было, естьлибъ это дѣло

касалось Антенора. По моимЪ замѣчаніямЪ онЪ разсудительнѣе и постояннѣе своего друга. ФанорЪ кажется мнѣ легкомысленЪ, вѣтренЪ; впрочемЪ я не вижу вЪ душѣ его никакихЪ слѣдовЪ порока. Ты знаешь, любезная дочь, что единственное мое теперь желаніе есть желаніе твоего щастія. Послушайся меня: истреби, или по крайней мѣрѣ скрой страсть свою кЪ этому молодому человѣку; между тѣмЪ я со вниманіемЪ стану замѣчать характерЪ его. Естьли онЪ таковЪ, каковЪ долженЪ быть зять АристидовЪ; естьли сердце и умЪ его образованы, нравы чисты и укрѣплены правилами добродѣтели; коротко сказать: естьли онЪ можетЪ составить твое благополучіе, то не только не хочу мѣшать любви вашей, но еще благословлю ее, и бракЪ вашЪ будетЪ утѣшеніемЪ и отрадою послѣднихЪ дней моихЪ." — Послѣ этого ФанорЪ отЪ часу входилЪ вЪ большее почтеніе у дѣдушки. Помните, какЪ вЪ послѣдній разЪ спрашивалЪ онЪ его о правленіи СпартанцовЪ? Ему извѣстно оно не

крайней мѣрѣ столько жъ, сколько и другу вашему; но дѣдушка хотѣлъ знать, съ пользою ли онъ путешествовалъ, способенъ ли замѣчать, судить; и остался доволенъ его отвѣтами. — „Вижу, говорилъ онъ мнѣ, что у Фанора твоего есть умъ, и умъ правильный, которой и есть настоящій; а съ лѣтами онъ сдѣлается постояннѣе и разсудительнѣе. Не хотѣлъ бы я выдать тебя за глупца, или невѣжу. Женщина умная и хорошо воспитанная не можетъ быть щастлива съ такимъ муженькомъ: первое потому, что глупецъ не умѣетъ сдѣлать пріятною и собственной своей жизни, не только жизни другаго; второе потому, что жена такого человѣка не можетъ любить; супружествожъ, безъ взаимнаго уваженія и привязанности, есть колючій терновникъ.„ — Вотъ слова дѣдушки. Теперь спрашиваю васъ: Антеноръ конечно не захочетъ, для минутнаго щастія друга своего, сдѣлать нещастною внуку Аристидову, за ея къ нему пріязнь и доброхотство. Не потаите жъ отъ меня ничего, откройте мнѣ

характеръ, душу и сердце Фанорово. — Скажу вамъ сущую правду, со всею искренностію, какъ честной человѣкъ: Вопервыхъ, я весьма дорого цѣню его дружбу, коея неразрывнымъ узломъ соединены мы на всю жизнь. И такъ естьли вы сколько нибудь почитаете меня, то должны почитать и друга моего. Не возможно, прекрасная Аѳенаида, чтобы добрая душа прилѣпилась къ душѣ развращенной. Дружба, какъ вамъ извѣстно, есть растеніе чуждое сердцамъ порочнымъ. Фаноръ чувствителенъ и добродѣтеленъ.“ — Тутъ представилъ я въ примѣръ поступокъ его въ Вавилонѣ съ молодою Аріаспою, и Аѳенаида была отъ того въ восхищеніи. Къ тому прибавилъ я: „Нравственныя правила его непоколебимы. Одно, что можно причесть ему въ порокъ, есть непостоянство его въ любви. Впрочемъ я обвиняю его напрасно: до сихъ поръ онъ не былъ влюбленъ; минутная склонность, чувственныя желанія часто обманывали его сердце и заставляли думать, что онъ любитъ. Онъ не нахо-

дилъ еще предмета, который могъ бы внушить ему истинную страсть, раждующуюся изъ соединенія пріятностей, красоты, разума и добродѣтели, и которой бы могъ, устроивъ его щастіе, положить навсегда предѣлъ его непостоянству. — Люблю вѣрить вамъ, потому что люблю Фанора. Теперь пойду увѣдомить дѣдушку о нашемъ разговорѣ, и ходатайствовать за друга вашего и за себя." —

При выходѣ Аѳенаида встрѣтилась съ Фаноромъ, котораго начиналъ уже мучить чрезъ чуръ продолжительной разговоръ нашъ, и сказала ему пріятнымъ голосомъ: — „Не надобно жаловаться на облака, которыя временемъ закрываютъ отъ насъ солнце; когда оно разгонитъ ихъ, свѣтъ его покажется намъ чище и отраднѣе. „ — Фаноръ былъ на верьху блаженства, узнавъ, что онъ любимъ: Черезъ полчаса Фалоя пришла за мною отъ старика; я полетѣлъ. — „Скажи пожалуй; кричалъ мнѣ почтенный Аристидъ, чего хочетъ молодой этотъ человѣкъ съ не-

умѣренною своею лобовію? онъ думаетъ жениться на моей внукѣ? " — Къ тому клонятся всѣ его желанія. Естьли страсть его оскорбляетъ васъ; естьли вы откажете ему, то повергнете его въ отчаяніе. — „На это скажу тебѣ тоже, что сказалъ Пизистратъ роднѣ своей, побуждавшей его на мщеніе противъ одного молодаго человѣка, которой, въ жару любви своей, обнялъ дочь его при отправленіи священнаго обряда: „Естьли станемъ ненавидѣть, или наказывать тѣхъ, кои насъ любятъ; то какъ же поступимъ съ тѣми, кои насъ ненавидятъ?" И тутъ же объявилъ его своимъ зятемъ. — Вы конечно поступите по примѣру Пизистратову? — Да; потому что Фаноръ нравится моей внукѣ. Конечно для меня пріятнѣе, естьли въ выборѣ ея столько жъ участвуетъ умъ и размышленіе, сколько и любовь. Сильныя страсти воспламеняются, не имѣя въ виду никакого достоинства. Это пылающія изверженія огнедышущихъ горъ, которыя скоро погасаютъ, оставляя вокругъ себя одни

слѣды опустошенія и ужаса. Впрочемъ въ супружествѣ, какъ и въ войнѣ, должно что нибудь предоставить фортунѣ. Одно только дѣлаю при этомъ условіе, то есть, что бракъ не прежде совершится, какъ черезъ шесть мѣсяцовъ. Между тѣмъ Фаноръ возвратится въ Ѳивы, и постарается отличить себя чѣмъ нибудь полезнымъ для блага своихъ согражданъ. Въ его лѣта, покой есть безчестье; праздность, порокъ. Отечеству должны мы жертвовать своими трудами, своимъ временемъ, способностями, молодостью своею. Эгоистъ есть столькожъ дурной супругъ, какъ и гражданинъ; это трутень, живущій на счотъ другихъ. Сверхъ того, во время отлучки Фаноровой, я буду имѣть случай испытать постоянство жениха и невѣсты. Естьли оно останется непоколебимо; то черезъ шесть мѣсяцовъ другъ вашъ возвратится къ намъ и бракосочетаніе совершится здѣсь. Потомъ всѣ отправимся въ Ѳивы; а тамъ я посмотрю, можно ли мнѣ будетъ переселиться въ Аѳины, и

въ нѣдрахъ матери - отчизны кончить остатокъ дней своихъ. Надѣюсь, что изъ уваженія къ сѣдымъ моимъ волосамъ и прежнимъ заслугамъ, простятъ мнѣ пеню, на которую осудили меня столь неправедно„ — Фаноръ богатъ, онъ въ состояніи снабдить васъ этою суммою. — „Въ мои лѣта не занимаютъ, не имѣя довольно времени для заплаты долгу. — Однакожъ поди за нимъ, но не сказывай ничего; я первой хочу объявить ему эту новость.“ — Когда мы вошли съ Фаноромъ; то Аристидъ оборотившись къ нему, кричалъ: — „Какъ, молодой человѣкъ! говорятъ ты хочешь похитить мою внуку? Въ такомъ случаѣ ты возмешь и меня, потому что мы неразлучны: не правда ли, Аѳенаида?“ Между тѣмъ румянецъ весенней розы покрылъ ея щеки; во взорахъ, на лицѣ ея блистало тихое веселіе и чувствительность. Я никогда васъ не покину, отвѣтствовала она. При сихъ словахъ Аристидъ обнялъ ее, и взявъ за руку, подвелъ къ Фанору. — „Возьми, сказалъ онъ, я тебѣ ее вру-

чаю, и увѣренъ, что дѣлаю тебѣ дорогой подарокъ: постарайся составить ея благополучіе; ты отвѣчаешь мнѣ за это. Сладости супружества и домашней жизни для душъ неразвращенныхъ имѣютъ неизъяснимую прелесть, которой порокъ чувствовать не способенъ. Это первой законъ Природы, которая удовольствіями простыми и невинными награждаетъ сердца добродѣтельныя.„ — Чтобы поразвеселить это трогательное зрѣлище, доброй старецъ сказалъ Фалоѣ: — „Когда будемъ въ Аѳинахъ; то надѣюсь, что сограждане мои дадутъ тебѣ приданое и жениха. „ — Фалоя шутливо отвѣчала, что она надѣется, по примѣру сестры, и безъ помощи Аѳинянъ выдти за мужъ. —

Восемь дней пробыли мы еще въ семъ плѣнительномъ, блаженномъ убѣжищѣ, гдѣ водворяется мудрость и умѣренность. Потомъ разстались, проливая слезы. Не безъ труда исторгнулъ я Фанора изъ объятій Аѳенаиды. Шестимѣсячная разлука казалась ему вѣкомъ страданій. —

ГЛАВА XXII.

Прибытіе ихъ въ Аѳины. Праздникъ, называемый Лампасъ. Очищеніе себя по сдѣланіи невольнаго смертоубійства. Продолженіе исторіи Ѳеаниной и Балтаѳеона.

Мы пристали къ Наксу для покупки вина, которое не хуже нектара, Гевою подносимаго Юпитеру. Островъ этотъ называется также Діонисіадою, потому что Вакхъ или Діонисъ, первое тамошнее божество, на немъ воспитывался. Его величаютъ еще Царемъ Цикладскихъ острововъ (*), по обширности и изобилію; а жители тамошніе называютъ себя чадами Вакха и веселости, и проводятъ дни свои въ забавахъ и пиршествахъ.

(*) Цикладскими называются многіе острова, лежащіе на Эгейскомъ морѣ или Архипелагѣ. Имя *Цикладскихъ* получили они отъ того, что положеніемъ своимъ составляютъ кругъ около острова Делоса.

При попутномъ вѣтрѣ скоро приплыли мы въ Пирейскую пристань, которая обнесена каменною стѣною и простирается до самыхъ Аѳинъ. Длина ея сорокъ стадій, вышина сорокъ локтей, а ширина такова, что двѣ колесницы могутъ разъѣзжать по ней рядомъ. Мы вошли въ Аѳины около вечера. Тотъ же часъ полетѣлъ я къ Ласѳеніи, но она была въ деревнѣ. Мы остановились у Ѳессала, друга Фанорова и повѣреннаго въ любовныхъ его дѣлахъ съ Ѳеаною. Нашедъ городъ освѣщеннымъ, спрашивали мы о причинѣ, и получили въ отвѣтъ, что тогда былъ праздникъ, извѣстный подъ именемъ *Лампаса*, или *Лампады*. „Выдемъ-те на улицу, говорилъ нашъ хозяинъ; вы увидите бѣгъ факеловъ. Торжество это отправляется въ честь и возблагодареніе тремъ божествамъ: Минервѣ, Вулкану и Промеѳею. Минерву благодаримъ за деревянное масло, которое она дала намъ; Вулкана за изобрѣтеніе лампады, а Промеѳея за то, что онъ съ неба принесъ огонь.„ — Ѳессалъ повелъ насъ по

улицѣ, которая идетъ отъ Академіи, и на которой толпился весь городъ. Молодые люди разставлены были въ равныхъ разстояніяхъ, начиная отъ жертвенника Промеѳеева, которой въ Академіи. Народъ далъ знакъ: юноша, ближайшій къ жертвеннику, зажегъ свой факелъ и бѣгучи передалъ своему сосѣду, тотъ своему, и такимъ образомъ факелъ ходилъ поочередно изъ рукъ въ руки. Тѣ, у коихъ онъ гаснулъ, выступали изъ ряду вонъ. Даже двое изъ этихъ молодыхъ людей, которые бѣжали неуклюже, были осмѣяны и биты. Нѣкто, по имени Горгій, провозглашенъ побѣдителемъ; потому что онъ всякой разъ пробѣгалъ свое поприще съ факеломъ горѣвшимъ. Естьли всѣ факелы погаснутъ; то никто не объявляется побѣдителемъ, и награда оставляется до предбудущаго времени. Лишь только мы успѣли возвратиться домой и хотѣли сѣсть за столъ, какъ вошелъ человѣкъ, у коего на лицѣ изображалась дикая мрачность. Не говоря ни слова, съ потупленнымъ взо-

ромЪ, сѣлЪ онЪ у камина, вынулЪ свой кинжалЪ и воткнулЪ вЪ землю. Мы удивились; но ѲессалЪ намЪ сказалЪ, что это одинЪ изЪ его друзей, которой, какЪ видно, имѣлЪ нещастіе сдѣлать невольное смертоубійство, и что онЪ конечно пришелЪ кЪ нему требовать очищенія. „Я сдѣлаю ему эту услугу.“ ТутЪ онЪ вышелЪ и скоро возвратился сЪ невольникомЪ, которой несЪ за нимЪ поросенка. ѲессалЪ заколоЛЪ его, и кровью помазалЪ руки кающагося; потомЪ окропилЪ его очистительными водами, призывая Юпитера, отпускающаго грѣхи; послѣ этого сожегЪ опресноковЪ, сЪ изліяніемЪ воды и сЪ молитвою кЪ богамЪ, для умилостивленія милосердія отЪ Зевса. По окончаніи такого обряда, кающійся оставилЪ насЪ. ѲессалЪ увѣрялЪ, что симЪ образомЪ убійца очищался совершенно, естьли прегрѣшеніе было невольное.

За столомЪ навѣдывался ФанорЪ о щеголѣ Ѳеонѣ и прекрасной Ѳеанѣ. — КакЪ! ты еще не позабылЪ этой вѣро-

ломной? — Не забылъ; только не изъ любви, а потому соучастію, какое чувствительной человѣкъ всегда принимаетъ въ предметѣ первой своей страсти. Къ тому жъ, мнѣ бы хотѣлось знать, щастливо ли она живетъ? — Совсѣмъ напротивъ: она жестоко наказана за свою къ тебѣ невѣрность. — Тѣмъ хуже. Не смотря на ея измѣну и безпутство, я бы хотѣлъ бросить нѣсколько цвѣтовъ на ея участь. — Путь къ щастію ей загражденъ; ея правила, воспитаніе, вѣтренность, нравы, совратили ее навсегда съ него. Я разскажу тебѣ конецъ ея приключеній:

„Въ первые три мѣсяца замужства ея, казалось, будто она щастлива. Краткое время сіе пролетѣло во взаимныхъ ласкахъ, восторгахъ, угожденіяхъ, забавахъ и пиршествахъ; но ко всему этому можно привыкнуть: желанія притупляются и гаснутъ. Новобрачные, коихъ разумъ и сердце были пусты, необразованы, скоро предались неумѣреннымъ и вреднымъ наслажде-

ніямъ; тихія и съ разумомъ согласныя
занятія, сокращающія долготу дня,
были имъ неизвѣстны. Супруги и да-
же самые любовники, чтобы сдѣлать
другъ другу пріятнымъ взаимное свое
обхожденіе, особливо это тягостное
одинъ-на-одинъ, должны имѣть душу
благородную, добродѣтельную, и разумъ
украшенный разнообразными свѣденіями.

„Къ супругамъ прокрались скука,
неудовольствіе, ссоры. Ѳеонъ искалъ
разсѣянія, веселостей внѣ своего дому.
Ѳеана, ревнивая не по чувству, но по
самолюбію, мучила его своими подозрѣ-
ніями и упреками. Супругъ, худой по-
слѣдователь Сократова нравоученія, не
только не слушалъ ихъ, но еще вошелъ
въ любовную связь съ славною Фриною,
сперва тайно, потомъ открыто; съ
Фриною, которая сдѣлалась безсмертна
какъ красотою своею, такъ и рѣзцомъ
Праксителя, помѣстившаго сіе мастер-
ское произведеніе искусства въ Дельфій-
скомъ храмѣ. Скоро молва дошла объ
этомъ и до Ѳеаны. Какое отчаяніе!
какая казнь для женщины, столько

гордившейся своею красотою! Желаніе отмстить мучитъ ее и день и ночь: она умираетъ отъ нетерпѣливости посрамить, наказать свою соперницу. Праздникъ Элевзинскихъ таинствъ приближался: вы конечно знаете, что это за праздникъ? — „Нѣтъ, отвѣчалъ Фаноръ; ты сдѣлаешь намъ удовольствіе, разсказавъ объ немъ кое-что.“ — „Городъ Элевзисъ отстоитъ отъ Аѳинъ стадій на тридцать, или на сорокъ. Къ нему идутъ по возвышенной мостовой, называющейся святою дорогою. Храмъ Церериnъ стоитъ у подножія одного холма. Праздникъ этотъ установленъ, изъ благодарности, въ честь Цереры и Прозерпины. Говорятъ, что Церера, будучи принята дружески Аѳинянами, когда она искала дочери своей, и желая наградить ихъ гостепріимство, научила ихъ землепашеству и внушила имъ сію вѣжливость и сію отличающую ихъ тонкость въ обхожденіи. Праздникъ начинается въ половинѣ мѣсяца Воедро Міона (Сентябрь). Къ этому времени изо всѣхъ Греческихъ городовъ

бываютъ ходы въ Элевзисъ. Набожные люди, составляющіе ихъ; собираются сперва всѣ въ Аѳины, откуда потомъ идутъ въ процессіи къ храму Богини хлѣбодательницы. Праздникъ продолжается девять дней, изъ которыхъ первые четыре проходятъ въ жертвоприношеніяхъ и частныхъ обрядахъ. Подъ-вечеръ четвертаго дня бываетъ ходъ Корзины, которая везется на колесницѣ, запряженной волами, въ сопровожаніи многочисленной толпы женъ Аѳинскихъ, несущихъ другія корзины подъ багрянымъ покровомъ, въ которыхъ содержатся различныя нужныя для обряда вещи. Пятой день называется днемъ Факеловъ, потому что весь народъ, мущины и женщины, бѣгаютъ ночью съ факелами. Шестой посвященъ Бахусу. Въ этотъ день бываетъ великолѣпный ходъ, часто изъ тридцати тысячь богомольщиковъ состоящій, который начинаясь отъ Керамика, продолжается черезъ городъ, и отправляется въ Элевзисъ по святой дорогѣ. При этомъ случаѣ несутъ истуканъ

бога, увѣнчанный миртомъ и держащій въ рукѣ факелъ. Передъ началомъ шествія приносятся жертвы Церерѣ и Зевесу, и совершаются изліянія изъ двухъ сосудовъ, изъ которыхъ одинъ выливаютъ на востокъ, а другой на западъ. Дорогою поютъ гимны въ честь Богини; часто останавливаются, и на каждомъ стояніи закалаются жертвы. Въ продолженіе сего праздника жрецы и народъ, въ память странствія Цереры, искавшей Прозерпины, разсѣваются по полямъ съ горящими пламенниками. Седьмой день посвященъ играмъ и тѣлеснымъ подвигамъ: мѣра ячменю составляетъ всю награду побѣдителя. Что касается до двухъ послѣднихъ дней, то они не очень примѣчательны, и предоставлены нѣкоторымъ неважнымъ обрядамъ. Скажу еще, что Элевзійской Церѣринъ храмъ весьма великолѣпенъ, и такой святости, что на помостъ постилаютъ кожи животныхъ, изъ опасенія, чтобъ непросвѣщенные не осквернили его прикосновеніемъ ногъ своихъ, и тутъ еще эти

непросвѣщенные должны стоять на одной лѣвой ногѣ до тѣхъ поръ, пока очистятся. Въ немъ два жертвенника: одинъ посвященный богинѣ жатвы, другой Прозерпинѣ и адскимъ божествамъ. Предъ первымъ служатъ жрицы, избираемыя изъ знатнѣйшихъ Аѳинскихъ домовъ, числомъ четыре ста; а передъ другимъ жрецы отъ колѣна Эвмолпидовъ, изъ коихъ первенствующій, называемый Гіерофантъ, облекается въ блистательную ризу, имѣя чело увязенное діадимою и распущенные по плечамъ волосы.

„Въ семъ званіи первосвященства остаются на всю жизнь; но для полученія его нужно имѣть прекрасной голосъ, и не быть никогда въ брачномъ союзѣ.

„Второй изъ Архонтовъ начальствуетъ при сихъ праздникахъ. Должность его состоитъ въ соблюденіи вездѣ порядка и тишины.

„Возвратимся къ Ѳеанѣ. На шестой день праздника, Фрина явилась въ ходу Аѳинскомъ, въ щегольскомъ,

великолѣпномъ нарядѣ, во всемъ блескѣ красоты и драгоцѣнныхъ камней, разливая вокругъ благоуханія и привлекая къ себѣ одной взоры и сердца отборнѣйшаго юношества. Ѳеана, въ пущее пришедъ бѣшенство отъ сего торжества, приказываетъ евнуху бросить грязи на великолѣпную одежду своей соперницы. Раздраженная такою наглостію, Фрина дышала однимъ мщеніемъ. Страшно изверженіе огнедышущихъ горъ; но страшнѣе бѣшенство двухъ женщинъ, другъ на друга злобствующихъ! Чтобъ нанести ударъ вѣрнѣе, Фрина молчала и поджидала случая. Блистательный Альцибіядъ явился тогда снова въ Аѳинахъ, украшенный лаврами перваго своего похода и прелестями юныхъ лѣтъ. Ѳеана увидѣла его, и пламя любви протекло по ея жиламъ. Забывъ своего мужа, забывъ его невѣрность, она расточала свои взоры, свои ласки для сего молодаго Героя, который столькожъ алкая забавъ, какъ и славы, не пренебрегъ сего завоеванія. Это любовное приключеніе скоро сдѣлалось содержа-

ніемъ разговоровъ большаго свѣта, и Фрина съ сей минуты приготовила планъ своего мщенія. Извѣстно, каковъ Альцибіядъ: онъ непостояннѣе погоды. Хитрая Фрина заманила его къ себѣ, и умѣла возбудить въ немъ страсть, или по крайней мѣрѣ желанія; но все отлагала сдачу крѣпости, разумѣется чтобы пуще воспламенить сердце молодаго воина; а между тѣмъ подкупила одного изъ его невольниковъ, повѣреннаго въ любовныхъ его дѣлахъ. Этотъ невольникъ увѣдомилъ ее однажды, что у господина его съ Ѳеаною назначено свиданіе. Фрина зазываетъ къ себѣ Алцибіяда немного попрежде назначеннаго часа, истощаетъ все свое искуство, всю очаровательность; и чтобы больше распалить милаго своего героя - плѣнника, позволяетъ ему нѣкоторыя неважныя шалости. Когдажъ онъ, въ огнѣ души своей, молитъ ее о полномъ блаженствѣ: то лукавица принимаетъ на себя видъ безпокоющейся, ревнующей любовницы, и не иначе хочетъ сдаться, какъ съ условіемъ, чтобы онъ написалъ записку къ Ѳеанѣ, съ которою,

какЪ ей извѣстно, положено у нихЪ нынче свиданье, и увѣдомилЪ бы ее, что ему никакЪ не льзя исполнить даннаго слова. Страстный Алцибіядъ, которой успѣлъ уже и позабыть, что его ожидаютЪ вЪ другомЪ мѣстѣ, вмигЪ пишетЪ эту записку и отдаетъ для доставленія вѣрному своему невольнику. Между тѣмЪ Фрина тайкомЪ присовокупляетЪ кЪ тому слѣдующее краткое приписаніе своей руки: — „Посылаю кЪ „опасной ѲеанѢ письмо отЪ вѣрнаго „Алцибіяда, котораго прошу уступить „мнѣ на нынѣшній вечерЪ. Останься, „сударыня, покойно дома; но чуръ не „сердиться, не ревновать, не кручи-„ниться о потерѣ блаженныхЪ минутЪ‘ „которыя назначены были для утѣхЪ „любви. Ты ихЪ легко вознаградишь: „Забавы и АмурЪ вЪ твоихЪ повелѣ-„ніяхЪ.“ — Вообразите бѣшенство, отчаяніе, стыдЪ надменной любовницы при чтеніи такой записки! Проклятія ея могли бы привести вЪ ужасЪ и самую преисподнюю. Она занемогла, и не смѣла казаться нѣсколько мѣсяцовЪ.

Напослѣдокъ время и прелесть новой побѣды разогнали мракъ ея тоски, и возвратили къ ней игры и смѣхи. Влюбившись въ новаго воздыхателя, увлекаема пламеннымъ воображеніемъ, предалась она всему стремленію необузданныхъ страстей, всѣмъ возможнымъ крайностямъ. Такая неумѣренность повредила ея здоровье, которое и пуще разстроила она строгою непомѣрною діэтою. Это лѣкарство употребляютъ наши женщины, чтобы не растолстѣть и не обезобразить стройности своего стана. Сверхъ того Ѳеана, для сохраненія всегдашней свѣжести въ лицѣ, портила желудокъ свой холодными декоктами. Это также слишкомъ общее злоупотребленіе между женщинами, которыя никакъ не хотятъ разумѣть, что красота и блистательный цвѣтъ лица зависитъ единственно отъ здороваго сложенія. Ѳеана примѣтно таяла; прелестная свѣжесть ея пропала; тонкія, нѣжныя черты загрубѣли; коротко сказать: участь ея схожа съ участію розы: она красовалась одно

только утро; теперь трудно даже узнать ее. Послѣдній любовникЪ скоро отЪ нее отсталЪ. КЪ пущемужЪ нещастію, расточительность, непомѣрная роскошь обоихЪ супруговЪ, повергла ихЪ вЪ нищету и уныніе, которое неминуемо за нею слѣдуетЪ. КрасавецЪ ѲеонЪ, не вЪ силахЪ будучи поправить зданіе своей фортуны, ни великодушно переносить потерю ея; кЪ томужЪ изнемогши отЪ безпутства, грызомый тоскою, кончилЪ бѣдное, ничтожное свое существованіе. Что касается до Ѳеаны, она живетЪ еще, предметЪ жалости; и кЪ крайнему ея уничиженію, Фрина, эта ненавистная соперница, Фрина, говорятЪ, облегчаетЪ нищету ея тайнымЪ подаяніемЪ. — Таковы плоды дурнаго воспитанія! такЪ бѣдственЪ этотЪ дарЪ красоты!" —

ФанорЪ вздохнулЪ о нещастіяхЪ Ѳеаны; по чувствительности своей онЪ принималЪ участіе во всякомЪ страждущемЪ существѣ: могЪ же ли быть равнодушенЪ кЪ страданіямЪ женщины, которую любилЪ? ОнЪ оставилЪ нѣко-

торую сумму Өессалу, и просилъ переслать ее къ Өеанѣ.

На другой день очень рано отправился онъ въ Өивы. Мы разставались не болѣе, какъ на шесть мѣсяцовъ, но разлука наша была самая горестная. Оставшись одинъ, я полетѣлъ тотчасъ въ деревню къ любезной своей Ласѳеніи.

ГЛАВА XXIII.

Антеноръ приходитъ къ Ласѳеніи. Комната, гдѣ завтракаютъ. Нѣкоторыя черты Альцибіяда. Приключеніе живописца Агатарна.

Приближаюсь къ жилищу Ласѳеніи. Сердце трепещетъ, душа погружается въ море сладостей. Спрашиваю. — Она въ кабинетѣ, отвѣчаетъ невольникъ. — Поди, доложи ей, что одинъ чужеземецъ, съ береговъ Эвксинскаго моря, пришелъ видѣть ее и принести ей дань удивленія. Ласѳенія выбѣгаетъ, испускаетъ пронзительный крикъ, не смѣетъ вѣрить своимъ чувствамъ. Я поверга-

юсь въ ея объятія. — Ласѳенія! обожаемая Ласѳенія! какое блаженство! какія минуты!„ — Опомнившись отъ изумленія, она сказала мнѣ: „Пойдемъ отсюда, другъ мой! я задыхаюсь; намъ нужно освѣжиться прохладою воздуха.“ — Въ молчаніи прошли мы черезъ садъ; но это молчаніе было сосредоточіе блаженства. Между тѣмъ представлялись мнѣ прелестныя уединенныя мѣста, нѣкогда таинственные свидѣтели нашихъ восторговъ. Одинъ вздохъ, слово, взоръ, давали знать Ласѳеніи, какого роду были мои воспоминанія и сожалѣнія. Она понимала меня, потупляла глаза, и нѣжный румянецъ разливался по щекамъ ея. Послѣ безчисленныхъ вопросовъ и отвѣтовъ о моемъ здоровьѣ, о моихъ путешествіяхъ, встрѣтились мы съ гулявшимъ старикомъ. Ласѳенія бросается къ нему, обнимаетъ его и представляетъ мнѣ, говоря: „Это мой батюшка; а вонъ бѣжитъ, какъ серна, меньшая моя сестрица, Телесилла.“ — Когда я поздоровался съ ними, Ласѳенія сказала: — „Можно подумать, что

Телесилла не сестра мнѣ, а дочь; ей только тринадцать лѣтъ; но вить она отъ другаго брака." — Тутъ старикъ напомнилъ, что время завтракать, и спрашивалъ Ласѳенію, гдѣ прикажетъ изготовить. — „Въ залѣ Минервы" — былъ отвѣтъ; и мы первые съ хозяйкою туда отправились. — „Возможно ли! вскричалъ я, вошедши: это храмъ Флоры!" — Точно такъ, но подъ другимъ названіемъ. Вмѣсто статуи бога молчанія, вмѣсто рѣзвыхъ Амуровъ и сосудовъ съ цвѣтами, видишь ты здѣсь статую мудрости; съ изображеніями ея любимцевъ, великихъ Философовъ и Ученыхъ. Ты молчишь? задумался? — Вижу по всему, что это святилище не Мнемозины; боюсь, не пьютъ ли здѣсь воды изъ Леты (*). — Страхи твои напрасны, мой любезный! то, въ чемъ участвуетъ сердце, никогда не должно изчезнуть: но бываютъ лѣта, когда надобно бросить игрушки молодости.

(*) *Лета*, рѣка забвенія.

Посмотри на всѣхъ этихъ знаменитыхъ Мужей: ихъ благородное, величественное лице возвышаетъ душу, воспламеняетъ любовію къ славѣ и добродѣтели. — „Важность, говоритъ одинъ Индѣйскій Философъ, есть только кора мудрости. — Пусть и такъ: но эта кора сохраняетъ ее. Подъ каждымъ изображеніемъ представленныхъ здѣсь Мужей велѣла я вырѣзать по одному нравоучительному правилу, или отличительному ихъ изреченію.“ — И подлинно надобно признаться, что это самое величественное сословіе. Бюсты, изъ прекраснаго бѣлаго мрамора, разставлены были вокругъ залы на порфировыхъ подножіяхъ, и подъ каждымъ вырѣзано что нибудь.

Подъ Аристиппомъ.

Я владѣю Лаисою, но она не владѣетъ мною.

Подъ Солономъ.

Вѣкъ живу, вѣкъ учусь; устарѣлъ, а все учусь.

Подъ Аристотелемъ.

Надежда есть сонъ неспящаго.

Подъ Хилономъ.

Всего труднѣе хранить тайну, умѣть употреблять свое время, и безъ ропшанія переносить обиды.

Подъ Вїясомъ.

Поелику свѣтъ наполненъ людьми злыми; то надобно любить ихъ такъ, какъ будто нѣкогда будешь ихъ ненавидѣть.

Подъ Клеобуломъ.

Выходя изъ дому, сперва разсмотри, куда и за чемъ идешь; а возвратившись домой изслѣдуй, что ты сдѣлалъ.

Подъ Эпикуромъ.

Щастіе состоитъ въ наслажденіи.

Подъ Анаксагоромъ.

На обработываніе ума своего употребилъ я время, которое бы мнѣ употребить на обработываніе своего поля. —

Подъ Питтакомъ.

Естьли увидишь, что врагъ твой хочетъ сѣсть на траву, подъ которою кроется змѣя, и не предостережешь его: ты поступишь безчестно. —

Подъ Антисѳеномъ.

Единственное добро, котораго ничто похитить у насъ не можетъ, есть удовольствіе, чувствуемое по сдѣланіи добраго дѣла. —

Подъ Ѳеофрастомъ.

Величайшая расточительность, какая только быть можетъ, есть, когда мы расточаемъ время. —

Подъ Зенономъ.

Съ добродѣтелію можно быть щастливымъ и въ самыхъ жесточайшихъ мученіяхъ. —

Подъ Талесомъ.

Вы не должны ненавидѣть другъ друга за то, что мнѣнія ваши не одинаковы. —

Подъ Сократомъ.

Я бы ударилъ тебя, естьлибъ не былъ сердитъ. —

Я доканчивалъ это чтеніе, какъ вошла Телесилла съ отцомъ. Намъ принесли Гиметскаго меду, плодовъ и сухихъ смоквъ, которыя показались мнѣ превосходнаго вкуса. — „Аттическія смоквы, сказалъ старикъ, почитаются

лучшими во всемъ свѣтѣ, особливо въ великой они чести у Персидскихъ Царей; и Ксерксъ напалъ на Грецію для того, чтобъ имѣть въ своемъ владѣніи наши смоковницы (*). Аѳиняне, любя этотъ плодъ до чрезвычайности, запретили закономъ, подъ строжайшимъ наказаніемъ, вывозъ его въ другія земли." — Между тѣмъ, какъ мы завтракали, рѣзвая Телесилла уходила, приходила, опять уходила, и возвращалась съ цвѣтами. Она поднесла мнѣ пучокъ миртъ и ясминовъ со всею пріятностію и чистосердечіемъ, какое сродно ея лѣтамъ. Вообще она была красивѣе своей сестры, и однако имѣла съ нею сходство. Ласѳенія превосходила ее бѣлизною; въ чертахъ ея соединялась кротость съ вели-

(*) Говорятъ, что однажды за столомъ поданы были Ксерксу Аттическія смоквы. Царь спросилъ, откуда онѣ? Услышавъ же, что изъ Аттики, приказалъ ихъ снять, и клялся, что до тѣхъ поръ не станетъ ѣсть, пока не получитъ ихъ въ свое владѣніе.

чіемъ; на лицѣ Телесиллы изображалась веселость съ живостію: изъ черныхъ глазъ ея сыпались искры огня; лобъ, руки, ноги, словомъ, вся она была прекрасна, плѣнительна. Ласѳенія примѣтивъ, что вниманіе мое обращалось на сестру ея, сказала мнѣ смѣючись: — „Я скоро приревную; ты очень часто заглядываешься на Телесиллу. — Удивляюсь обѣимъ вамъ: одна похожа на розу распускающуюся, другая на розу во всемъ ея блескѣ. „ — Тутъ вошелъ молодой человѣкъ, великолѣпно разряженной, ловкой, прекрасной; поклонился съ видомъ благороднымъ, и Ласѳенія приняла его, какъ короткаго знакомца. Любопытство, а можетъ быть и ревность, обратили на него все мое вниманіе. Онъ говорилъ умно, ловко, со всею Аттическою пріятностію; взоръ его былъ горделивъ, глаза черные большіе; ростъ Геройской; станъ, казалось, вышелъ изъ рукъ Фидія; прекрасные чорные волосы были намащены благовоніями и переплетены съ золоты-

ми кузнечиками (*). Лице его было улѣплено мушками; къ ушамъ привѣшены цвѣты; хитонъ его изъ тончайшаго льну, ослѣпительной бѣлизны, развѣвался при каждомъ дуновеніи вѣтра. Вмѣсто мантіи, онъ носилъ широкую, по землѣ простирающуюся ризу: доказательство утонченной роскоши и нѣги. Въ рукѣ имѣлъ тросточку, а башмаки его были новаго и страннаго покрою. Такая выставка чванства и расточительности сперва подала мнѣ объ немъ невыгодныя мысли: я почиталъ его женоподобнымъ въ нравахъ и неспособнымъ ни къ какой важной ролѣ въ Республикѣ. Между тѣмъ онъ говорилъ весьма сильно и съ великимъ краснорѣчіемъ о источникахъ могущества Аѳи-

(*) Аѳиняне были помѣшаны на древности своего происхожденія, то есть, думали, что они современны землѣ, на которой жили; и для того долго носили маленькихъ золотыхъ или серебреныхъ кузнечиковъ, какъ знакъ своей древности, будучи такого мнѣнія, что это насѣкомое родилось изъ земли. —

нянъ, о различныхъ планахъ къ усмиренію надменности враждующей Спарты. Потомъ разсказалъ намъ весьма забавный анекдотъ.

„Однажды прохаживался я съ другомъ моимъ Тразибуломъ. Говоря о томъ и о другомъ, мы заспорили. Дѣло шло о двухъ стихахъ. Я утверждалъ, что они есть въ Иліадѣ; а Тразибулъ стоялъ въ томъ, что нѣтъ. На ту пору случились мы противъ одного училища; я предложилъ другу своему войти туда. — „Тамъ найдемъ мы, говорилъ я ему, Гомера, которой рѣшитъ споръ нашъ.“ — Входимъ, видимъ множество учениковъ и двухъ учителей. Тотчасъ прошу одного изъ нихъ пожаловать намъ для справки творца Иліады. — „Сынъ Клиніевъ! отвѣчаетъ онъ, жаль очень, но у меня нѣтъ Гомера. — Ты вѣрно шутишь? — Ни мало. Клянусь Поллюксомъ, что говорю правду. — У тебя нѣтъ Гомера, а ты называешься Грамматикомъ? — Грамматикомъ и Поэтомъ; прошу не гнѣваться.“ — Тутъ влѣпилъ я ему пощочину, приговари-

вая: — „Не забудь купить Гомера!“ — Оборотившись потомъ къ ученикамъ, сказалъ: — „Знайте, мои друзья, что учитель вашъ глупецъ. “ — Послѣ такого отеческаго поученія, хотѣлъ я идти, какъ другой учитель остановилъ меня, и возвыся голосъ, сказалъ: — „Молодой человѣкъ! умѣрь свою запальчивость и свои упреки. Вотъ Гомеръ.“ — Беру и читаю. — „Что значатъ эти вымаранные стихи, спрашиваю я его, и эти строки, писанныя на поляхъ? — Это мѣста, которыя я перемѣнилъ, и сдѣланныя мною поправки; ибо я читаю Гомера и поправляю. — Платитъ ли тебѣ за это Правительство? — Ни обола. — Такъ вотъ тебѣ награда.“ — Другая пощочина мелькнула, и потрясла челюсть сомозванца - Аристарха. Мы вышли съ Тразибуломъ смѣючись, и оставили двухъ педагоговъ въ стыдѣ и бѣшенствѣ.“ — Рѣчь зашла потомъ о роскоши. Роскошь, говорилъ онъ, есть источникъ сокровищъ; она смягчаетъ нравы, украшаетъ общество, какъ цвѣты и зелень

украшаютъ лугъ. — „Но, прибавилъ онъ, роскошь не должна преступать границъ. Надобно умѣть спать на землѣ, также какъ и на багряномъ ложѣ; пить съ такимъ же вкусомъ соленую воду, какъ и вино Лесбійское. Въ Спартѣ показалъ бы я примѣръ воздержанія; въ Аѳинахъ и Персеполисѣ, возлежа на розахъ, желалъ бы упиться всѣми сладостями нѣги.“ —

Чѣмъ болѣе говорилъ этотъ волшебникъ и разкрывалъ свои таланты, тѣмъ болѣе ревность моя усугублялась. Я подозрѣвалъ въ немъ опаснаго для себя соперника. Къ щастію, ему должно было присутствовать въ народномъ собраніи, гдѣ слѣдовало тогда избирать военачальниковъ для похода противъ Персіи. Ласѳенія увѣряла его, что вниманіе всей Республики обращено на него; а я спрашивалъ, какъ происходитъ это избраніе? — „Двоякимъ образомъ, отвѣтствовалъ онъ: вопервыхъ по жеребью, вовторыхъ поднятіемъ рукъ. Выборъ по жеребью происходитъ въ Тезеевомъ храмѣ, и тотъ, на комъ больше

бываетъ бѣлыхъ бобовъ (*), получаетъ предпочтеніе. Что касается до втораго выбору, то онъ производится подлѣ крѣпости. Ѳермотеты (**) представляютъ избираемаго народу, который означаетъ свое согласіе поднятіемъ рукъ". — Послѣ такого объясненія, этотъ удивительный человѣкъ откланялся Ласѳеніи и сѣлъ въ пышную свою колесницу, запряженную бѣлыми Сакіонскими лошаками. Я спросилъ объ его имени. — „Какъ! сказала мнѣ Ласѳенія: даже и не видѣвши никогда, ты бы могъ узнать знаменитаго Альцібіада, прекраснѣйшаго изъ Грековъ; Альцибіада, удивительное соединеніе всѣхъ противуположностей. Можно подумать, что въ тѣлѣ его двѣ души. Воздерженъ и

(*) Въ народныхъ собраніяхъ Аѳиняне давали голоса посредствомъ бѣлыхъ и черныхъ камушковъ; или посредствомъ бѣлыхъ и черныхъ бобовъ.

(**) Законоблюстители. Чиновники, кои въ особенности пеклись о сохраненіи законовъ.

сластолюбивЪ, простЪ и величавЪ, прилѣженЪ кЪ дѣламЪ и разсѣянЪ: сущій Протей! кажется, будто онЪ нарочно произведенЪ для тѣхЪ обстоятельствЪ, вЪ которыхЪ находится. ОнЪ все умѣетЪ употребить вЪ пользу: и свои пороки, и прелести своей красоты, и очаровательность своего ума. Чтобы понравиться, плѣнить, стоитЪ только ему показаться. СверхЪ того онЪ весьма храбрЪ, и великой ПолководецЪ (*). —" ЭтотЪ человѣкЪ не менѣе опасенЪ вЪ мирѣ, какЪ и вЪ войнѣ, сказалЪ я, бросивЪ на нее значительный взглядЪ. — ТакЪ, для Республики; потому что онЪ движетЪ и управляетЪ народомЪ по своей волѣ. Но извѣстно, каковЪ народЪ: непостояненЪ и перемѣнчивЪ, какЪ погода (**). Сего дни онЪ бого-

---

(*) АльцибіадЪ, надѣленный вЪ избыткѣ всѣми дарами Натуры, употребилЪ ихЪ во зло; и обЪ немЪ исключительно можно сказать, что сказано о ГрекахЪ вообще: *онъ былъ отецъ пороковъ.*

(**) Bellua multorum caritum.

творитъ его; завтра низвергнетъ съ престола, на которой самъ возвелъ. Я ему это предсказывала. Мудрый Анахарсисъ называлъ народную Аѳинскую площадь театромъ несправедливости; но Альцибіадъ, упоенный своими успѣхами, по самолюбію слишкомъ на себя надежный, не слушаетъ Анахарсиса и не вѣритъ моему пророчеству. Однажды шелъ онъ изъ народнаго собранія съ видомъ весьма довольнымъ, покрытъ славою, окруженъ многолюдною толпою; человѣконенавистникъ Тимонъ не только не бѣжалъ отъ него, какъ обыкновенно бѣгаетъ отъ всѣхъ людей; но еще пошелъ къ нему на встрѣчу и кричалъ: — „Прекрасно, сынъ мой! ты очень хорошо сдѣлаешь, естьли войдешь въ силу и достигнешь первыхъ степеней въ Республикѣ: ибо это къ погибели народа.“ — И такъ этотъ народъ весьма сильно предубѣжденъ въ его пользу? — Теперь пока такъ; впрочемъ надобно сказать, что этотъ хитрый Политикъ очень искусно водитъ его за носъ. Суди по слѣдующему, отмѣнно

страннону случаю. У него была собака чрезвычайной величины и прекрасная собою, за которую онъ заплатилъ семьдесять минъ. Однажды привелъ онъ ее ко мнѣ въ такое время, когда у меня было большое собраніе. Вообразижъ себѣ наше удивленіе! собака безъ хвоста, безъ лучшаго своего наряду! Всѣ приступили къ нему и наперерывъ допытывались, гдѣ дѣвался хвостъ ея? — Я велѣлъ отрубить давича поутру. — Клянусь Юпитеромъ: это безуміе! вскричалъ одинъ изъ гостей; тебя забранятъ. — „Того-то мнѣ и хочется. Я желаю, чтобъ Аѳиняне занимались хвостомъ моей собаки, а не мною и не моими замыслами.“ — Эта черта показываетъ тебѣ его властолюбіе и хитрость; то, что разскажу теперь, покажетъ его дерзость.

„Агатаркъ, славный живописецъ, написалъ для сына Клиніева портретъ одной женщины. Альцибіядъ хвалилъ блескъ красокъ, свѣжесть колорита, правильность выраженія; но охуждалъ грудь. Такіе огромные сосцы, говорилъ

онъ, идутъ развѣ къ одной плодовитой Церерѣ. Щекотливое самолюбіе художника оскорбилось; онъ не забылъ этого."

„Спустя нѣкоторое время, понадобилось Альцибіяду росписать у себя одну залу. Онъ отнесся къ Агатарку, и получилъ отказъ. Прозьбы, обѣщанія, ласки, ничто не могло прельстить памятозлобнаго художника; но Альцибіядъ, непреклонный въ своихъ желаніяхъ, рѣшился получить хитростію, чего не могъ достать изъ доброй воли.

„Однажды, въ вечеру, случилось живописцу идти по Альцибіядовой улицѣ, въ которой не было на ту пору никого. Сынъ Кминіевъ, давно велѣвшій за нимъ присматривать, приказалъ его схватить. Схватили, и не смотря на крикъ и сопротивленіе, заперли его въ отдаленную комнату. Агатаркъ, изумленъ, не понимая странности такого поступка, безпокоясь о развязкѣ, былъ въ сильномъ волненіи и ходилъ скорыми шагами; какъ Альцибіядъ, съ видомъ осмѣющимся, непринужденнымъ, во-

шелъ потаенною дверью и просилъ у художника извиненія, что столь страннымъ образомъ привлекъ его къ себѣ. Агатаркъ надрывается съ досады, осыпаетъ его укоризнами, жалуется. — „Правда, сказалъ Альцибіядъ, винюсь передъ тобою; я поступилъ не такъ, какъ бы должно; но это отъ того, что высоко цѣню твое искуство. Я имѣю въ немъ нужду, и ты не прежде отсюда уйдешь, какъ исполнивъ мое желаніе. Клянусь Аѳиною (*), что скорѣе брошу въ огонь всѣ свои кисти! Я Аѳинянинъ, такъ же свободнорожденный, какъ и ты: возврати мнѣ свободу, или страшись мщенія законовъ! — Выслушай хладнокровнѣе: естьли ты согласишься одолжить меня; то въ продолженіе работы своей будешь раздѣлять со мною всѣ удовольствія, всѣ пріятности моего дома; музыка, прекрасный столъ, несравненныя купальни, все готово. Въ вечеружъ, чтобъ развеселить твое уединеніе и подкрѣпить тебя

(*) Минерва.

послѣ дневныхъ трудовъ, двѣ прелестныя невольницы, одна Іонянка, другая Милетянка, придутъ провести съ тобою ночь. А когда кончишь свою работу, четыре Аттическіе таланта будутъ твоею наградою. Естьлижъ, напротивъ, ты все станешь упрямиться, то не погнѣвайся, я буду платить тебѣ тою же монетою." — Сказавъ это, онъ поклонился и исчезъ.

„Агатаркъ, оставшись одинъ, шумитъ, бранитъ, клянетъ, призываетъ на мщеніе людей и боговъ; но ни люди, ни боги не приходятъ къ нему на помощь.

„Наступилъ часъ обѣда; невольникъ въ молчаніи приноситъ ему вкуснѣйшія яствы. Агатаркъ, оттолкнувъ его и съ кушаньемъ, хочетъ уйти; но другіе примѣчавшіе за нимъ невольники препятствуютъ его побѣгу. Въ отчаяніи бросается онъ на постелю, и призывая сонъ, силится забыть и посмѣянье свое и заточеніе.

„На другой день, тотъ же невольникъ явился съ такимъ же превосход-

нымЪ кушаньемЪ, и принесЪ сверхЪ того кисти, палитру и весь живописный приборЪ. АгатаркЪ, мучимый голодомЪ, взялЪ кушанье, а прочее бросилЪ подЪ ноги и истопталЪ. ТажЪ самая комедія повторяема была и вЪ слѣдующіе три дни; на четвертой вмѣсто прекрасной, вкусЪ услаждающей пищи, приготовили ему столЪ совершенно по - Спартански. Надобно было ѣсть, потому что онЪ не имѣлЪ охоты умереть сЪ голоду. На седьмой принялъ онЪ за кисть и началЪ пачкать стѣну. ТутЪ снова появились вкусныя яствы: его угощали, какЪ роскошнаго Аѳинца; между тѣмЪ кисть его, управляемая досадою и негодованіемЪ, производила только недостойные его рисунки.

„Около вечера вошла вЪ его комнату молодая невольница, которую почелЪ онЪ за самую Афродиту (*). — „Я Іонянка Аспатина (**), сказала она

(*) Венера.

(**) Аспатина значитЪ бѣлая, какЪ снѣгЪ.

ему, та самая, о которой говорилъ тебѣ Господинъ мой Альцибіадъ; я пришла плясать и пѣть съ тобою. Тутъ начала она пѣть и плясать съ такою пріятностію, что восхищенный Агатаркъ бросался съ распростертыми руками обнимать ее; но Аспатина, легкая какъ зефиръ, вмигъ увертывается, и изъ - за дверей кричитъ: — „тутъ все, что мнѣ позволено сдѣлать для тебя нынѣшній день! Естьли хочешь опять меня видѣть, смарай, что до сихъ поръ написалъ, и старайся, чтобъ работа твоя была достойна творческихъ твоихъ дарованій. Прости!“ — Живописецъ пребылъ нѣкоторое время холоденъ и неподвиженъ; но скоро негодованіе его пробудилось, ругательства и проклятія снова посыпались градомъ на дерзкаго похитителя. На другой день, вставъ съ зарею, онъ принимается за работу, говоря самъ себѣ: — Посмотримъ, сдержитъ ли - то свое слово Аспатина, придетъ ли опять! Долго ли мнѣ смастанемъ трудиться. Долго ли мнѣ смарать это, коли захочу?“ — Между тѣмъ воспоминаніе прелестной Іонянки,

соединясь съ подстреканіемъ надежды, воспламеняетъ его творческую силу: онъ истощаетъ всю очаровательность своего искуства. Работа Агатаркова продолжалась съ часъ, какъ вдругъ восхитительная музыка поражаетъ слухъ его: онъ слышитъ пѣсни, въ которыхъ прославляется высокое искуство живописи; воображеніе его воспламеняется, Геній художества увлекаетъ его кисть, летаетъ по холсту, и мгновенно творитъ превосходныя произведенія, удивляющія его самого. Въ порывахъ творческаго духа, въ изступленіи, очарованъ прелестію работы, Агатаркъ забываетъ свою неволю, забываетъ поступокъ Альцибіядовъ, пишетъ цѣлой день. Уже подъ вечеръ вспомнилъ онъ, что Аспатина обѣщалась придти. — „Посмотримъ, говоритъ онъ, исполнитъ ли она свое обѣщаніе!“ — Тутъ вдругъ является Аспатина, болѣе прелестна, нежели звѣзда Венерина, блистающая сквозь тучь; въ награду за трудъ даетъ ему поцѣлуй, пляшетъ, поетъ; и восходящая Аврора

еще застаетЪ ее сЪ нимЪ. Оставляя его, Аспатина спрашиваетЪ: согласенЪ ли онЪ, за такую цѣну, пожить вЪ своемЪ заточеніи и кончить работу? Щастливый художникЪ обѣщалЪ все, чего хотѣли, и прелестная Аспатина пошла увѣдомить о томЪ Альцибіяда.

„СынЪ КлиніевЪ не замедлилЪ явиться кЪ своему плѣннику, и входя, говорилЪ: „Извини, что такЪ долго не навѣщалЪ тебя; мнѣ извѣстно было, что ты все досадуешь, и я не хотѣлЪ усугубить твоего негодованія. Теперь же, когда гнѣвЪ твой проходитЪ, подобно вѣтру, мало по малу утихающему, я пришелЪ спросить тебя: хочешь ли ты быть моимЪ другомЪ и собесѣдникомЪ? Ты знакомЪ уже сЪ Іонянкою Аспатиною; еще назначаю тебѣ (потому что перемѣна есть душа забавЪ) Милетянку Мильто (*), свѣжую какЪ цвѣтокЪ утренній; только обѣщай докончить свою работу.“ — АгатаркЪ,

(*) Мильто значитЪ розовой цвѣтЪ.

внѣ себя отъ радости и признательности, далъ слово, и тотчасъ пошелъ занять первое мѣсто на пиру хозяйскомъ. Когдажъ работа была совсѣмъ, онъ получилъ въ награду обѣщанные четыре Аттическіе таланта. Съ тѣхъ поръ Агатаркъ остался всегдашнимъ любовникомъ прелестной Аспазины, и присутствовалъ на всѣхъ пирахъ Альцибіядовыхъ." — Однакожъ прекрасный день вызываетъ насъ къ прогулкѣ. Я подражаю Аристотелю, и люблю съ учениками своими прохаживаться. Пойдемъ на гору Иметъ: далеконько правда, отсюда двадцать четыре стадіи; за то много пріятности тамъ ожидаетъ насъ. —

ГЛАВА XXIV.

Видъ съ горы Имета. Исторія Иляреты.

Мы пошли, взявъ съ собою одного невольника. Дорогою еще говорилъ я Ласѳеніи объ Альцибіядѣ, о его умѣ и

красотѣ; — „Этотъ человѣкъ зани-
маетъ тебя; отвѣчала она мнѣ, не
столько по своимъ блистательнымъ
свойствамъ, сколько по связи своей со
мною. — И то правда, впрочемъ я раз-
суждаю; какъ и всякой бы разсуждалъ
на моемъ мѣстѣ. Альцибіадъ видѣлъ
Ласѳенію разъ, два, три; и послѣ не
могъ уже быть, чтобъ не видать ее. —
Онъ весьма часто у меня бываетъ. Но
вотъ и Иметъ. Гора эта имѣетъ въ
окружности восемь миль; пойдемъ на
нее тихонько, и станемъ разсматри-
вать красоты ея мѣстоположеній, ве-
селость ея рощицъ; будемъ дышать
ароматическими испареніями тмина,
ѳиміама и другихъ благовонныхъ расте-
ній, покрывающихъ ее. Посмотри, ка-
кое множество ульевъ! здѣсь собира-
ютъ медъ, лучшій во всей Греціи. Аѳи-
няне страшные до него охотники; они
кладутъ его въ соусы и дѣлаютъ изъ
него пирожное. Медъ этотъ весьма
здоровъ: увѣряютъ, что онъ продол-
жаетъ жизнь, и весьма полезенъ для
стариковъ. — Вотъ два жертвенника;

посвященные, одинъ Юпитеру *дождливому*, другой *провидцу* Аполлону." — Мы взошли на вершину. — „Отдохнемъ здѣсь, сказала Ласѳенія, и выкупаемся въ воздухѣ, которой чище и жизненнѣе: кажется, что на высотахъ душа разрываетъ свои оковы; что она дѣятельнѣе, болѣе имѣетъ живости. Какое сіяніе! легкая, прозрачная стихія окружаетъ насъ; тихая, плодотворная теплота оживотворяетъ, развертываетъ сѣмена жизни. Сюда-то долженъ приходить мудрый возноситься выше бѣдствій человѣчества, выше ничтожности величія и суетности; здѣсь дыханіе свободнѣе, мысль свѣтлѣе. Посмотри, посмотри, мой другъ, на сіе необозримое пространство, ограничивающееся далекимъ горизонтомъ. Аѳины передъ нами какъ на блюдечкѣ, а вокругъ большая часть Греціи. Какая великолѣпная картина! Вонъ святая дорога, простирающаяся на тринадцать тысячь шаговъ, до самыхъ воротъ Элевзинскихъ, и уставленная по сторонамъ истуканами, капищами и мавзолеями. Тамъ,

вдоль по берегу, видишь ты разные острова, а еще далѣе видишь другіе. Посмотри, какое множество купеческихъ судовъ! они оживляютъ картину. Посмотри, какъ море сіе, грозное, величественное, съ шумомъ разбиваетъ валы свои о неколебимыя преграды земли; между тѣмъ какъ поверхность ея, испещренная цвѣтами и вѣчною зеленью, возвышается надъ водами. — Зрѣлище прекрасное! но чтобы наслаждаться имъ, удивляться ему, надобно не быть съ Ласѳеніею, или забыть ее. — Оставь сіи земныя помышленія; помни, что мы касаемся Олимпа, жилища боговъ. Знаешь ли ты Темпейскую долину? — До сихъ поръ нѣтъ еще. — Тамъ позволено питать горестныя мысли. Для меня это точно убѣжище меланхоліи. Гораздо больше нравится мнѣ видъ съ Имета; здѣсь душа исполняется одними чистыми, сладостными впечатлѣніями. Она сугубится, такъ сказать, при воззрѣніи на прекрасную, изобильную страну, обитаемую блаженными и свободными смертными. — При-

ходила ль сюда Ласѳенія когда нибудь съ Альцибіядомъ разсматривать эту великолѣпную картину? — Этотъ человѣкъ занимаетъ тебя. Спустимся нѣсколько внизъ; мы найдемъ гротъ, въ которой часто уединяюсь я читать и размышлять. Тамъ сядемъ, и я удовольствую твое любопытство.“ — Ласѳенія привела меня въ пещеру, убѣжище тишины и прохлады, дышущее ароматами цвѣтовъ и благовонныхъ растеній. Сѣли. И такъ рѣчь теперь объ Альцибіядѣ, сказала она. Помнится, я уже объявила тебѣ, что онъ бываетъ у меня часто; къ этому прибавлю, что Альцибіядъ любилъ меня; или, лучше сказать, искалъ славы умножить мною число своихъ завоеваній. Казалось, что любовь его шла быстрыми шагами, какъ вдругъ происшествіе, въ которомъ онъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, обратило на себя вниманіе города.

„Жена его, Ипарета, выведена была наконецъ изъ терпѣнія его невѣрностями. Да и не удивительно; для него это

игрушка. Спустя нѣсколько дней послѣ свадьбы своей, Альцибіядъ повстрѣчался съ Анитомъ, и когда этотъ сказалъ: — „Возможно ли, чтобы блистательный Альцибіядъ, этотъ Герой, позволилъ себя оковать такимъ образомъ?" — то онъ отвѣчалъ ему: — „Пустое, другъ мой! однѣ маленькія птички вязнутъ въ сѣти; но орелъ разрываетъ ихъ, или уноситъ съ собою." —

„Ипарета, по наущенію злыхъ людей, рѣшилась требовать разводу. Въ такомъ случаѣ законъ предписываетъ, чтобы жена внесла сперва въ присудственное мѣсто письменную разводную, и при томъ передъ народомъ. Это для того, чтобы дать супругамъ время на размышленіе. Ипарета предстала передъ судей и говорила: — „Граждане! и вы, мудрые служители Минервы! я представляю вамъ, сообразно съ законами, разводную свою съ Альцибіядомъ, до сихъ поръ моимъ супругомъ." Едва успѣла она сказать это, какъ вдругъ является Альцибіядъ. Каково было ея смущеніе! она обомлѣла, колѣна ея дро-

жали; она готова была упасть; но Альцибіядъ поддерживаетъ ее, рветъ разводную, беретъ Ипарету подъ руку, и отводитъ домой при рукоплесканіяхъ всего народа. Слухъ о семъ произшествіи скоро дошелъ и до меня, но съ примѣсью такихъ околичностей, которыя бы крайне для меня были прискорбны, естьлибъ я не находила всегда убѣжища въ совѣсти своей отъ несправедливости и кривыхъ людскихъ толковъ. Ипарета обвиняла меня, что я похитила у нее сердце супруга, и причиною его безпорядковъ. Тѣмъ, кои мнѣ объ этомъ говорили, отвѣчала я, что Ипарета предубѣждена и судитъ обо мнѣ по однимъ слухамъ, не зная меня лично; что впрочемъ естьлибъ я была и обижена, то нахожу удовольствіе прощать. Я навѣдывалась о ея состояніи, и узнала, что дни ея текли въ горести, и что она не переставала приписывать мнѣ своихъ нещастій. Я почла, что лучшій способъ оправдать себя передъ нею, будетъ стараться о прекращеніи мукъ ея.

„Она меня не знала! Подъ чужимъ именемъ требую я свиданья съ нею, и назначаю къ тому малой храмъ Венерины, въ которомъ находится извѣстное мастерское произведеніе Зевксиса, изображеніе Амура, увѣнчаннаго розами. Она согласилась. Я первая пришла въ назначенное мѣсто. Какъ скоро Ипарета появилась, я узнала ее по мѣшкатной поступи, по боязливымъ взглядамъ, которые бросала она вокругъ. Подхожу и стараюсь ободрить ее; потому что она трепетала, какъ голубка, попавшаяся въ сѣти. Тутъ начинается разговоръ нашъ. — „Знаю ваше горе; сказала я; и принимаю въ немъ столько участія, сколько можетъ принимать искренній другъ вашъ. Я знакома съ Альцибіядомъ, и хочу, естьли вамъ не противно, вмѣстѣ съ друзьями своими ходатайствовать передъ нимъ въ вашу пользу. Мы употребимъ всѣ способы, какіе только можно употребить съ человѣкомъ его свойствъ.“ — „Чувствую цѣну вашей пріязни, отвѣтствовала она, вашего дружескаго соучастія, и

благодарю васъ. Вы имѣете причину жалѣть обо мнѣ; я нещастнѣйшая изъ женщинъ. Я обожала Альцибіяда, но сама на одну минуту была предметомъ его вниманія, или, лучше сказать, его своенравія. Вѣроломный! едва прошло два мѣсяца послѣ нашего соединенія, и онъ началъ уже расточать свои чувства, свои ласки для другихъ, для прелестницъ. Теперь какая-то Ласѳенія, которая выдаетъ себя за философку; которая тѣмъ опаснѣе, что носитъ личину благопристойности и добродѣтелей чуждыхъ ея сердцу. . . — „Ну, чтожъ эта Ласѳенія?“ — „Опутала супруга моего своими сѣтями. Она отнимаетъ его у меня, питаетъ его холодность, возбуждаетъ въ немъ презрѣніе къ законной супругѣ.“ — „Мнѣ кажется, вы слишкомъ предубѣждены противъ этой Ласѳеніи: я слышала объ ней довольно хорошаго. Она не выдаетъ себя за философку, но съ удовольствіемъ занимается нравственною частію любомудрія; она учится умѣрять свои страсти, укрощать движенія души,

направлять ихъ къ доброму и похвальному; короче, я смѣю увѣрить васъ, что между нею и Альцибіядомъ нѣтъ иной связи, кромѣ дружества, и что она не только не принимаетъ участія въ его безпорядкахъ, но за удовольствіе бы почла возстановить между вами эту тишину, это сладкое единство сердецъ, которое дѣлаетъ супружество источникомъ живѣйшихъ радостей и невозмутимаго блаженства. Но оставимъ эту женщину; можетъ быть виновата она въ самомъ дѣлѣ, а можетъ быть только кажется виноватою. Откройте мнѣ сердце свое, естьли я стою вашей довѣренности, и скажите, чего вы требуете отъ Альцибіяда?" — „Ахъ! чтобъ онъ простилъ безразсудной поступокъ мой передъ Правительствомъ! Съ сего нещастнаго дня онъ совсѣмъ ко мнѣ не кажется. Пусть онъ возвратится къ супругѣ своей; пусть ощастливитъ ее своимъ присутствіемъ, бесѣдою, и возвратитъ ей жизнь. Она томится, сохнетъ, изныаетъ." — „Успокойтесь: Альцибіядъ великодушенъ. Между тѣмъ

послушайтесь моего дружескаго совѣта; сносите терпѣливо его невѣрности. Онъ столько молодъ, столько любезенъ, столько щастливъ, что не въ состояніи противиться прельщенію забавъ, его окружающихъ. Но мужъ честной — человѣкъ, всегда возвращается къ женѣ своей, или, лучше сказать, никогда ея не покидаетъ: она лучшій другъ его, искренній его повѣренный; она потребность, успокоеніе сердца его. Женщины требуютъ отъ мужей своихъ больше любви, нежели дружбы; и это-то самое скопляетъ на горизонтѣ супружеской жизни столько тучь. Любовь, дитя желанія: что въ нашей власти, того мы перестаемъ желать. Дружба растетъ и укрѣпляется отъ времени: привычка родитъ довѣренность, пріязнь, и сопрягаетъ отчасу тѣснѣе узелъ супружества. Я увижусь съ Альцибіядомъ, поговорю съ нимъ сама и черезъ друзей своихъ; и естьли вамъ угодно завтра придти въ этотъ храмъ, то, надѣюсь, получите благопріятный отвѣтъ." — Ипарета согласилась, увѣряя

меня со слезами въ дружбѣ своей и признательности.

„На другой день послала я звать къ себѣ Альцибіяда. — „У меня есть важное до васъ дѣло, сказала я ему. Судя по наружности, вы нѣсколько цѣните пріязнь мою. — Я бы не пожалѣлъ ничего, чтобъ имѣть щастіе вамъ понравиться. — Вотъ какой услуги я отъ васъ требую. Вить вы очень дружны съ Клеомедомъ? — Это искренній мой пріятель, малой умной, любезный Эпикурецъ, весельчакъ, вѣтренникъ; сластолюбивъ, какъ Аѳинецъ, но отваженъ въ совѣтѣ и неустрашимъ на войнѣ. — Точный его портретъ. Но не довольно быть отважнымъ и любезнымъ: надобно еще быть справедливымъ, и, для содѣланія собственнаго своего щастія, дѣлать щастливыми окружающихъ насъ. Клеомедъ вашъ обходится съ супругою своею Эринною весьма холодно, даже не удостоиваетъ говорить съ нею. Не только не старается загладить передъ нею грѣховъ своихъ противъ заповѣдей Гименеевыхъ, онъ еще выставляетъ

свои невѣрности, хвалится своими побѣдами и старается имѣть видъ самой равнодушной. — Это не простительно; я побраню его. — Эринна, которая все любитъ его, Эринна мучится, сохнетъ, плачется на судьбу свою. — Ну! ну! что жь мнѣ дѣлать? вы знаете, что я самъ первой волокита; что я всего чаще ссорю супруговъ, а не мирю. — И однако, по прозьбѣ моей, надобно вамъ поступить на этотъ разъ не такъ, какъ вы обыкновенно поступаете, и примирить Клеомеда съ Эринною; надобно усовѣстить друга вашего, чтобъ онъ впередъ обходился съ супругою своею любовнѣе, и имѣлъ бы къ ней ту вѣжливость и вниманіе, какое честной человѣкъ обязанъ имѣть къ подругѣ дней своихъ. Для этого приведете вы любезнаго Эпикурейца въ малой Веперинъ храмъ. Жена его будетъ тамъ же. Въ семъ-то храмѣ, передъ образомъ богини, поклянется онъ не въ вѣрности къ ней (это сверьхъ силъ его), но въ томъ, что будетъ любить ее, уважать, стараться о ея

благополучіи. — Это сущая бездѣлка. Мнѣ бы хотѣлось доказать вамъ преданность свою чѣмъ нибудь важнѣйшимъ. Даю слово повидаться съ Клеомедомъ, объяснюсь съ нимъ покрупнѣе, припомню ему обязанности супруга. — Онъ теперь здѣсь, гуляетъ въ саду. Пойдемъ къ нему." — Клеомедъ былъ со мною въ заговорѣ; я пересказала ему ролю его, и онъ ожидалъ только минуты выступить на сцену. Какъ скоро мы пришли, Альцибіядъ напалъ на него безъ всякой пощады; представлялъ ему, что друзья, что всѣ Аѳины не одобряютъ поступковъ его съ Эриною; прибавилъ къ тому, что когда свѣтской человѣкъ имѣетъ нещастіе обмануть жену, то по крайней мѣрѣ шалости свои долженъ онъ вознаградить отличнымъ вниманіемъ къ ней, ласковостію. Клеомедъ признавался, что онъ не безъ грѣха; винился кое въ какихъ неважныхъ проступкахъ; и не таилъ, что любовь къ разсѣянности и забавамъ иногда заводитъ его далеко. — „Оставьте меня, примолвилъ онъ, еще

нѣсколько лѣтъ въ покоѣ; пусть пройдетъ эта горячка молодости: а тамъ, даю честное слово, тамъ буду носить ярмо Гименеево безъ ропота, съ терпѣніемъ самаго Сократа (*)." – „Это когда-то еще будетъ, отвѣчаетъ Альцибіядъ. Одного обѣщанія для насъ не довольно. Конечно, мы не запрещаемъ тебѣ, иногда, тихонько и погулять; но требуемъ теперь искренняго твоего примиренія съ Эринною, и вѣрнаго слова, что сдѣлаешь ее столько щастливою, сколько въ твоей возможности." – Клеомедъ, послѣ минутнаго притворнаго колебанія, какъ будто чтобъ отвязаться отъ насъ, обѣщалъ полное удовлетвореніе женѣ своей." – „Вѣрю очень твоему доброму расположенію, сказалъ Альцибіядъ; но человѣкъ перемѣнчивъ, сердце его непостоянно. Хочу обязать тебя клятвою. Мы дадимъ знать Эриннѣ, чтобъ она пришла въ

(*) Ксантиппа, жена Сократова, весьма часто испытывала терпѣніе своего мужа.

храмъ Венеринъ, и сами будемъ туда. Передъ образомъ богини ты поклянешься женѣ своей въ дружбѣ, въ почтительной нѣжности, въ томъ, что будешь покоить ее. — Согласенъ на все. Какъ не послушаться такого важнаго, любомудраго примирителя?" — Я взялась увѣдомить Эринну, а собраться положено при захожденіи солнца. Ипарета, завѣшенная покрываломъ, была уже въ храмѣ предъ изображеніемъ Цитереи. Слабой свѣтъ освѣщалъ ее. Альцибіадъ подошелъ къ ней и взялъ за руку, чтобъ подвести къ Клеомеду; но чувствуя, что рука ея дрожитъ, говорилъ: — „Ободритесь; супругъ вашъ готовъ загладить свои вины передъ вами; онъ поклянется въ томъ предъ лицемъ боговъ. Ну, любезный мой Клеомедъ! произнеси сладостнѣйшій обѣтъ. — Я готовъ; но пожалуй сказывай мнѣ, я стану повторять за тобою. — Охотно, охотно, отвѣчаетъ шутливо Альцибіадъ. Ну, говори: — „Клянусь Венерою и сыномъ ея, хранить всегда къ супругѣ моей

„привязанность, дружбу, уваженіе, по-
„чтительную нѣжность; клянусь ока-
„зывать ей возможныя угожденія и
„стараться о ея благополучіи. Есть-
„ли жь я преступлю клятву свою; то
„да поразитъ меня Богиня всемъ гнѣ-
„вомъ своимъ, и да воспламенитъ во
„мнѣ, какъ въ Пазифаѣ, звѣрскую
„страсть къ какому нибудь чудовищу,
„отвратительнѣйшему самаго Минота-
„вра!" — Послѣ такихъ заключеній
служитель олтаря заклалъ жертву,
возліялъ въ избыткѣ вино, и воскли-
кнулъ: — „Да проліется по землѣ кровь
того, кто преступитъ клятву свою,
какъ вино и кровь сей жертвы проліян-
на по олтарю сему!" — „Принимаю
„обѣтъ! вскричала тутъ Ипарета, и
„клянусь Кипридою, ея нетлѣнною кра-
„сотою, быть всегда вѣрною Альцибі-
„яду, и вѣчно любить его. Въ против-
„номъ же случаѣ да превратитъ Боги-
„ня клятвопреступницу въ летучую
„мышь, какъ превратила она дочерей
„Минеевыхъ!" — Каково было положе-
ніе Альцибіяда, когда онъ узналъ голосъ

Ипареты, жены своей. Онъ остолбенѣлъ подобно слабой Прокрисѣ, когда она въ обольстителѣ своемъ узнала Кефала, своего супруга, принявшаго на себя чужой образъ. Тогда я сказала ему съ усмѣшкою: клятва произнесена; Венера слышала: осмѣлится ли Альцибіадъ нарушить ее? — Быть такъ. Вижу, что я въ западнѣ. — Ты только что прочелъ мнѣ, сказалъ ему Клеомедъ, такое прекрасное поученіе о должностяхъ супруговъ! не прикажешь ли повторить его? — Не трудись; я помню, что сказалъ, и почитаю правила свои столь основательными, столь согласными съ разсудкомъ, что охотно подтверждаю свою клятву." — Тутъ обнялъ онъ Ипарету, которая въ восторгѣ своего блаженства не помнила себя; но радость ея уступила мѣсто замѣшательству и стыду, когда Альцибіадъ сказалъ: — „Благодари Ласѳенію. Мы ей обязаны примиреніемъ своимъ." — Ласѳенію? вскричала она. — „Точно такъ, примолвилъ Клеомедъ: любезную, чувствительную философку Ласѳенію." —

При сихъ словахъ она еще больше замѣшалась и потупила глаза. Чтобъ вывести ее изъ такого безпокойнаго положенія, я тихонько вышла, оставивъ ее съ Клеомедомъ и Альцибіядомъ.

„На другой день Ипарета посѣтила меня, и засыпала благодарностями своими и извиненіями, что имѣла такія обидныя на меня подозрѣнія, что такъ худо обо мнѣ думала. — „Я этимъ не оскорбляюсь, отвѣчала я. Всякой благомыслящій человѣкъ долженъ стараться пріобрѣсть почтеніе своихъ согражданъ; но естьли они несправедливы, пристрастны, криводушны; то ему надлежитъ искать тогда убѣжища въ совѣсти своей, довольствоваться собственнымъ своимъ уваженіемъ, и ожидать отъ времени безпристрастнѣйшаго суда. Естьли бы Протогенъ изобразилъ меня объ одномъ глазѣ, подъ чертами отвратительными, въ тѣхъ мысляхъ, что я дѣйствительно такова: то могла ли бъ я тѣмъ обижаться? Ни мало. Я бы только смѣялась его ошибкѣ. Вы поступили такъ же, какъ этотъ живописецъ. Не зная меня лично,

вы составили себѣ воображительный портретъ, а не мой. Я довольно уже отомщена, естьли успѣла возстановить ваше щастіе, естьли вы примете мою дружбу и удостоите меня своей." — Разговоръ нашъ кончился живѣйшими, трогательнѣйшими изъявленіями взаимной привязанности и любви. Съ тѣхъ поръ я часто видаюсь съ нею, подкрѣпляю ее дружескими совѣтами, которыхъ она не отвергаетъ, и гораздо съ большимъ терпѣніемъ и равнодушіемъ переноситъ шалости вѣтренаго Альцибіяда. За то онъ оказываетъ ей всѣ ласки, всѣ возможныя угожденія.

„То, что я теперь разсказала тебѣ, примолвила Лаѳенія, должно разсѣять всѣ твои подозрѣнія, и показать тебѣ ощутительнымъ образомъ, что у меня съ Альцибіядомъ ничего нѣтъ больше, кромѣ дружеской связи. Онъ никогда не былъ для меня опасенъ, и я смѣю льстить себя надеждою, что Паллада, заступница Аѳинъ, охраненію которой и я поручила себя, покроетъ меня впредь эгидомъ своимъ

отъ стрѣлъ любви. — Но время намъ возвратиться домой. Часъ обѣда приближается; думаю, гости ждутъ меня.

ГЛАВА XXV.

Обращенie на путь истинный. Прелестницы Дамо. Обѣдъ у Ласѳенiи. Что есть мудрецъ? Забавная черта Сократова.

На возвратномъ пути встрѣтили мы невольника, которой шелъ увѣдомить Ласѳенiю, что Полемонъ и Дамо уже пожаловали. — „Какъ! Полемонъ, сказалъ я, этотъ первостатейной сластолюбецъ, которой сдѣлалъ надъ собою такой внезапной и чудной переломъ; которой однимъ скочкомъ изъ объятiй нѣги очутился вдругъ среди суровостей Философiи?" — Точно такъ. Что касается до Дамо, ты ее не знаешь. Это была славная прелестница, славная своимъ умомъ, красотою, любовными затѣями, и отвѣтомъ своимъ софисту Стильпону, укорявшему ее, что она

развращаетъ юношество. — „Не все ли равно? отвѣчала Дамо: прелестница ли развращаетъ его, или Софистъ. — Самая эта Дамо, эта Нимфа разврата, эта соблазнительница, увидѣла однажды портретъ Полемоновъ. Важный, величавый видъ его, и эта ясность во взорахъ, доказательство невозмутимой, чистой совѣсти, сдѣлали на нее такое сильное впечатлѣніе, что она устыдилась ложныхъ своихъ забавъ и раскаялась въ своихъ проступкахъ. Исправленіе ея было скоропостижное. Она перемѣнила совершенно образъ своей жизни, начала посѣщать училища Философовъ, особливо то, въ которомъ преподавалъ наставленія свои Полемонъ; приказала построить себѣ маленькой домикъ въ сосѣдствѣ съ нимъ; и теперь живетъ, по собственному ея признанію, во сто разъ благополучнѣе, занимаясь въ тишинѣ Философіею, исполненіемъ правилъ добродѣтели и обработываніемъ своего садика. Столько-то правда, какъ говоритъ одинъ изъ на-

шихъ мудрецовъ, что живопись и рѣзное искуство больше дѣйствуютъ на исправленіе нравовъ, нежели поученія Философовъ!

Когда мы пришли, я тотчасъ отправился въ купальню, гдѣ, имѣя вообраafженіе наполненное Ласѳеніею, не переставалъ объ ней думать. Разумъ ея, болѣе украшенный; Философія, болѣе привлекательная; ея прелести, сохранившія отъ порядочной и дѣятельной жизни всю свѣжесть свою, воспламенили снова огонь, которой не погасалъ, а только тлился подъ пепломъ, и опять сдѣлали меня страстнымъ любовникомъ. Я мечталъ, погруженный въ сихъ сладкихъ думахъ, какъ пришли сказать мнѣ, что обѣдъ готовъ.

Столъ Ласѳеніинъ былъ школою умѣренности. Ласѳенія любила ее во всемъ не только изъ экономіи, имѣя не слишкомъ большой достатокъ, котораго она не старалась никогда пріумножить; но и по главнѣйшему закону Игіенны. Не смотря на то, лучшіе люди изъ Аѳинъ по своей любезности, по

своимъ дарованіямъ и свѣденіямъ, искали чести быть за столомъ у Ласѳеніи. Она также допускала къ нему людей и самыхъ простыхъ. Когда ей объ этомъ говорили, она отвѣчала, что это люди честные и добрые, и что *сердце скорѣе дружитъ насъ, нежели разумъ.* Сама она составляла лучшую приправу своихъ пировъ своими дарованіями, тихою веселостію и пріятностію своего голоса. Въ числѣ гостей былъ Протагоръ, пріобрѣвшій великую славу краснорѣчіемъ, въ которомъ онъ упражнялся сорокъ лѣтъ. Съ помощію его нажилъ онъ больше, нежели сколько бы могли нажить вмѣстѣ десять славнѣйшихъ художниковъ своими произведеніями. Онъ сказывалъ намъ, что ученикъ его Продикъ, Ораторъ, какъ и онъ, говорилъ рѣчи за всякую плату. — „Я кое-что объ немъ знаю, сказала Ласѳенія, потому что имѣла любопытство ходить слушать его. У него есть рѣчи цѣною отъ двухъ оболовъ до пятидесяти драхмъ. Я слышала всякія, и нашла, что пятидесяти-драхмныя

очень дороги.“ — ПротагорЪ, какЪ и всѣ софисты, вЪ томЪ поставлялЪ славу, чтобЪ безЪ приготовленія говорить обо всѣхЪ предметахЪ. Одно и тоже онЪ защищалЪ и опровергалЪ по желанію слушателей. Рѣчь зашла о томЪ, что есть мудрый, и мы просили Протагора дать намЪ его изображеніе. — „ВотЪ оно, говорилЪ софистЪ: надѣюсь, что ПолемонЪ и Ласѳенія узнаютЪ себя вЪ сихЪ чертахЪ.“ — ПолемонЪ отблагодарилЪ смиренно-гордымЪ наклоненіемЪ головы; а Ласѳенія со всею скромностію потупила глаза. — „Мудрый умѣетЪ владѣть собою; онЪ мало заботится о произшествіяхЪ. ДоволенЪ будучи своимЪ состояніемЪ, онЪ не желаетЪ другаго. ОнЪ все испыталЪ, и знаетЪ, что перемѣною участи своей не выиграетЪ ничего; онЪ весьма мало имѣетЪ нужды вЪ другихЪ. Безпрестанно занимаясь упражненіемЪ душевныхЪ своихЪ способностей, онЪ наслаждается безЪ отвращенія, безЪ терзанія совѣсти, собою и міромЪ. Такой человѣкЪ есть безЪ

сомнѣнія существо ближайшее къ щастію. Удовольствія физическія и нравственныя, которыми наслаждается онъ поперемѣнно, упрочиваютъ его благополучіе. Въ напастяхъ и бѣдахъ, онъ страдаетъ меньше другаго. Сила души подкрѣпляетъ его, разумъ утѣшаетъ.“

Мы расхвалили Протагора за вѣрность портрета, и согласились единодушно, что свѣденія, таланты, образованіе ума и сердца, доставляютъ чистыя наслажденія, расширяютъ кругъ нашихъ удовольствій, сугубятъ дѣятельность жизни, и служатъ охранительнымъ средствомъ отъ безчисленныхъ золъ, существенныхъ или мнимыхъ, обременяющихъ большую часть людей. Дамо и Полемонъ признавались, что лучь блаженства не прежде озарилъ ихъ, какъ когда возпрянули они изъ тины ложнаго эпикуреизма, и стали на стезю добродѣтели и Философіи.

Зашла рѣчь о смерти Философа Хризиппа. — „Слышно, онъ опился виномъ, сказала Ласѳенія. Конецъ, достойный мнимаго мудреца, осмѣливша-

тося сказать: „Естьли бъ я зналъ кого нибудь, больше меня свѣдущаго, я бы тотчасъ пошелъ къ нему учиться!“ Думаю, что потомство весьма усердно посмѣется надъ ребяческою кичливостію нашихъ Философовъ. — „Не спорю съ вами, что онъ былъ самой заносчивой человѣкъ, отвѣтствовалъ Протагоръ. Но что касается до слуховъ о его кончинѣ, это сущій вздоръ: онъ не отъ вина умеръ, а отъ того, что слишкомъ много смѣялся, смотря, какъ оселъ изволилъ кушать смоквы изъ серебрянаго сосуда.“ —

„Полемонъ, которой, послѣ нравственнаго своего превращенія, бросилъ вино, сказалъ тутъ: „Положимъ, что Хризиппъ умеръ не отъ опою; но то несспоримо, что излишнее употребленіе вина должно было разстроить его здоровье. И въ самомъ дѣлѣ, мнѣ кажется, нѣтъ ничего вреднѣе, ничего смѣшнѣе даже, какъ всякой день опиваться этимъ обезумливающимъ напиткомъ. Виноградъ, говаривалъ Анахарсисъ, приноситъ троякой плодъ: *веселость, опьянѣ-*

лость и *раскаяніе*. Природа дала намъ для питья воду. Всѣ прочія животныя пьютъ ее одну, и всегда здоровы. — „Полемонъ забываетъ, сказалъ Протагоръ, что вино у Эскулапа было всеобщимъ лѣкарствомъ для больныхъ. Инымъ предписывалъ онъ его для возбужденія ихъ, другимъ для усыпленія. А чтобъ доказать доброту своего пользованія, Эскулапъ побился объ закладъ, что самъ не будетъ болѣнъ никогда. Онъ выигралъ, потому что умеръ отъ паденія, уже въ глубокой старости. Самъ мудрый Иппократъ совѣтовалъ пить, отъ времени до времени, чистое вино, и даже напиваться до пьяна. Да и какъ иначе? вино весьма годится для человѣка: оно помогаетъ варенію, дополняетъ умаленіе соковъ, поправляетъ желчь, умножаетъ испарину и жизненную теплоту, которая убываетъ. Мы всѣ помнимъ, какъ не давно Филократъ, послѣ сильной Димосѳеновой рѣчи противъ Филиппа, взмостился на каѳедру, не дожидаясь зову публичнаго

крикуна (*), и сказалъ не думавши, не гадавши: „Аѳиняне! мудрено ли, что Димосѳенъ и я совсѣмъ противныхъ мнѣній? Онъ пьетъ воду, а я пью вино.“ Эта необыкновенная рѣчь произвела великой смѣхъ въ народѣ. Говоря такъ убѣдительно о спасительныхъ дѣйствіяхъ вина, Протагоръ однимъ залпомъ осушилъ чашу свою. — „Вижу ясно, отвѣчалъ Полемонъ съ усмѣшкою, что противникъ мой защищаетъ здѣсь сторону своей любовницы; но ему, думаю, извѣстно, что вода чистая есть самое главное и употребительнѣйшее питье людей; что она великое разрѣшающее вещество (un grand diffolvant); что тѣ, кои пьютъ воду, здоровѣе и

(*) Когда народъ уже былъ въ собраніи, то крикунъ возглашалъ: *не желаетъ ли кто говорить, кому болѣе пятидесяти лѣтъ?* Послѣ него онъ кричалъ опять: *еще кто?* Такимъ образомъ каждой имѣлъ свой черёдъ. Потомъ, въ силу закона Солонова, старшіе имѣли право говорить прежде. Но этотъ законъ, при Димосѳенѣ, не во всей строгости наблюдался.

крѣпче употребляющихъ вино; что у нихъ вообще мысли чище, память тверже, чувства тонѣе и нѣжнѣе. Славной нашъ Димосѳенъ служитъ тому примѣромъ. Пусть Протагоръ и Антифилъ (имя одного изъ гостей), которые такъ часто ласкаютъ эту червленную чашу, пусть, говорю, скажутъ мнѣ: будутъ ли они, вставая изъ-за стола, чувствовать, какъ я, эту легкость въ тѣлѣ, и эту ясность въ душѣ, доказательство порядочнаго и легкаго сваренія? Не думаю. Напротивъ голова ихъ отяжелѣетъ, глаза помутятся, ноги ослабнутъ." — Поелику дѣло дошло до меня, отвѣтствовалъ Антифилъ: то я скажу Полемону, что онъ смѣшиваетъ злоупотребленіе вина съ умѣреннымъ его употребленіемъ. Вино веселитъ сердце человѣка. Въ немъ есть теплотворное вещество, оживляющее чувства, придающее бодрости." — *Полемонъ.* Не вѣрю. Поселяне, не знающіе другаго напитка, кромѣ воды, гораздо крѣпче городскихъ жителей, употребляющихъ вино. — *Анти-*

филЪ. НѣкоторыЕ такЪ думаютЪ, но я инаго мнѣнія. Это еще не доказано. — „Для прекращенія вашего спору, сказала тутЪ Ласѳенія, совѣтую Антифилу чаще примѣшивать воды кЪ своему вину, а Полемону иногда вина кЪ своей водѣ.“ — Такое рѣшеніе произвело смѣхЪ. Между тѣмЪ уговорили Полемона выпить Лесбійскаго вина, припомнивЪ ему пословицу, что *не мѣшаетЪ кстати и подурачиться* (*).

ПослѣЪ того сказалЪ намЪ АнтифилЪ, что ДинократЪ АргосянинЪ одержалЪ побѣду вЪ ристалищѣ колесницЪ на ОлимпійскихЪ играхЪ. — „Слава, примолвилЪ онЪ, протрубила уже обЪ немЪ по всей Греціи. Уже піиты и живописцы наперерывЪ стараются предать потомству имя его и образЪ. УвѣнчанЪ лавровымЪ вѣнкомЪ, онЪ возвратился вЪ свою отчизну. Дорога, по которой онЪ ѣхалЪ, была для него, отЪ начала до конца, торжественнымЪ шествіемЪ. АргосЪ принялЪ его сЪ

(*) Dulce eſt deſipere in loco.

большимъ великолѣпіемъ и почестями, нежели Аѳины Мильціяда послѣ Мараѳонской побѣды. . . .“ Полемонъ, выслушавъ съ улыбкою Антифила, сказалъ намъ: — „Это торжество, эти почести, приводятъ мнѣ на память забавный Сократовъ поступокъ съ Альцибіядомъ, возвратившимся изъ Олимпіи, увѣнчаннымъ тремя наградами за одержаніе побѣды на ристалищѣ колесницъ. Вся Греція наперерывъ поздравляла его и торжествовала богатырской его подвигъ. Лишь только появился онъ въ Аѳины, весь городъ бросился къ нему опрометью; одного Сократа не было. Уже на другой день пожаловалъ онъ, и вмѣсто побѣдителя спрашивалъ *побѣдителей.* Какъ невольники его не понимали, то онъ велѣлъ проводить себя въ конюшню; вошелъ туда со всѣми, при немъ бывшими, и просилъ показать бѣгуновъ. Когдажъ ихъ вывели, онъ подошелъ къ нимъ, свидѣтельствовалъ имъ глубокое свое почитаніе, насказалъ множество вѣжливостей на щотъ ихъ проворства, и привѣтствовалъ съ при-

обрѣтенною славою. Зубоскалы прокричали передъ ними Эврипидову оду, сочиненную въ честь Альцибіяду. Послѣ такой комедіи, Сократъ ушелъ, не спросивши даже побѣдоноснаго рыцаря." —

Разговоръ и между самыми учеными есть птица, перепорхивающая съ вѣтки на вѣтку. Въ бесѣдѣ не заходятъ глубоко ни въ какое разсужденіе. Говорятъ о многомъ, ничего не изслѣдывая въ тонкость, и безпрестанно прыгая отъ предмета къ предмету. Такимъ образомъ зашла рѣчь о зависти, которая ядовитымъ зубомъ своимъ терзаетъ дарованія и достоинства, и которая хвалитъ мертвыхъ изъ ненависти къ живымъ. — „Въ саду у себя, сказалъ Протагоръ, поставилъ я въ гротѣ изображеніе этого чудовища. Вотъ описаніе его: „Глаза мутные, глубоко-впалые, цвѣтъ посинѣлый, по всему лицу морщины; на головѣ, вмѣсто волосъ, извиваются змѣи; въ одной рукѣ держитъ оно три змѣи, въ дру-

гой седьми-главую гидру, а грудь его грызетъ скорпіонъ."

ГЛАВА XXVI.

Трагическое произшествіе.

Къ слову о зависти, Дамо разсказала намъ трагическое произшествіе, случившееся въ бытность ея въ Коринѳѣ съ двумя живописцами, Эгезиппомъ и Каллистратомъ. — „Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ были они весьма дружны, но дружба ихъ сдѣлалась еще тѣснѣе, когда Каллистратъ женился на Клеобулинѣ, сестрѣ Эгезипповой. Участь сихъ трехъ смертныхъ была бы самая блаженная, естьли бъ демонъ зависти не вкрался въ душу перваго. Искусство Эгезиппа съ каждымъ днемъ приходило въ совершенство, Геній его становился отважнѣе, его картины возбуждали удивленіе и превосходили, по мнѣнію знатоковъ, работу друга его. Къ тому жъ Эгезиппъ, будучи характера самаго

любезнаго и пріятнаго, веселъ и обходителенъ, имѣя сверхъ того физіономію самую щастливую и скромность рѣдкую, находилъ вездѣ свободной доступъ, вездѣ принимаемъ былъ съ отличнымъ удовольствіемъ и уваженіемъ. Но Каллистрату не было такой удачи. Эти успѣхи, это предпочтеніе, раздражили его еще больше. Онъ не имѣлъ ни одного изъ любезныхъ качествъ своего друга; отчасу дѣлался мрачнѣе, брюзгливѣе, такъ, что жена осмѣлилась выговаривать ему, хотя съ отмѣнною тихостію. Зять его, приписывая эту пасмурность какому нибудь неблагопріятному обороту фортуны, предложилъ ему свой кошелекъ и просилъ брать, сколько ему угодно: ничто не могло смягчить этого звѣрскаго сердца. Эгезиппъ трудился надъ прекрасною картиною, коея содержаніемъ былъ — „споръ Венеры съ Амуромъ: кто изъ „нихъ скорѣе наполнитъ корзинку свою „цвѣтами. На одной половинѣ предста„влена была богиня, съ улыбкою на „устахъ, увѣнчанная миртами и розами;

„на другой Амуръ, машущій росписны-
„ми своими крылушками, пурпуровыми
„и свѣтлоголубенькими, и порхающій
„вокругъ цвѣтовъ, которые онъ торо-
„пился срывать. Но позади Кипрыды
„была Перистера, молодая, прелестная
„Нимфа, которая украдкою приносила
„ей цвѣты и бросала ихъ въ ея корзин-
ку.“ — Эгезиппъ нѣсколько разъ просилъ
Каллистрата придти посмотрѣть его
картину, и сообщить ему свои объ ней
замѣчанія. Но злонамѣренный художникъ
всегда отговаривался подъ разными пред-
логами, и увидѣлъ картину только тогда,
когда Эгезиппъ совсѣмъ ее кончилъ. Это
произведеніе было такъ прекрасно, от-
дѣлка такъ совершенна, что уязвлен-
ная зависть не могла заплатить ей
дани удивленія. Каллистратъ судилъ,
охуждалъ, требовалъ во многихъ мѣстахъ
поправокъ, хотѣлъ смарать самыя луч-
шія черты. Эгезиппъ не пренебрегалъ
его мнѣній; но удивляясь строгости и
брюзгливости своего Аристарха, онъ
отнесся еще къ людямъ столь же зна-
ющимъ и гораздо безпристрастнѣйшимъ,

и по совѣту ихъ выставилъ на зрѣлищѣ свою картину, такъ какъ она была. Успѣхъ превзошелъ чаяніе: толпами сбѣгались смотрѣть ее, и слава провозгласила вездѣ имя Эгезиппово. Какая мучительная рана для души завистливой! Между тѣмъ Каллистратъ старался утѣшить себя надеждою, что картина, надъ которою онъ втайнѣ трудился, чтобы противопоставить ее произведенію своего соперника, затмитъ его совершенно, и помрачитъ славою творца своего славу Эгезиппову. Эта картина представляла — „десятимѣсячнаго Геркулеса, лежащаго съ братомъ своимъ „Ификломъ, которой моложе его одною „ночью, на широкомъ щитѣ отца ихъ „Амфитріона. Два змѣя ужасной величины заползли на этотъ щитъ; изгибистой хребетъ ихъ воздымается и „клубится; изъ челюстей течетъ черной ядъ. Ификлъ, блѣдный, трепещущій отъ ужаса, кажется испускаетъ „страшной вопль. Геркулесъ маленькими ручонками своими схватываетъ за „горло двухъ чудовищъ, и улыбаясь къ

„матери своей Алкменѣ и Амфитріону,
„прибѣжавшимъ на крикъ Ификловъ,
„показываетъ имъ змѣй умерщвленныхъ.
„Амфитріонъ имѣлъ на себѣ щитъ и
„препоясанъ былъ широкимъ мечемъ.“ —
Эта картина выставлена на зрѣлище
безъ имени художника, спустя нѣсколько дней послѣ картины Эгезипповой.
Но какъ колоритъ ея былъ слабъ, а
особливо недоставало ей живости и
силы выраженія; то она не произвела
никакого дѣйствія. Объ ней поговорили
день, и оставили ее, чтобъ заниматься мастерскимъ произведеніемъ Эгезиппа. Такая неудача воспламенила душу Каллистратову злобою фурій; и онъ
въ бѣшенствѣ своемъ поклялся погубить слишкомъ щастливаго соперника.
Въ одну темную ночь, переодѣтый,
съ кинжаломъ въ рукѣ, онъ ожидалъ
его въ улицѣ, которая прямо идетъ
къ Лехею (*). Какъ скоро Эгезиппъ
показался, онъ бросается на него, по-

(*) Коринѳская гавань у Истма.

ражаетъ двумя ударами, повергаетъ на землю, и оставляетъ плавающаго въ крови своей при подножіи бронзовой Меркуріевой статуи. По совершеніи злодѣйскаго умысла своего, извергъ тотчасъ возвращается домой. Жена, встревоженная смертною его блѣдностію, съ дикимъ видомъ, съ свирѣпыми взглядами приступаетъ къ нему, спрашиваетъ; но онъ не отвѣчаетъ ни слова, ходитъ скорыми шагами, садится, встаетъ. Видя его въ такомъ жестокомъ волненіи, Клеобулина старается успокоить нещастнаго, осмѣливается употребить ласки; но онъ сурово отклоняетъ ихъ; бѣшенство его, кажется, тѣмъ усугубляется. Въ ту минуту слышенъ у дверей стукъ: это Эгезиппъ умирающій идетъ искать пристанища въ дому друга своего. Прохожіе нашли его покрытаго кровью, ползущаго съ усиліемъ; спрашиваютъ, куда онъ прикажетъ себя отнести. — „Къ Каллистрату, отвѣтствуетъ онъ, къ другу, брату моему; онъ приметъ послѣдній вздохъ мой." — При имени

Эгезиппа ужасъ поражаетъ убійцу; онъ бѣжитъ сокрыться во мракѣ, въ верхней части дома. Клеобулина бросается къ брату, рыдаетъ, не знаетъ что дѣлать, истощаетъ всѣ пособія. Между тѣмъ Эгезиппъ спрашиваетъ Каллистрата, хочетъ его видѣть, прижать къ сердцу своему, пока оно еще бьется. Клеобулина ищетъ злодѣя, приводитъ его насильно. Онъ обнимаетъ кончающагося своего друга; какъ крокодилъ, плачетъ надъ ранами его; дерзновенно спрашиваетъ, какой извергъ могъ посягнуть на такое ужасное злодѣяніе. — „Не знаю, мой другъ, отвѣтствуетъ Эгезиппъ голосомъ мертвѣющимъ, я не могъ различить его; но знаю то, что никогда не оскорбилъ никого, по крайней мѣрѣ съ умысломъ: я не заслужилъ такой горькой участи. — Такъ, любезный мой Эгезиппъ! вскричалъ его палачь, такъ, неоцѣненный мой другъ! одно чудовище могло на тебя поднять убійственное желѣзо.“ — При сихъ болѣзненныхъ восклицаніяхъ онъ наклонился къ нему, осыпалъ его

нѣжнѣйшими ласками; казалось, изчезалъ отъ скорби. — „Смерть моя не совсѣмъ горька, сказалъ Эгезиппъ: ибо умираю въ объятіяхъ моего брата, моего друга; дай мнѣ руку свою; хочу пожать ее въ послѣдній разъ.“ — Каллистратъ поднимаетъ оледенѣлую ту самую руку, которая пронзила сердце друга, и не страшится подать ее умирающему. — „Не плачь по мнѣ, любезный мой Каллистратъ, примолвилъ Эгезиппъ; утѣшься, скорбь твоя для меня мучительна; не оставляй сестры моей; а тебѣ, Клеобулина, препоручаю твоего супруга, лучшаго изъ друзей моихъ. Простите, будьте благополучны.“— Это послѣднія слова его. Какъ скоро испустилъ онъ духъ, Каллистратъ убѣгаетъ; терзаемъ грызеніями совѣсти, преслѣдуемъ Фуріями; злодѣй повергается на ложе, вскакиваетъ, толчетъ въ стѣну, воетъ, терзаетъ на себѣ волосы, раздираетъ платье. Жена, слѣдовавшая за нимъ, видитъ его въ такомъ изступленіи, въ такихъ порывахъ бѣшенства, не смѣетъ ступить далѣе, и дрожитъ отъ страха.

Каллистратъ усматриваетъ ее, и, имѣя еще довольно надъ собою власти, принимаетъ личину притворства, подходитъ къ ней и говоритъ: — „Ты видишь, до чего доводитъ меня смерть такого любезнаго друга! я въ отчаяніи; даже не имѣю утѣшенія отмстить за твоего брата, исторгнуть духъ у проклятаго его убійцы: увы! я не знаю, кто онъ. — Ты не знаешь его? такъ я знаю. — Ты? — Да, я; и скажу тебѣ его имя: ты, самъ ты это чудовище! возьми кинжалъ и поражай убійцу! дыханіе твое ядовито; оно отравляетъ воздухъ, которымъ ты дышешь!“ — Послѣ такого страшнаго восклицанія, Клеобулина убѣгаетъ изъ дому, и скрывается у одной изъ сестеръ своихъ. Каллистратъ въ ту же ночь удалился изъ Коринѳа, и съ тѣхъ поръ не слыхала я ничего о судьбѣ этого изверга. Нѣтъ сомнѣнія, что есть-ли онъ избѣгъ мщенія людей, то пламень Небесный пожретъ его.“ —

Сердце у насъ обливалось кровью при семъ плачевномъ повѣствованіи.

Проклятія градомъ сыпались на главу этого чудовища, называемаго завистію, которое преслѣдуетъ дарованія, алкая поглотить ихъ съ корнемъ, или отравить ядовитою своею пѣною. Тутъ Ласѳенія спросила Полемона, былъ ли онъ въ Коринѳѣ? — „Когда я пресмыкался еще по кривымъ стезямъ распутной жизни, то имѣлъ было намѣреніе туда путешествовать; но теперь не осмѣлился бы приближиться къ городу, гдѣ соблазнительницы не только въ чести и во всеобщемъ уваженіи, но гдѣ еще молятся Венерѣ о сохраненіи ихъ въ мирѣ цѣлыхъ и здравыхъ, и о размноженіи племени ихъ.“ — Послѣ того просили Полемона прочесть что нибудь изъ сочиненія, которое онъ писалъ о нравахъ, характерѣ и обычаяхъ Аѳинянъ. — „Весьма охотно, отвѣчалъ онъ, и больше потому, что для приведенія къ окончанію моей работы, за нужное почитаю подвергнуть ее строгому взору моихъ друзей и суду какого нибудь Аристарха.“ — Въ ту самую минуту Протагоръ чихнулъ. Здрав-

ствуй! сказалъ Полемонъ, и всѣ повторили: здравствуй! Посмотримъ, примолвилъ Полемонъ, станетъ ли онъ по прежнему кушать. — „Всеконечно, отвѣчалъ Протагоръ, и ѣсть и пить." — За симъ непосредственно вытянулъ онъ чашу вина. — Поздравляю! иначе, то есть ежелибъ вы чихнувши потеряли аппетитъ, это бы былъ самой дурной для васъ знакъ. — А я столько жъ бы этого испугался, сколько нездоровой печенки какой нибудь жертвы." — Тутъ Ласѳенія просила Полемона отложить на минуту свое чтеніе и поговорить о чиханьѣ; о томъ, какъ вошло въ обычай поздравлять съ нимъ и выводить изъ него иногда добрыя, иногда худыя предвѣщанія. — „Съ удовольствіемъ, сказалъ Философъ; тѣмъ больше, что это краткое отступленіе не лишнее будетъ въ картинѣ нравовъ." —

ГЛАВА XXVII.

О происхожденіи обычая, поздравлять чихающихъ.

„Обычай, поздравлять тѣхъ, кои чихаютъ, есть изъ самыхъ древнихъ и весьма употребительныхъ. Преданіе говоритъ, что Прометей, образовавши перваго человѣка, похитилъ съ неба огонь и принесъ его въ маленькой скляночкѣ, которую приставилъ къ носу статуѣ, чтобы возбудить въ ней силу обонянія. Божественной флогистонъ проникъ тотчасъ въ голову, прошелъ въ фибры мозга, разлился по всѣмъ жиламъ, и первый знакъ жизни этого новаго существа былъ: *чихнуть*! Прометей, обрадованный до безконечности симъ движеніемъ, тотчасъ вскричалъ: *здравствуй*! Это желаніе сдѣлало на человѣка такое впечатлѣніе, что онъ послѣ употреблялъ его всегда при подобныхъ случаяхъ, и передалъ своимъ потомкамъ.

„Аристотель и другіе думали, что обычай, поздравлять чихающихъ, произо-

шелъ отъ благоговѣйнаго почитанія, которое встарину имѣли къ головѣ, какъ отличнѣйшей части тѣла, служащей обителію для души, гдѣ производитъ она всѣ свои дѣйствія. Египтяне и Греки такого мнѣнія, что чиханье есть Божеское извѣщеніе, такъ ли, или иначе поступить намъ въ извѣстныхъ обстоятельствахъ; или, лучше, оно есть предсказаніе какого нибудь щасливаго, или нещастнаго событія. Когда Ксенофонтъ говорилъ рѣчь къ своимъ солдатамъ, то одинъ изъ нихъ чихнулъ. Это почтено всѣмъ войскомъ за знакъ Божескаго благоволенія, и Полководецъ принесъ жертву благодаренія Вышнимъ. Однажды, какъ вѣрная Пенелопа молилась о возвращеніи Улисса, юный Телемакъ чихнулъ такъ сильно, что весь теремъ Царской, говорятъ, задрожалъ, и нѣжная супруга сія не сомнѣвалась послѣ того о исполненіи своихъ желаній.

„Вамъ извѣстно, что наши Піиты, когда хотятъ подольститься къ красавицамъ, поютъ въ своихъ стихахъ, что Амуры чихали при ихъ рожденіи.

Я зналЪ одну молодую дѣвушку, которая, писавши кЪ любовнику своему, чихнула, и почла это за такой щастливой знакЪ, что не сомнѣвалась больше о его любви. Мы Греки говоримЪ обыкновенно другЪ другу, когда кто чихнетЪ: ζῆθι! или Ζεῦ σῶσον! (живи! или, ЗевсЪ да сохранитЪ тебя!) Но есть люди, которые вЪ подобныхЪ случаяхЪ сами себѣ дѣлаютЪ такое поздравленіе.

„Надобно разбирать время и часЪ, когда кто чихнетЪ. Ежели гость чихнетЪ за обѣдомЪ, и перестаетЪ кушать: это дурной знакЪ. Естьли чихнешь, вставая по утру сЪ постели; то берегись во весь тотЪ день. Время самое благопріятнѣйшее для чиханья почитается сЪ полдня до полуночи, и когда мѣсяцЪ бываетЪ вЪ знакахЪ тельца, льва, вѣсовЪ, козерога, или рыбЪ. Что касается до прочихЪ созвѣздій, онѣ не предвѣщаютЪ добраго.

Надобно замѣтить еще, что чиханье почитается знакомЪ порядочнаго, здороваго и крѣпкаго состоянія головы. ВЪ этомЪ смыслѣ мы не даромЪ другЪ дру-

га привѣтствуемъ. Напротивъ того нѣкоторые Врачи утверждаютъ, что оно есть опасное и насильственное дѣйствіе. Естьли это такъ; то подлинно весьма не лишнее поздравлять чихающаго (*).

(*) Вотъ что говорятъ Раввины о чиханьѣ: По созданіи Богъ сперва уставилъ, чтобъ человѣку чихнуть одинъ разъ въ жизни, и чтобъ это была послѣдняя его минута. Этотъ одинъ родъ смерти извѣстенъ былъ до временъ Іакова. Сей мудрый Патріархъ смирился передъ Господомъ, и просилъ Его освободить раба своего отъ такой кончины. Молитва его услышана: онъ чихнулъ, и не умеръ, и тѣмъ привелъ въ крайнее удивленіе всѣхъ присутствовавшихъ. Іаковъ занемогъ: новое чудо! потому что до тѣхъ поръ не знали другой болѣзни, кромѣ смертнаго чиханья. Тогда не сомнѣвались болѣе, что Натура перемѣнила свои законы; и почли приличнымъ, въ послѣдствіи, говорить чихающимъ: *здравствуй*!

Этотъ обычай есть почти у всѣхъ народовъ. Римляне наблюдали его во всей точности; они говорили чихающему: ſalve (здравствуй), что отвѣчаетъ Греческому:

„Вотъ все, что мнѣ извѣстно о семъ странномъ обыкновеніи. Нынче не льзя чихнуть безъ церемоніи; естьли это когда выдетъ изъ моды, я жалѣть не буду. Теперь прочту вамъ нѣкоторыя мѣста изъ замѣчаній моихъ о здѣшнихъ нравахъ. Выбирать не стану: что попадется.“ — Тутъ развернулъ онъ свитокъ и началъ.

ζῆθι! Когда Царь Монотапской чихнетъ, то повѣщаютъ о томъ тотчасъ во всемъ городѣ, и вездѣ раздаются восклицанія и крики: *да здравствуетъ Царь*!

Въ Америкѣ, когда Кацикъ Гвакаякской чихалъ, говоритъ Сочинитель *завоеванія Флориды*, всѣ Индѣйцы преклонялись, повергались ницъ предъ нимъ, и воздѣвъ руки на небо, молили Солнце, да сохранитъ ихъ Обладателя, да просвѣтитъ его, да будетъ всегда съ нимъ!

ГЛАВА XXVIII.

Нравы Аѳинянъ.

„Аѳины такой городъ, коего отли-
чительныя черты суть: умъ, великость,
непостоянство, вѣтреность. Его обу-
реваютъ безпрестанныя народныя волне-
нія. Въ немъ около тридцати тысячь
жителей, не считая невольниковъ. Аѳи-
няне любятъ щегольство; нравы ихъ
близки къ изнѣженности. Они носятъ,
какъ женщины, шитое платье; какъ
женщины подкрашиваютъ себѣ лице, сур-
мятъ брови, пудрятся, натираются
драгоцѣнными ароматами, привѣшива-
ютъ къ ушамъ серьги, имѣютъ туалетъ,
носятъ карманныя зеркала, готоваленки;
жалуются на мигрень, на круженіе
головы, на трепетаніе нервъ. Молодые
люди знатнаго рода ужинаютъ съ ним-
фами радости, проводятъ время свое
у нихъ, или на площади въ народныхъ
собраніяхъ, или въ лавкахъ ароматo-
продавцовъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ
и брадобрѣевъ, куда входъ для всѣхъ
отворенъ. Тамъ болтаютъ они безъ

умолку о новостяхъ, до которыхъ всякой Аѳинецъ жаденъ; и стараются пересмѣять, освистать другъ друга. Будучи отъ природы насмѣшливы, они не щадятъ ни святыни, ни міра. Остальное время ихъ посвящено прогулкамъ, зрѣлищамъ, посѣщеніямъ. Важныя занятія ихъ состоятъ въ томъ, чтобы присутствовать при жертвоприношеніяхъ, при торжествахъ въ честь боговъ, при народныхъ совѣщаніяхъ, и чтобы являться въ Пританеѣ во всемъ блескѣ модныхъ нарядовъ. Толпами валятъ они въ Одеумъ (театръ), гдѣ играетъ дурная музыка и гдѣ мимы, неблагопристойными тѣлодвиженіями и сладострастною пляскою представляютъ картины непозволенной любви. Люди молодые и люди совершенныхъ лѣтъ, чиновники, философы, и вообще всѣ тѣ, кои имѣютъ достатокъ, живутъ такимъ образомъ. Сперва большая часть Аѳинянъ ходили босы; но Альцибіадъ ввелъ новую обувь, принятую всѣми щеголями: это родъ башмаковъ, которые надѣваются безъ чулокъ. Здѣсь

найдете вы также подъ разными портиками отборныя общества и наставительныя бесѣды. Народъ сходится, особливо зимою, въ публичныхъ баняхъ. У каждаго частнаго, сколько нибудь зажиточнаго человѣка есть своя. Обыкновенно жъ бываютъ въ банѣ послѣ прогулки, а всего чаще передъ обѣдомъ. Большую шерстяную шляпу, съ подобранными полями, носятъ Аѳиняне только въ дорогѣ. Въ городѣ, или по близости его, ходятъ обыкновенно пѣшкомъ, съ палкою въ рукахъ; но съ нѣкотораго времени люди богатые и роскошные начали ѣздить въ колясках, запряженныхъ бѣлыми дорогой цѣны лошаками, которыхъ получаютъ они изъ Сикіоніи, или Пелопонеса. Поваръ въ Аѳинахъ есть важной человѣкъ. Не льзя удержаться отъ смѣху, вспомнивъ, какъ Правительство пожаловало право гражданства какому-то *Херилсу* за то, что отецъ его изобрѣлъ прекрасной соусъ изъ трюфелей.

„Аѳиняне, не будучи пристрастны къ пьянству, любятъ хорошее вино. На

столѣ ихъ бываютъ кузнечики, саранча, даже кроты и ослина. Лѣтомъ, чтобъ прохладить вино, ставятъ его въ снѣгъ. Отборнѣйшіе цвѣты украшаютъ столъ ихъ зимою. У нихъ не проходитъ пирушки безъ шута. Молодые люди страстно любятъ охоту, верьховую ѣзду, волтижированье. Аѳиняне выкармливаютъ множество павлиновъ, и великіе охотники до всякихъ иностранныхъ животныхъ. У нихъ есть попугаи Африканскіе, фазаны, Сицилійскіе голуби, Мальтійскія и Лакедемонскія собаки, Ѳессальскія и Арголидскія лошади, Пелопонезскіе лошаки, и обезьяны. Разговоръ ихъ легкой, пустой, и однако блестящій искрами ума, скользитъ, такъ сказать, по предметамъ, не останавливаясь ни на одномъ. Они грубы и обходительны, вѣжливы и злоязычны, особливо съ женщинами. Они не хотятъ вѣрить, чтобы гдѣ нибудь индѣ, кромѣ Аѳинъ, можно было мыслить, веселиться и жить щастливо. Уважаютъ породу, особливо тѣхъ, коихъ предки послужили великими примѣрами добро-

дѣтели и мужества; или проходили первыя государственныя званія; одержали побѣды, или получили вѣнки на общенародныхъ играхъ. Впрочемъ знатность породы не даетъ никакого изключительнаго права, никакого предпочтенія; но воспитаніе знатныхъ облегчаетъ имъ доступъ къ почестямъ, къ высокимъ степенямъ; и народъ за удовольствіе почитаетъ вспомоществовать честолюбивымъ ихъ домогательствамъ. Сенатъ состоитъ изъ пяти сотъ старѣйшинъ, ежегодно перемѣняемыхъ. Къ концу года всякой классъ представляетъ отъ себя пятьдесятъ уполномоченныхъ и такое жъ число Старѣйшинъ, избранныхъ по жеребью, для смѣны старыхъ Сенаторовъ; но надобно, чтобы избранные отличились чистотою нравовъ и примѣрною жизнію. Блаженно Правительство, гдѣ сіи постановленія свято наблюдаемы! Но въ Аѳинахъ государственныя званія раздаются теперь единственно гражданамъ развращеннымъ и любостяжательнымъ. Уполномоченные, приступая къ своей должности, обязуют-

ся клятвенно быть безпристрастными въ подаваніи голосовъ, сообразоваться съ точною силою закона, и во всемъ имѣть въ виду только общественную пользу. Они получаютъ отъ Республики по драхмѣ на день, и продолжаютъ собранія во весь годъ, исключая дней праздничныхъ, и тѣхъ, кои почитаются злознаменательными.

„Природа надѣлила Аѳинянъ прекраснѣйшими въ свѣтѣ глазами и крайне острымъ зрѣніемъ (*). Превосходству глазъ ихъ должно приписать ихъ успѣхи въ искуствахъ, непосредственно зависящихъ отъ рисованья. Мущины отличаются правильностію и красотою формъ, и превосходятъ въ этомъ самыхъ женщинъ, такъ что не безъ причины можно было опасаться уменьшенія власти ихъ надъ нами. И для того поставлены чиновники, извѣстные подъ именемъ Гинекономовъ, числомъ десять,

(*) Павъ увѣряетъ, что они за десять миль могли видѣть перья на шлемѣ Минервиной статуи. Не ужь ли онъ этому вѣритъ?

коихъ должность состоитъ въ наблюденіи за уборомъ прекраснаго пола. Отъ женщинъ требуется, чтобъ съ сплѣнительною благопристойностію соединялась красивость и вкусъ въ ихъ нарядѣ. Строгость этого суда чрезмѣрна; Гинекономы налагаютъ по тысячѣ драхмъ пени на женщинъ, кои худо одѣты, или у которыхъ голова худо убрана; вносятъ имена ихъ въ списокъ и прибиваютъ на площади для всенароднаго свѣденія. Тѣ изъ женщинъ, кои имѣютъ нещастіе подвергнуться такому наказанію, теряютъ навсегда доброе имя.

„Съ правильностію формъ соединяютъ Аѳиняне великую крѣпость и силу тѣлесную; особливо въ части, называемой Колитосъ, родятся прекраснѣйшія дѣти (*). Сими преимуществами обязаны мы благоразтворенію воздуха и отмѣнно выгодному положенію нашихъ горъ, защищающихъ насъ отъ бурнаго

(*) Павъ повѣствуетъ, что эти дѣти начинаютъ говорить ранѣе другихъ.

дыханія сѣверныхъ и отъ важной перемѣнчивости западныхъ вѣтровъ. Здѣсь живутъ долго, не зная никакихъ заразительныхъ и повальныхъ болѣзней. Еще придаетъ крѣпости нашему сложенію всегдашнее употребленіе меду, которой превосходенъ въ Аттикѣ: доказательство несомнительное чистоты воздуха. Всякой предметъ производитъ въ Аѳинцѣ весьма сильное, живое впечатлѣніе; все говоритъ въ немъ: движенія, положенія тѣла, сила и выразительность взоровъ. Нѣкоторой наблюдатель сказалъ, что въ Аѳинахъ наговорятъ больше въ одинъ день, нежели въ Спартѣ въ цѣлой годъ.

„Для сбереженія здоровья, и для доставленія тѣлу гибкости и проворства, Аѳиняне весьма часто пользуются теплыми ванными, за изобрѣтеніе которыхъ обязаны мы славной Медеѣ. Видъ огня и большихъ котловъ заставляетъ народъ думать, что въ самомъ дѣлѣ помолодѣешь, когда покипишь въ горячей водѣ. Простолюдимы тѣмъ болѣе въ этомъ увѣрены, что Медея не

открыла никому тайны своего лѣченія; и тѣмъ оставила для врачей всегдашній камень претыканія. Смерть, какую приписываютъ Пеліясу, есть только народная сказка; а въ самомъ дѣлѣ онъ задохся отъ пару въ банѣ (*).

„Въ осьмнадцать лѣтъ Аѳиняне записываются въ военную службу, и обязываются клятвенно служить отечеству до шестидесяти лѣтъ (**).

(*) Пеліясъ, какъ говоритъ баснословіе, въ надеждѣ погубить Язона, послалъ его для завоеванія златаго руна. Но когда, совершивъ успѣшно свое препорученіе, Язонъ возвратился съ Медеею; то Медея, въ наказаніе тиранну за его злодѣйства, присовѣтовала дочерямъ его умертвить своего отца и сварить его въ котлѣ, увѣривъ ихъ, что отъ этого онъ помолодѣетъ.

(**) Спартанцы записывались въ военную службу въ тридцать лѣтъ, и продолжали ее до шестидесяти. Тѣжъ, кои были старѣе или моложе, содержали караулъ въ городѣ. Невольниковъ вооружали въ самой крайней нуждѣ, и то не болѣе десяти тысячь человѣкъ.

Одни граждане допускаются къ присягѣ. Теперь въ Аѳинахъ считаютъ ихъ двадцать тысячь, десять тысячь иностранцовъ, и около сорока тысячь слугъ или невольниковъ (*). Правительство печется о воспитаніи юношества. Гимназіи, или Палестры, суть мѣста, опредѣленныя для упражненій ума и тѣла. Здѣсь учатъ танцованью, которое выправляетъ тѣло и придаетъ ему пріятности, благородства, ловкости; музыкѣ, которая укрощаетъ страсти, смягчаетъ жестокость нрава; но которая теперь, также какъ и танцованье, сдѣлалась слишкомъ сладострастна, и есть одна изъ причинъ развращенія нравовъ. Верьховая ѣзда и воинскіе подвиги принадлежатъ также къ числу тѣлесныхъ упражненій. Что касается до занятій ума: то учители препо-

(*) У Аѳинянъ были слуги наемные, люди свободные; и невольники, полоненные на войнѣ, или купленные у торгующихъ ими, которые почти всѣхъ ихъ вывозили изъ Фригіи и Мизіи.

даютъ учащимся Просодію, Синтаксисъ, правила о произношеніи, и разбираютъ съ ними красоты и пріятности отечественнаго языка. Отсюда родится этотъ тонкой вкусъ, эта любовь къ плавнымъ, красивымъ стихамъ, которыми Аѳиняне за удовольствіе ставятъ обогащать свою память. Все это доставляетъ имъ у иностранцовъ самой лестной пріемъ.

„Болѣе же всего любятъ Аѳиняне упражняться въ краснорѣчіи, которое открываетъ имъ дорогу къ почестямъ и славѣ.

„Эсхинъ, одинъ изъ первыхъ нашихъ Ораторовъ, которой шестнадцатью годами старѣе Димосѳена, былъ его соперникъ въ краснорѣчіи. Когда жъ народъ хотѣлъ присудить сему послѣднему золотой вѣнокъ; то Эсхинъ взошелъ на каѳедру и говорилъ противъ Ктезифона, сдѣлавшаго такое предложеніе, а Димосѳенъ защищалъ его. Оба соперника сражались сильно, истощили всю мѣру великихъ своихъ дарованій; напослѣдокъ Эсхинъ побѣжденъ и при-

говоренъ къ изгнанію; но великодушный Димосѳенъ не только не хотѣлъ подавить его тягостію своей славы, но еще заставилъ простить себѣ торжество свое. Въ то самое время, какъ Эсхинъ выходилъ изъ Аѳинъ, противникъ его побѣжалъ къ нему, предложилъ свой кошелекъ, и принудилъ взять его. Изгнанникъ тронутъ былъ до глубины сердца такимъ поступкомъ. — „Какъ не почитать мнѣ, воскликнулъ „онъ, отечества, въ которомъ оставляю толь великодушныхъ враговъ, что „въ другомъ мѣстѣ едва ли найду и „друзей, имъ подобныхъ?" —

„Извѣстно, что Димосѳенъ запирается по цѣлымъ мѣсяцамъ въ одной подземной горенкѣ; и чтобъ отнять у себя всю возможность выдти оттуда прежде назначеннаго времени, онъ обыкновенно брѣетъ себѣ половину головы. Здѣсь-то, при свѣтѣ тихой лампады, сочиняетъ онъ безсмертныя свои рѣчи.

„Изъ училища Исократова вышло множество краснорѣчивыхъ Ораторовъ и знаменитыхъ людей. Говоря объ

этомъ великомъ человѣкѣ, не должно забыть, что онъ одинъ осмѣлился носить трауръ по Сократѣ въ глазахъ народа, его убійцы (*). Древо Философіи также растетъ и обработывается въ Аѳинахъ; но подъ тѣнію его зародилась тьма мнимыхъ философовъ, вооружившихся лжеумствованіемъ и хитроуловляющими доводами. Эти твари, налѣпивъ на себя нѣсколько лоскутковъ отъ мантіи Мудраго, дерзаютъ проповѣдывать его ученіе, его правила, раздробляя ихъ по своему и принаравливая въ превратномъ смыслѣ къ безумнымъ или вреднымъ своимъ системамъ. Есть молодые люди, которые помѣшаны на томъ, что во всемъ хотятъ быть на Спартанскую стать: въ нравахъ и одеждѣ поддѣлываются они подъ Лакедемонцовъ; носятъ весьма

(*) Аѳиняне воздвигли Исократу двѣ статуи, и приказали соорудить на его гробницѣ колонну въ сорокъ футовъ вышины, на которой поставили изображеніе Сирены, знаменіе его краснорѣчія.

короткой изъ самой грубой ткани хитонъ, и закутываются въ пребольшую толстую епанчу. Склоченные волосы ихъ растрепаны по плечамъ. Они носятъ длинную бороду, ходятъ босы, или въ красныхъ туфляхъ, и выступаютъ, важнымъ, мѣрнымъ шагомъ, опираясь на толстую палицу; ѣдятъ же они лежа на дубовой лавкѣ, облокотясь на камень, или на деревянной отрубокъ.

„Вообще можно сказать, что нравы Аѳинянъ весьма перемѣнились. Жадность къ забавамъ заступила мѣсто возвышающихъ душу благородныхъ страстей; любовь къ славѣ исчезла; жизнь сдѣлалась безвкусна; алчность къ стяжанію и скупость возрасли до того, что этотъ Аристофановъ стихъ, въ которомъ говорится объ Аѳинцѣ:

„И умираючи, протягиваетъ руку“ — вошелъ въ пословицу. Лже-философія, ограничивающая все чувствами, осмѣливается всенародно въ открытомъ театрѣ проповѣдывать гибельное свое ученіе. Стихотворецъ Алексисъ первой распро-

странилъ сіи Эпикурейскія правила. — „Что вы болтаете, говоритъ онъ, о „Лицеѣ, объ Академіи, или Портикѣ? „Это не иное что, какъ потѣшныя мѣ„ста Софистовъ, гдѣ не найдемъ мы „ничего путнаго. Наслаждайся, роско„шествуй за вкуснымъ столомъ: вотъ „прямое блаженство жизни! Добродѣтель, „почести, достоинства! вы призракъ „и сонное мечтаніе. Придетъ часъ, и „смерть оледенитъ наши чувства; что „выпили и съѣли, то только наше. Въ „самомъ дѣлѣ, что теперь Периклы, „Кодры, Мильціады? Горсть праха.“ — Какая развращенность! какое ученіе! Его не стыдятся проповѣдывать! и Правительство терпитъ. Здѣсь найдете вы вмѣстѣ мудрость и великодушіе съ безуміемъ и подлостію, свободу съ тиранствомъ, строгую воздержность съ постыднымъ любострастіемъ; Философію Анаксагоровъ и Сократовъ, помраченную лжеумствованіемъ и ребяческими тонкостями мишурныхъ мудрецовъ. Аѳинъ можно назвать теперь училищемъ забавъ и разврата, словесности и Философіи.“ —

Тутъ Полемонъ, читавшій съ великимъ жаромъ, остановился, по прозьбѣ нашей, отдохнуть; напился воды и скушалъ кусокъ молоденькой ослины.

Когда жъ онъ укрѣпилъ такимъ образомъ свои силы, то Ласѳенія спросила его: не ужь ли онъ въ изображеніи Аѳинскихъ нравовъ забылъ про женщинъ? — „Ни мало; иначе картина моя не имѣла бы лучшей прелести, лучшей занимательности своей. Но чтобъ изобразить женщинъ вѣрно, надобно ихъ знать; а для этого требуется много проницательности и долговременное наблюденіе. Я только что обрисовалъ портретъ ихъ, вотъ нѣкоторыя отдѣльныя его черты:

„Аѳинянки, чтобъ не подпасть поносному суду, о которомъ я выше упомянулъ, въ разсужденіи одежды и убора пустились въ разорительную роскошь и въ самыя нелѣпыя моды. Никогда никакой просвѣщенной народъ не употреблялъ въ такомъ излишествѣ бѣлилъ и румянъ и всякаго рода притираній. Женщины наши сурмятъ себѣ

брови и веки, расписываютъ щеки и губы сокомъ червяницы (*), и подштукатуриваютъ цѣлыми слоями бѣлилъ и румянъ грудь и лице. Слои эти такъ толсты, что всѣ почти женщины кажутся отъ того другъ на друга похожи; а это притупляетъ чувство мужчинъ, утомляя ихъ однообразіемъ. Аѳинянки столько помѣшаны на томъ, чтобъ имѣть красивый станъ, что стягиваютъ себя чрезвычайно узкими шнуровками; постятся, чтобъ не растолстѣть, и принимаютъ крѣпительные и ѣдкіе порошки, опасаясь, чтобъ не разрослась грудь, между тѣмъ какъ корпусъ сильно сжатъ въ шнуровальи. Маленькой лобъ почитается у нихъ принадлежностію красоты; и для того кудри ихъ достаютъ до самыхъ бровей; волосы ихъ убраны цвѣтами и напудрены желтою пудрою; обувь у нихъ гораздо повыше: это не иное что, какъ про-

(*) Червяница (orcanite) даетъ краску карминнаго цвѣту, только посвѣтлѣе.

стая подошва, которая прикрѣпляется на ногѣ ленточками или застежками. У первокласныхЪ женщинЪ обувь эта изЪ золота. Онѣ употребляютЪ вееры, и выходя, всегда надѣваютЪ покрывало. ЗаконЪ запрещаетЪ знатнаго рода женщинамЪ днемЪ показываться на улицахЪ, изключая важныхЪ причинЪ. ВЪ такомЪ случаѣ невольники закрываютЪ ихЪ отЪ солнечнаго жару зонтиками изЪ слоновой кости. Ночью не иначе выходятЪ онѣ, какЪ при свѣтѣ факела, которой несетЪ слуга. ВЪ праздничные дни показываются вЪ сопровожаніи евнуховЪ, АраповЪ невольниковЪ и невольницЪ, собственно имЪ принадлежащихЪ, или наемныхЪ. Надобно упомянуть еще, что до рѣдкихЪ птицЪ знатныя Аѳинянки крайне пристрастны. Что касается до ихЪ нравовЪ, то никакіе законы не сильны отвратить ихЪ отЪ кокетства. Строгой присмотрЪ и всѣ мѣры ревности воспламеняютЪ только пуще ихЪ воображеніе. Проводя жизнь вЪ праздности, вЪ забавахЪ, подЪ вліяніемЪ разнѣживающаго климата, главное свое упражненіе

поставляютъ онѣ въ нарядахъ и волокитствѣ. Вся ихъ добродѣтель, все стараніе состоитъ въ томъ, чтобы скрыть подъ завѣсою тайны лобовныя свои интриги." — Вы нападаете на нихъ безъ всякой пощады! вскричала Ласѳенія; однакожъ я осмѣливаюсь защищать ихъ. Не льзя не признаться, что поведеніе Аѳинянокъ не совсѣмъ порядочное; но примѣръ мущинъ оправдываетъ нѣсколько вины ихъ. Большая часть мужей только заботятся о томъ, чтобъ имѣть отъ женъ своихъ дѣтей для продолженія своего имени; женятся на нихъ только для того, чтобъ онѣ смотрѣли за ихъ хозяйствомъ; а ласки и нѣжности свои сберегаютъ они для прелестницъ, которыя у нихъ на содержаніи." — „Какъ быть? вліяніе этихъ прелестницъ на нравы ничуть не удивительно: онѣ лучше воспитаны, болѣе знающи, говорятъ чище отечественнымъ языкомъ, нежели почтенныя Аѳинянки. Первыя посѣщаютъ училища Философовъ, между тѣмъ какъ воспитаніе послѣднихъ до того пренебрежено, что ихъ по справедливости можно по-

честь сущими невѣжами. — „И какъ „онѣ, говоритъ Сафо, не срывали розъ „въ саду Музъ: то не станутъ говорить объ нихъ при жизни, забудутъ „ихъ по смерти, и изъ сѣни неизвѣстности переселятся онѣ во мракъ могилы.“ —

ГЛАВА XXIX.

О Кратесѣ. Анекдоты. Исторїя Амазонокъ.

Протагоръ сказалъ потомъ за новость, что Правительство опредѣлило содержать Циника Кратеса въ Пританеѣ. Всякъ изъ насъ охуждалъ поступокъ Правительства, доказывая, что такой человѣкъ, какъ онъ, безполезный для общества, не заслуживаетъ, чтобъ его содержать на счетъ казны. — „А мнѣ кажется, отвѣчалъ Протагоръ, Кратесъ полезнѣе для согражданъ своихъ, нежели вы думаете: онъ судья и примиритель всѣхъ ссоръ, всѣхъ домашнихъ раздоровъ; особливожъ печется онъ о соблюденіи согласія между супругами.

Недавно помирилЪ онЪ врача Никомаха сЪ женою его Праксиллою. ЭтотЪ ревнивый мужЪ имѣлЪ глупость возвратиться однажды домой изЪ народнаго собранія прежде, нежели оно кончилось, и засталЪ Праксиллу сЪ любовникомЪ ея Мизономъ вЪ положеніи рѣшительномЪ. ВЪ бѣшенствѣ, сЪ кинжаломЪ вЪ рукѣ, бросается онЪ на своего соперника; но Праксилла вдругЪ кричитЪ: — „онЪ не обольстилЪ меня, а употребилЪ насиліе." — „Точно такЪ, прибавляетЪ МизонЪ; и я прибѣгаю подЪ защиту закона." — Эти слова обезоруживаютЪ руку Никомаха. Надобно вамЪ знать, что законЪ позволяетЪ мужу умертвить любовника жены своей, пойманнаго сЪ нею вЪ неприличномЪ положеніи; но запрещаетЪ это смертоубійство вЪ такомЪ случаѣ, когда она объявитЪ, что любовникЪ насиліемЪ, а не обольщеніемЪ довелЪ ее до грѣха." — ЭтотЪ законЪ, прервалЪ я, мнѣ кажется очень страненЪ. — „НапротивЪ, это законЪ мудрый и спасительный, отвѣчалЪ мнѣ ПротагорЪ. Обольщеніе есть орудіе гораздо

опаснѣйшее и удобнѣйшее, нежели насильство, толь рѣдко возможное. Однакожъ и въ этомъ послѣднемъ случаѣ преступленіе не остается безъ наказанія: мужъ имѣетъ право развестись съ женою, и требовать, чтобъ употребившій насиліе осужденъ былъ заплатить въ пользу ея знатную денежную пеню. Раздраженный Никомахъ хотѣлъ поступить по всей строгости законовъ; Праксилла была женщина погибшая; ей бы запретили присутствовать при богослужительныхъ обрядахъ; она бы не смѣла наряжаться; и всякой бы могъ обременять ее ругательствами и рвать ея платье. Въ такой крайности прибѣгла она къ Кратесу, которой друженъ былъ съ мужемъ ея; и Кратесъ обѣщался за нее постряпать. Онъ приходитъ къ Никомаху, пламенѣющему бѣшенствомъ и мщеніемъ. — „Не стану, говоритъ онъ ему, утѣшать тебя, приводя въ примѣръ людей и боговъ, и доказывая, что какой-то непріязненный рокъ посѣваетъ сіи плевелы на полѣ Гименовомъ; а только спрошу: чья добродѣтель,

по мнѣнію твоему, тверже и безопаснѣе отъ поползновенія? того ли, кто въ совершенной безпечности ходитъ на краю пропасти, или того, кто, упавъ однажды, знаетъ камень, о которой преткнулся? Одинъ Спартанецъ умышленно подвергся смерти на войнѣ за то, что на сраженіи при Термопилахъ нѣкоторая робость помѣшала ему пожертвовать отечеству своею жизнію. Да и кто изъ насъ непоколебимъ въ добродѣтели? Какой Стоикъ поручится, что онъ никогда не придетъ въ искушеніе? Слабость столько жъ сродна человѣческой натурѣ, сколько тяготѣніе веществу." — Никомахъ называлъ такое умствованіе хитрымъ пустословіемъ; утверждалъ, что человѣкъ по существу своему свободенъ; что независимая воля его самовластно избираетъ добро или зло; и что не льзя не быть добродѣтельнымъ, естьли только твердо захочешь. Кратесъ понялъ, что умствовать или просить, значило бы понапрасну терять здѣсь и время и слова; и что потребны совсѣмъ другаго роду

орудія, чтобы подвигнуть на жалость душу оскорбленнаго супруга. Вотъ что сдѣлалъ Кратесъ: онъ уговорилъ Наису, прелестницу славную и весьма хитрую, переселиться къ нему въ домъ на нѣкоторое время, подъ именемъ его племянницы, будто не давно пріѣхавшей въ Аѳины для поправленія здоровья. Нимфа одѣлась въ самое простое платье; и въ этомъ смиренномъ нарядѣ приняла видъ и тонъ тихой, боязливой крестьянки. Когда все было готово къ представленію, Кратесъ пришелъ къ Никомаху, изъявилъ ему свои опасенія въ разсужденіи здоровья молодой своей племянницы, и просилъ его принять на себя трудъ полѣчить ее. Для врача нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ подвизаться въ спасительномъ своемъ ремеслѣ, особливо когда дѣло касается до молодой и любезной женщины. Онъ бѣжитъ къ Наисѣ и находитъ ее простертую на ложѣ, страждущую въ изнеможеніи. Ученикъ Иппократовъ щупаетъ пульсъ, и спрашиваетъ: не чувствуетъ ли она боли, круженія въ головѣ? – Чувствую. – Тошно-

ты? — Чувствую. — Онѣмѣлости, — безпокойства въ ногахъ? — Чувствую. — Трепетанія? — Весьма часто. — Довольно, прекрасная Наиса! знаю причину твоей болѣзни; но мы этому поможемъ. Прежде всего надобно стараться быть повеселѣе и ни чуть не задумываться: смѣхи и игры первое въ этомъ случаѣ лѣкарство. Тутъ Никомахъ оборотился съ усмѣшкою къ мнимому дядѣ и сказалъ тихонько, что болѣзнь племянницы его происходитъ отъ избытка смиренномудрія, и что поскорѣе надобно искать ей жениха. — Буду стараться, отвѣчалъ Кратесъ также съ усмѣшкою; но въ ожиданіи надобно почаще навѣдываться къ ней и облегчать ея состояніе. Никомахъ приписалъ ванну для ногъ, молока, растительныхъ составовъ, и ушелъ, давъ слово побывать тотъ же день въ вечеру. Возвратившись, находитъ онъ ее съ одною невольницею, которая по благоразумію своему почла за приличное удалиться. Наиса приняла его съ тою скромною радостію, какую внушаетъ присутствіе врача, имѣ-

ющаго нашу довѣренность, и съ тѣмъ боязливымъ удовольствіемъ, какое родится при видѣ любимаго предмета. Легкая одежда ея давала видѣть прекраснѣйшія формы и полуоткрывали снѣгобѣлую прелестную грудь; въ комнатѣ царствовалъ пріятной сумракъ; унылая Наиса часто обращала прекрасные свои томные глаза на милаго Эскулапа, который воспламенялся, давалъ совѣты и предписанія въ нескладныхъ словахъ. Она жалуется, что чувствуетъ колику. Никомахъ хочетъ освидѣтельствовать причину боли; даетъ волю рукѣ своей. Наиса вздыхаетъ, дѣлаетъ слабое только сопротивленіе, и врачъ приходитъ въ забытіе себя. Голова его кружится, онъ бросается въ объятія больной, но больная испускаетъ пронзительный крикъ, и Кратесъ во мгновеніе появляется. Какое зрѣлище! какой громовой ударъ! всѣ онѣмѣли. — „Что это? восклицаетъ напослѣдокъ Циникъ; что я вижу? Какъ! ты, человѣкъ столь самонадежный, столько владѣющій собою, столько непреклонный на снисхо-

жденіе къ слабостямъ другихъ, ты употребляешь во зло мою довѣренность, ищешь соблазнить робенка, сущую невинность?" — Никомахъ хотѣлъ бы, чтобъ на ту пору провалилась подъ нимъ земля и поглотила его. Онъ окоченѣлъ, обезумѣлъ; хочетъ извиняться, но слова замираютъ на устахъ его. Наконецъ Кратесъ умилосердился. Пожуривши и побранивши грѣшника, онъ сказалъ ему, что Философія его гораздо снисходительнѣе; что онъ Кратесъ согласенъ молчать, простить, только съ условіемъ, чтобъ и онъ Никомахъ соразмѣрно простилъ такую же слабость женѣ своей, и освободилъ бы молодаго Мизона отъ требуемой имъ пени. Врачь-любовникъ почелъ себя еще слишкомъ щастливымъ, что такъ дешево купилъ разрѣшеніе грѣховъ своихъ. Миръ былъ принятъ, — и скрѣпленъ рукоприкладствомъ.

„Въ другое время этотъ же самой Кратесъ сказалъ Горгію софисту, увѣщевавшему Грековъ ко всеобщему между ними и вѣчному миру. — „Какъ воз-

можно тебѣ согласить столь противоположныя выгоды народовъ, когда ты не можешь соблюсти тишины въ собственномъ дому своемъ, которой однако состоитъ не болѣе, какъ изъ трехъ душъ: изъ тебя, жены твоей, и одного невольника?“ —

Когда Протагоръ пересталъ говорить, Полемонъ разсказалъ намъ жалкое приключеніе Лизіяса, Философа съ преобширными познаніями. Онъ имѣлъ нещастіе лишиться жены своей, и былъ такъ сильно пораженъ этимъ ударомъ, что вдругъ отнялась у него память. Съ нимъ живутъ двѣ взрослыя его дочери, которыя кличутъ его, зовутъ по имени, обнимаютъ; онъ смотритъ во всѣ глаза, не узнаетъ ихъ, и отклоняетъ ихъ ласки. Я самъ былъ свидѣтелемъ жалкаго этого зрѣлища. —

„А знаете ли вы Ѳессалійца Гилла, Философа, Софиста, Врача и славнаго говоруна? Пятнадцать только дней, какъ онъ здѣсь. Онъ разсказывалъ мнѣ довольно забавное приключеніе, бывшее съ нимъ въ Сиракузахъ, у старшаго

Діонисія. Тираннъ, мучимый страхами и подозрѣніями, какъ и всѣ ему подобные, жаловался однажды передъ своими придворными, что онъ окруженъ множествомъ злоумышленниковъ. Гиллъ былъ тутъ же, и вздумалъ сказать: — „Дай мнѣ талантъ, и я открою тебѣ тайну, какъ узнавать тѣхъ, кои посягаютъ на жизнь твою." — Діонисій обѣщалъ требуемое, естьли тайна подлинно дѣйствительна. Гиллъ отвелъ при семъ Тиранна на сторону и сказалъ ему: — „прикажи выдать мнѣ сей же часъ требуемую сумму; и измѣнники, удостовѣрясь изъ того, что я въ самомъ дѣлѣ научилъ тебя, какъ узнавать ихъ, не осмѣлятся впередъ злоумышлять на жизнь твою." — Діонисій нашелъ, что выдумка удачна и хитрость весьма тонка; потребовалъ казначея и приказалъ выдать Гиллу талантъ." — Къ стати! примолвила Дамо, я разскажу вамъ нѣчто про Филиппа Македонскаго, можетъ быть столь же забавное, какъ и анекдотъ Полемоновъ.

„На одномъ сраженіи взялъ этотъ Государь великое множество плѣнниковъ, и велѣлъ ихъ продавать, въ присутствіи своемъ, съ аукціону. Онъ сидѣлъ на креслахъ, и по неосторожности платье его приподнялось слишкомъ высоко, такъ что положеніе было не самое благопристойное. Одинъ изъ невольниковъ примѣтилъ это, и въ то самое время, какъ объявили его имя и положенную на него цѣну, онъ вскричалъ: — „Филиппъ! пощади меня, не вели продавать; — вить я другъ тебѣ и всему твоему дому. — Какъ же бы это? отвѣчалъ Государь; откуда такая между нами дружба? — Естьли хочешь знать это, я скажу тебѣ на ухо.“ — Государь приказалъ подвести невольника, которой ему шепнулъ тихонько: — „опусти переднюю часть своего платья; ты показываешь предстоящимъ то, что благопристойность велитъ скрывать.“ — Филиппъ, весьма довольный такимъ тонкимъ остереженіемъ, тотчасъ же велѣлъ его расковать. — „Да, сказалъ Государь, я

и позабылъ - было; онъ въ самомъ дѣлѣ изъ друзей моихъ." —

Послѣ такой всякой всячины, Полемонъ спросилъ меня: видѣлъ ли я, въ бытность свою въ Азіи, рѣку Ѳермодонъ (*) и этихъ славныхъ Амазонокъ, у которыхъ Пентесилея и Антіопа были Царицы, обѣ громкія въ Исторіи: первая потому, что мужественно сражалась при осадѣ Трои; а вторая, что осмѣлившись ратовать съ Геркулесомъ, была имъ побѣждена и приневолена выдти за Тезея, съ которымъ прижила она Ипполита. — Нѣтъ, отвѣчалъ я; путешествіе мое не простиралось такъ далеко. Но будучи въ Каппадокіи, я освѣдомлялся о образѣ жизни и нравахъ знаменитыхъ богатырокъ. Историки утверждаютъ, что онѣ не терпятъ ни одного мущины въ своемъ обществѣ, но что всякой годъ по одному

(*) Ѳермодонъ течетъ въ Каппадокіи, и впадаетъ въ Эвксинское море. Эта рѣка прославилась исторіею или баснею объ Амазонкахъ.

разу выѣзжаютъ на границу для любовнаго свиданья съ своими сосѣдями; что, послѣ родовъ, дѣвочекъ оставляютъ у себя, а мальчиковъ отсылаютъ къ ихъ отцамъ. Еще повѣствуютъ, что Амазонки прижигаютъ себѣ одну титьку, чтобъ лучше стрѣлять изъ лука, а другую оставляютъ, чтобы кормить дѣтей своихъ. Я не критикъ, однакожъ эти разсказы нахожу сомнительными, или по крайней мѣрѣ думаю, что истинна прикрашена здѣсь множествомъ вымысловъ. А вотъ преданіе, которое кажется мнѣ самымъ правдоподобнымъ, точь вточь, какъ я слышалъ его отъ одного тамошняго старика, человѣка заслуживающаго вѣроятіе.

„Греки напали на владѣніе сихъ богатырокъ, разбили ихъ совершенно и привели плѣнными на свои суда. Когда выѣхали въ открытое море, Амазонки разорвали свои оковы, перебили своихъ побѣдителей и овладѣли судами; но, не смысля ничего въ мореходствѣ, онѣ плутали по волѣ вѣтровъ и волнъ. По-

сiѣ долговременнаго и труднаго плава-
нiя, пристали наконецъ къ городу
Кремнамъ, на Меотiйскомъ морѣ (*),
гдѣ жили Скифы, народъ вольной. Ама-
зонки, пробираясь во внутренность зем-
ли, опустошали ее. Скиѳы изумленные
берутся за оружiе и спѣшатъ встрѣ-
тить неизвѣстнаго непрiятеля, кото-
рой, казалось, сошелъ съ неба, или из-
верженъ бездною морскою. Сраженiе на-
чинается; но Скиѳы, узнавъ по тѣ-
ламъ убитымъ, оставшимся въ ихъ вла-
сти, какого роду былъ ихъ против-
никъ, не хотѣли больше воевать. Они
составили совѣтъ, и положили, отоб-
равъ такоежъ число молодыхъ людей,
сколько было Амазонокъ, разположить
ихъ лагеремъ по сосѣдству съ ними,
съ повелѣнiемъ, избѣгать всякаго сра-
женiя, а напротивъ старатьcя прi-
обрѣсть ихъ дружбу. Намѣренiе Скифовъ

(*) Теперь называется оно Забахскимъ (de Zabache), и есть великой сѣверной заливъ Чернаго моря, коего берега принадлежатъ нынѣ Россiи.

было при семъ то, чтобъ молодые люди совокуплялись съ этими воинствующими женщинами и имѣли отъ нихъ дѣтей. Молодежь во всей точности исполнила предписанie старѣйшинъ. Амазонки, видя, что не стараются имъ вредить, пребывали въ бездѣйствiи и безпечности. Между тѣмъ оба стана сближались всякой день; и Скиѳы примѣтили, что нѣкоторыя Амазонки, иногда по одной, иногда самдругъ, отлучались изъ лагеря. Одинъ изъ Скифовъ посмышленѣе началъ ихъ подсматривать, какъ подсматриваютъ голубку, когда хотятъ ее поймать, и примѣтилъ, какъ Амазонка, отдѣлившись ото всѣхъ подругъ своихъ, входила въ лѣсъ; онъ побѣжалъ за нею, и настигъ ее. Прекрасная героиня не только не дичилась и не убѣгала отъ юноши, но еще улыбылась къ нему самымъ прiятнымъ образомъ. За неимѣнiемъ общепонятнаго имъ языка, они изъяснились движенiями, говорили глазами; наконецъ природа и любовь дали знакъ, и это нѣмое представленie кончилось тѣснѣйшимъ сочетанiемъ.

Амазонка крайне довольна была произшедшимЪ, и дала разумѣть своему побѣдителю, что завтра придетЪ она опять на тоже мѣсто сЪ одною изЪ подругЪ своихЪ и будетЪ ожидать его также сЪ товарищемЪ. СкиѳЪ не отказался. По возвращеніи вЪ лагерь, онЪ разсказалЪ приключеніе свое, а на слѣдующій день сЪ однимЪ изЪ товарищей явился, во всей исправности, вЪ назначенное мѣсто, и нашелЪ тамЪ вчерашнюю Амазонку сЪ ея подругою. Обѣ были молоды и прекрасны, и время употреблено такЪ же хорошо, какЪ и наканунѣ.

„Нечувствительно молодые наши Скиѳы освоили всѣхЪ этихЪ воительницЪ, грозныхЪ на полѣ МарсовомЪ, но уступчивыхЪ на полѣ Киприды. ТакимЪ образомЪ связь между ними отчасу становилась тѣснѣе; наконецЪ оба лагеря соединились, и каждой юноша взялЪ женою себѣ ту изЪ АмазонокЪ, сЪ которою онЪ любился. Когда начали они понимать языкЪ другЪ друга, то Скиѳы предложили своимЪ супругамЪ соеди-

ниться съ прочими ихъ соотечественниками и жить вмѣстѣ. — „Въ такомъ случаѣ, отвѣтствовали онѣ, мы не могли бы поладить съ вашими соотечественницами: ихъ обычаи слишкомъ отличны отъ нашихъ. Мы стрѣляемъ изъ лука, бросаемъ копья, ѣздимъ верьхомъ; за то не пріучены къ упражненіямъ своего пола. Ваши жъ женщины, напротивъ того, знаютъ только занятія и работы женскія; онѣ никогда не оставляютъ своихъ повозокъ (*). Но какъ вы хотите утвердить навсегда брачный союзъ нашъ, то удалимся отсюда и учредимъ жилище наше по ту сторону Дона." — Скиѳы согласились, и переправившись черезъ рѣку, продолжали путь свой три дни къ востоку; нако-

(*) Скиѳы сіи были народъ кочующій. Жены ихъ проводили жизнь въ телѣгахъ. Мущины ѣздили верьхомъ. Они переселялись съ мѣста на мѣсто, ведя съ собою своихъ лошадей, быковъ и барановъ. На одномъ мѣстѣ оставались они только до тѣхъ поръ, пока стада ихъ находили себѣ пищу.

нецъ достигли страны, гдѣ живутъ теперь подъ именемъ Савроматовъ. Женщины сохранили древніе свои обычаи; онѣ ѣздятъ верьхомъ, бываютъ на охотѣ, иногда однѣ, иногда съ мужьями своими, съ которыми также ходятъ и на войну. Одежда у мущинъ и женщинъ одинакая. Что касается до бракосочетанія, у нихъ есть законъ, что дѣвица не иначе можетъ выдти за мужъ, какъ убивши по крайней мѣрѣ одного непріятеля. Многіе старѣются и умираютъ, не заслуживши чести супружества." —

Послѣ всѣхъ такихъ разсказовъ, Дамо и Ласѳенія произносили сцены и стихи изъ многихъ Поэтовъ. Полемонъ, къ слову объ удовольствіи, какимъ наслаждались мы на этой пирушкѣ у любезной философки, сказалъ, что мудрый не долженъ слѣдовать примѣру простолюдимовъ, которые, чтобы предаться веселію, ждутъ праздника Сатурнова, Бахусова, или Венерина. Душа, говорилъ онъ, сама собою стремится къ предметамъ любезнымъ и пріятнымъ. Когда мы слышимъ согласіе мусикійскихъ ору-

дій, или сладкое пѣніе птичекъ; когда видимъ свѣтлое, величественное небо, или живописное сельское мѣстоположеніе, или молоденькихъ животныхъ, рѣзво по травкѣ прыгающихъ и забавляющихся: тогда душа наша распускается, такъ сказать, и вкушаетъ сладостное тихое веселіе. Пускай злодѣй крушится и чернитъ жизнь. Карнеадъ говаривалъ: — „Какъ ящикъ, въ которомъ заключались драгоцѣнныя масти, сохраняетъ пріятной запахъ и тогда, когда уже ихъ въ немъ нѣтъ: такъ мудрый, сохраняя память своихъ добродѣтелей и благихъ дѣлъ своихъ, долженъ быть щастливъ по вся дни своей жизни.“ — „Такъ! воскликнулъ Полемонъ: міръ есть храмъ, достойный величія верьховнаго Бога; а жизнь непрерывное праздниство для добраго человѣка!“ —

Тутъ кстати прочиталъ онъ намъ четыре стишка, сочиненные Солономъ въ старости. Этотъ великой, этотъ строгой Законодатель, примолвилъ онъ, былъ также другомъ забавъ, какъ порядка и благочинія.

„Вакхъ! оживи меня цѣлебнымъ питіемъ;
„Амуры! порхайте надъ сей главой сѣдою;
„Ты жъ, Муза! увяжи чело мое вѣнцемъ,
„И услади еще меня своей игрою!“

ГЛАВА XXX.

Замѣчанія объ Аѳинахъ. Покупка невольника. Тимонъ человѣконенавистникъ. Столы для народа. Загородное Аѳинское поле. Нравственныя Ласѳеніины правила.

Въ вечеру предложила мнѣ Ласѳенія идти съ нею на другой день въ городъ, гдѣ ей надобно было купить невольника. Мы отправились очень рано, и прибыли по Академической дорогѣ, которая усажена кипарисами. — „Здѣсь не льзя ступить шагу, говорила Ласѳенія, не попирая праху какого нибудь Героя. Вотъ жертвенникъ Музъ; вотъ Меркуріевъ, Минервинъ, Геркулесовъ. Это большое оливковое дерево, которое у тебя на правой рукѣ, по происхожденію своему второе въ Аттикѣ. Это гробница Ѳразибулова, Хабріева, Форміонова. Здѣсь

кенотафы (*) храбрыхЪ воиновЪ, убитыхЪ на сраженіи; имена и мѣсто ихЪ рожденія вырѣзаны на маленькихЪ колоннахЪ, что подлѣ нихЪ." — Входя вЪ Аѳины, говорилЪ я Ласфеніи: „для меня городЪ вашЪ очень худо построенЪ, улицы узки, не прямы и крайне неправильны, домы не значущіе, худо расположенные, исключая развѣ нѣкоторыхЪ. Эти лѣстницы, выводящія на улицу; эти верхніе выдавшіеся впередЪ теремы обезображиваютЪ фасаду, заслоняютЪ свѣтЪ и мѣшаютЪ обращенію воздуха. Не нравятся мнѣ также эти каменные гермесы (статуи или столбы), кубической фигуры, стоящіе у воротЪ домовЪ; я люблю лучше эти жертвенники, покрытые дерномЪ, которые подлѣ нихЪ: они гораздо пріят-

---

(*) *Кенотафы* пустыя или порожнія гробницы, поставленныя вЪ честь тѣмЪ, коихЪ тѣла тутЪ не находятся, а погребены или вЪ другихЪ мѣстахЪ, или вовся не отысканы. Древніе думали, что умершіе, коимЪ не учинено погребенія, томятся на берегу адской рѣки, не будучи допускаемы вЪ царство Плутоново.

нѣе для взора. Въ городѣ одинъ только
источникъ (*): недостатокъ этотъ,
правда, дополняется колодцами и
водоемами. Короче сказать, я ищу
Аѳинъ въ Аѳинахъ. — „За три года
назадъ, ты не дѣлалъ этихъ замѣчаній.
Видно, что путешествіе образовало
вкусъ твой. По случаю твоей критики,
скажу тебѣ, что какой-то весельчакъ,
входя въ Аѳины, и видя у городскихъ
воротъ храмъ, посвященный двумъ бо-
жествамъ, сказалъ: „надобно мнѣ воро-
титься назадъ; коли здѣсь для двухъ
боговъ одна квартира, то мнѣ ужъ
гдѣ найти для себя?“ — Спору нѣтъ,
что въ городѣ все просто; за то велико-
лѣпіе блистаетъ въ портикахъ, въ хра-
махъ, въ общественныхъ зданіяхъ. Ки-
монъ приказалъ посадить сіи величе-
ственные яворы, служащіе лучшимъ
украшеніемъ Академической площади,

(*) Въ Аѳинахъ былъ одинъ источникъ, но
посредствомъ девяти подземельныхъ кана-
ловъ вода доставляема была изъ него во
многія части города.

гдѣ сперва было песчаное и голое мѣсто. Этотъ безплодной грунтъ преобразилъ онъ въ препріятную рощу, орошаемую кристальными ручейками, убранную многими большими просѣками, и длинными песочными дорогами для бѣганья. Впрочемъ знатные и зажиточные Аѳиняне, любя страстно деревенскую жизнь, истощаютъ пышность и вкусъ свой въ загородныхъ домахъ. Тамь найдешь ты прекраснѣйшее расположеніе вмѣстѣ съ богатствомъ уборовъ; найдешь комнаты самыя прохладныя, жилище нѣги и сладострастія, и сады, достойные быть храмомъ Натуры.“ —

Когда мы пришли на публичную площадь, гдѣ продаютъ невольниковъ, Ласѳенія мнѣ сказала: — „Вотъ жертвенникъ жалости, которой одни Аѳиняне воздаютъ поклоненіе! Это достопочтимое божество научаетъ насъ соболѣзновать о нещастіяхъ ближняго, и переносить съ великодушіемъ и преданностію собственныя свои бѣдствія. Чествованіе, воздаваемое сей богинѣ, и жертвенники, воздвигнутые Аѳинянами

Стыдливости, доброй Славѣ и Бдительности, доказываютъ, что они народъ самой благочестивой въ Греціи." — Невольники всякаго возраста, пола и происхожденія, стояли кучею на срединѣ площади. Какъ скоро Ласѳенія поговорила съ купцомъ, то онъ приказалъ своей толпѣ стать круговенькою и велѣлъ плясать, чтобъ мы сами могли судить о крѣпости ихъ и проворствѣ. Эти нещастные прыгали, коверкались изо всей мочи; когда жъ уставали, хозяинъ подгонялъ ихъ лозою. Ласѳенія тотчасъ приказала перестать этой жалкой пляскѣ; начала торговать одного молодаго Скифа, съ виду пріятнаго и не глупаго, и спрашивала купца о тѣлесныхъ и другихъ его недостаткахъ (*). — „Онъ не охотникъ трудиться, отвѣчалъ купецъ; нраву печальнаго; вмѣсто того, чтобы рабо-

(*) Торгующіе невольниками, при продажѣ ихъ, должны были объявлять пороки и недостатки, которые за ними знали; иначе торгъ не могъ состояться.

тать, онъ часто попѣваетъ любовныя и заунывныя пѣсенки, которыхъ бы не могли слушать безъ кручины и самыя совы: но, съ помощію лозы, вы скоро его исправите." — Не смотря на всѣ такія обвиненія, Ласѳенія выбрала его. — „Жалость, присутствующая здѣсь, сказала она мнѣ, ходатайствуетъ за него въ моемъ сердцѣ. Сверьхъ же того я предпочитаю духъ веществу; надѣюсь, что мои попеченія и льгота его неволи возвратятъ ему веселость, а можетъ быть и щастіе; онъ будетъ ходить за моими цвѣтами и овощами, а я приму на себя трудъ обработывать сердце его и разумъ." — Ласѳенія заплатила за него шесть сотъ драхмъ. Тутъ зашла между нами рѣчь о торговлѣ льдьми, о семъ жестокомъ и поносномъ для человѣчества промыслѣ. Ласѳенія признавалась, что это часто причиняло боль ея сердцу; что рабство оскорбляетъ Натуру, унижаетъ равно и продавца и покупщика; но что это такое злоупотребленіе, котораго почти не возможно истребить. — Этотъ родъ торговли

въ цвѣтущемъ состояніи у Грековъ: въ одной Аттикѣ считаютъ четыреста тысячь невольниковъ. Невольники пашутъ здѣсь землю, работаютъ на фабрикахъ, въ каменоломняхъ, вырываютъ руды, и несутъ всякаго роду службы. Тѣжъ изъ нихъ, кои лучше воспитаны, и коимъ щастье больше благопріятствуетъ, упражняются въ наукахъ и занимаются искуствами. Надобно отдать справедливость Аѳинянамъ: они не такъ жестоко поступаютъ съ своими невольниками, какъ Спартанцы съ гилотами. Здѣсь никакой господинъ не имѣетъ права надъ жизнію раба; онъ можетъ только посадить его въ желѣза, осудить на мѣльничную работу, запретить ему жениться, или разлучить съ женою. Естьли жъ какой нибудь варваръ поступаетъ съ нимъ звѣрскимъ образомъ; онъ можетъ искать убѣжища въ Тезеевомъ храмѣ: здѣсь будучи, требуетъ онъ человѣколюбивѣйшаго господина, и не рѣдко получаетъ желаемое. Законъ, подъ строгимъ наказаніемъ, запрещаетъ обижать чужаго

невольника. Невольники обязаны брить голову и носить колпакъ; а хитонъ ихъ не долженъ быть ниже колѣна. Они могутъ, или за оказанныя услуги, или за выкупъ, собранный трудами ихъ и бережливостію, получить свободу; но естьли употребятъ ее во зло, естьли господинъ докажетъ въ судѣ, что невольникъ его поступилъ съ нимъ неблагодарно: въ такомъ случаѣ онъ беретъ его обратно, и заключаетъ въ цѣпи, говоря: — „Будь рабомъ, потому что не умѣешь быть свободенъ."

Разговаривая такимъ образомъ, увидѣли мы человѣка, странно одѣтаго, за которымъ бѣжало множество народу. Ласѳенія узнала его. — „Это мизантропъ Тимонъ, сказала она мнѣ: онъ рѣдко показывается въ городѣ, и какъ сова, боится свѣту; онъ ненавидитъ людей, и бѣгаетъ отъ нихъ, какъ отъ звѣрей дикихъ. Посмотримъ, что-то ему угодно. Ба! да онъ карабкается на каѳедру: слушай! — „Аѳиняне, за-

кричалъ онъ голосомъ стентора (*): у меня въ деревнѣ есть смоковница, на которой многіе изъ васъ уже повѣсились. Теперь я хочу ее срубить, потому что мѣсто, гдѣ она стоитъ, нужно подъ строеніе. Естьли кто изъ васъ намѣренъ еще воспользоваться прекраснымъ моимъ деревцомъ; то пусть не мѣшкаетъ и вѣшается поскорѣе: я даю вамъ сроку только двадцать четыре часа." — Послѣ такого краткаго, но душеспасительнаго увѣщанія, онъ слѣзъ съ катедры, и удалился спокойно. Народъ не только не обидѣлся такою выходкою брюзгливаго человѣконенавистника, но еще смѣялся во все горло, и провожалъ его съ рукоплесканіемъ.

Проходя по улицамъ съ Ласѳеніею, увидѣлъ я множество столовъ, уставленныхъ кушаньемъ. — „Конечно сегодни праздникъ, сказалъ я, или какое

(*) *Стенторъ* славный крикунъ, упоминаемый въ Гомерѣ: голосъ у него былъ такой громкой, какъ у 50 человѣкъ вмѣстѣ.

нибудь торжество, для котораго дается этотЪ пирЪ?“ — „РазвѢ ты забылЪ, что при каждомЪ новолуніи богачи угощаютЪ столомЪ неимущую братію, вЪ честь богини Гекаты? ВсѢ тѢ, которыхЪ ты видишь сбѢгающихся и кушающихЪ сЪ такимЪ усердіемЪ, содержатся на иждивеніи города; это бѢдняки, которымЪ ни жить не чѢмЪ, ни работать не чего. Аѳины весьма многолюдны: Аттика можетЪ поставить двадцать тысячь воиновЪ. Не упоминаю обЪ иностранцахЪ, которые не только не считаются наровнѢ сЪ природными жителями, но еще должны избирать себѢ покровителей между гражданами и платить ежегодную подать сЪ души: по двѢнадцати драхмЪ сЪ мущины, и по шести сЪ женщины.“ —

Я не покидалЪ Ласоеніи во весь день, и этотЪ день пролетѢлЪ для меня сЪ быстротою молніи. Что пріятнѢе, какЪ быть вмѢстѢ сЪ женщиною, которую мы любимЪ, которая говоритЪ такЪ сладко, такЪ умно, такЪ наставительно, и

вмѣстѣ такъ скромно! Между тѣмъ нѣкоторое безпокойство возмущало мое блаженство. Ласѳенія не говорила ни о чемъ, кромѣ дружбы; весьма тщательно отклоняла самыя сладкія воспоминанія; и при всякомъ выраженіи сколько нибудь понѣжнѣе, она принимала видъ строгой важности. Мы сговорились на другой день вмѣстѣ идти прогуливаться; и я положилъ вести ее въ самыя тѣ мѣста, которыя посѣтили мы въ первые красные дни любви нашей; въ сіе уединенное, дикое убѣжище, гдѣ получилъ я первой ея поцѣлуй, гдѣ взоръ ея и языкъ обѣщали мое блаженство. Первыя ласки любви, и самыя неважныя, оставляютъ толь глубокія впечатлѣнія, что малѣйшее воспоминаніе пробуждаетъ нашу чувствительность, а не рѣдко раздуваетъ тлѣющій подъ пепломъ огнь нашихъ желаній.

Мы пошли поутру рано и направили путь свой черезъ Педіонъ или Аѳинское поле. Ласѳенія показывала мнѣ красоты его. „Педіонъ, говорила она,

орошается водами Цефизы, Эридана и Илисса (*); послѣдній посвященъ Музамъ и многимъ другимъ божествамъ. На берегахъ его есть притворъ Борею, похитившему Ориѳію, и жертвенникъ для служенія Музамъ; также храмы Церерѣ и Діанѣ, гдѣ приносится въ жертву множество козъ. Не льзя не удивляться, мой другъ, видя, что могутъ сдѣлать трудолюбіе, промышленность, дѣятельное правленіе и благорастворенность воздуха. Земля сія, унизанная, такъ сказать, горами и каменными утесами, представляетъ однако привлекательнѣйшую самую живописную картину: вездѣ веси, вездѣ многолюднѣйшія селенія. Посмотри на это множество густолиственныхъ оливъ, образующихъ необозримый лѣсъ; на эти

(*) Илиссъ, омывавшій стѣны Аѳинскія, теперь не похожъ больше на рѣку. Онъ раздѣленъ на многіе канальцы, коими доставляется вода въ окружные сады: Цефизы жъ, которая текла черезъ самой городъ, нѣтъ совсѣмъ; ея не осталось и слѣдовъ.

холмы, покрытые виноградомъ, кленовыми деревами, кедрами, тисами и вязами. Эти величественные яворы, осѣняющіе Илиссъ, часто покрывали гостепріемною тѣнію своею божественнаго Сократа. Здѣсь-то, безъ сомнѣнія, въ сихъ священныхъ мѣстахъ, низводилъ онъ съ неба Философію, и странствовалъ съ нею по излучистымъ стезямъ человѣческаго сердца. Но всего привлекательнѣе для меня въ сей великолѣпной картинѣ видъ и судьба люодей. Часто приближаюсь я къ поселянамъ; часто вхожу въ ихъ жилища, и вижу только щасливцовъ, или по крайней мѣрѣ смертныхъ, коимъ чужды губительныя заботы и терзанія. Пахарь, управляя плугомъ своимъ, напѣваетъ пѣсенку; ремесленникъ веселъ, занимаясь своею работою; а Философъ, размышляя въ сихъ уединенныхъ сѣняхъ о бѣдствіяхъ человѣческой жизни, скорбя о нашихъ нещастіяхъ, самъ щасливъ. Но вотъ гробница и надпись; прочтемъ:

Я въ томъ свою жизнь проводилъ,
Что ѣлъ да пилъ, и всѣхъ бранилъ.

— А какъ звали этого честнаго человѣка? — „Тимакреонъ. Онъ былъ Атлетъ и Стихотворецъ весьма колкой, и великой прожора. Эпитафію эту написалъ ему Симонидъ, котораго онъ, также какъ и Ѳемистокла, язвилъ въ своихъ стихахъ.“ — „Хотя этотъ портретъ Тимакреоновъ не есть общій портретъ всѣхъ людей; однако жъ эпитафія годилась бы для многихъ.“ —

Такимъ образомъ продолжая идти разговаривать безъ плану, безъ цѣли, заманилъ я Ласѳенію въ лощину, окруженную горами, гдѣ любовь моя и побѣда надъ свирѣпѣвшимъ звѣремъ были награждены первымъ поцѣлуемъ. Когда мы вошли туда, томная задумчивость овладѣла моею душею; унылые взоры мои устремились на дернъ, гдѣ нѣкогда сидѣли мы вмѣстѣ. — „Что съ тобою сдѣлалось? сказала Ласѳенія. Ты, кажется, призадумался? — Такъ. Нѣжное воспоминаніе приводитъ мнѣ на

мысль блаженнѣйшія минуты моей жизни. А Ласѳенія развѣ забыла ихъ? развѣ покушала она этого лотоса (*), отнимающаго память, о которомъ говоритъ Гомеръ? — Нѣтъ, мой другъ: сіи мѣста, ихъ опасность еще не изгладились изъ моей памяти; воспоминаніе объ нихъ мнѣ дорого; — эти скалы суть тѣ же, эта вода все струится въ той же желобовинкѣ; эти высокія древа опять простираютъ къ намъ дружественную тѣнь свою; ничто не перемѣнилось: одна Ласѳенія уже не та." — Она не отвѣчала ничего, и повѣся голову, предалась своимъ размышленіямъ. — „Посмотрите, продолжалъ я, на эту надпись, которую рука моя изсѣкла здѣсь на скалѣ: *Естьли бы жизнь моя была столькожъ долговѣчна, какъ сіи граниты; я бы всегда любилъ Ласѳенію.* Посмотрите сюда; вотъ другая на этихъ деревахъ: *Растите, древа, и по-*

(*) Лотосъ — растеніе, коего свойство описано въ текстѣ.

крывайте Ласѳенїю; растите съ моею любовїю. Прочтите еще эти два стишка на челѣ этой Наяды, ліющей изъ урны своей струистую влагу:

Одинъ съ Ласѳенiей, средь горъ, пустынь, лѣсовъ;
Въ ней нахожу свою вселенну и боговъ. —

Ласѳенія читала, и продолжала молчать; тяжкой вздохъ вылетѣлъ изъ ея сердца. Мы сѣли другъ подлѣ друга, и я заговорилъ языкомъ нѣжнѣйшей страсти; клялся, что люблю ее пламенно, болѣе, нежели когда нибудь; что я боготворю ее. — „Ахъ, мой другъ! въ какое приводишь ты меня замѣшательство! Какое воспоминаніе! Антеноръ, одинъ Антеноръ наполнялъ сердце мое, и не имѣлъ никогда соперника. Симпатія ли это, слабость ли, обольщеніе ли чувствъ, или потребность души, не знаю; знаю только, что непреодолимая прелесть влекла меня къ тебѣ; я жила, дышала тобою. Сопротивленіе мое было слабо; въ тридцать лѣтъ заплатила я дань любви.

Опускаю завѣсу на прошедшее. Но съ
тѣхъ поръ я много размышляла о сей
страсти, которая сама по себѣ мо-
жетъ быть не преступленіе, но пре-
ступленіе тогда, когда оскорбляетъ
законы и нравственность. По силѣ гра-
жданскихъ уставовъ, наслажденія не-
позволенной любви безчестны. Какая жъ
узда воздержитъ, на стезѣ разврата,
женщину, пренебрегающую законы
скромности и стыдливости? Добродѣ-
тели всѣ соединены дружескимъ сою-
зомъ: истреби одну, прочія исчезнутъ
нечувствительно. Кто не дорожитъ
добрымъ о себѣ мнѣніемъ своихъ согра-
жданъ, тотъ скоро не устыдится ни-
какого порока. И такъ, любезной Ан-
теноръ, позволь забыть мнѣ прежніе
мои проступки; ограничимъ чувствова-
нія свои кругомъ дружбы; такъ я рѣ-
шилась, и такъ непремѣнно быть
должно; возвращеніе на прежнюю до-
рогу унизило бы меня въ собственныхъ
моихъ глазахъ, и я бы не простила
тебѣ упорныхъ твоихъ въ семъ слу-
чаѣ желаній." — Я зналъ совершенно

твердость ея характера, и не могЪ льститься ни малѣйшею надеждою поколебать или смягчить ея правила; но воспламенясь еще больше прелестію таких добродѣтелей, я предложилЪ ей вступить со мною вЪ законный бракЪ. — „ЕстьлибЪ я отвѣчала теперь же, то отвѣтЪ мой былЪ бы отказЪ. Но какЪ, по словамЪ твоимЪ, здѣсь дѣло идетЪ о твоемЪ благополучіи, и конечно о моемЪ: то я требую двадцать четыре часа на размышленіе; это не много для такого важнаго предмета. Теперь станемЪ опять гулять и говорить о чемЪ нибудь другомЪ.

„Видишь ли ты, на правой рукѣ, зданіе, возвышающееся на пригоркѣ, посреди кипариснаго лѣсу? Это храмЪ ЭскулаповЪ; пойдемЪ кЪ нему. — ДумаетЪ ли Ласѳенія, что богЪ врачевства исцѣлитЪ меня отЪ любви моей? — Для чегожЪ и нѣтЪ? Не воскресилЪ ли онЪ Ипполита? А развѣ тебѣ кажется, что труднѣе возвратить жизнь мертвецу, нежели истребить любовь вЪ сердцѣ человѣка?“

Мы проходили тѣми самыми мѣстами, гдѣ нѣкогда имѣлъ я побоище съ бѣжавшимъ на нее воломъ, и побѣдилъ его. Я остановился и вздохнулъ. — „Опять вздохи! что это значитъ? — Помнитъ ли Ласѳенія это поле сраженія и это чудовище, посягавшее на жизнь ея? — Кто забываетъ такія черты мужества, особливо такую важную услугу? — За чемъ не могу я сразиться еще съ Минотавромъ, или съ Лернейскою гидрою, и получить такуюжъ награду за свою побѣду? — побоище было бы опаснѣе, а награда не столь пріятна. Повторенныя ласки любви подобны выдохшимся напиткамъ, въ которыхъ убыло и крѣпости и вкуса."

ГЛАВА XXXI.

Встрѣча съ Аристономъ. Его исторія.

Тутъ увидѣли мы ѣдущаго на встрѣчу къ намъ человѣка, который одѣтъ былъ весьма просто. — „Вотъ, сказала мнѣ Ласфенія, „Фило-

софѣ довольно оригинальный: но ты самъ увидишь." — Подошедъ къ нему, спросила она: все ли онъ въ добромъ здоровьи? и какъ проводитъ свое время? — „Здоровъ, отвѣчалъ мудрецъ; а время провожу въ томъ, что закрываю и открываю глаза; смотрю, слушаю, берегу свободу свою и покой: теперь же иду къ дому этого глупца Ѳеофраста. — Глупца? вскричала Ласѳенія: какое названіе! Развѣ Аристону не извѣстно, что законъ Солоновъ запрещаетъ худо говорить о мертвыхъ? — Нужды нѣтъ; у меня обычай называть всякаго того глупцомъ, кто сохнетъ, умираетъ надъ работою, надъ сочиненіемъ. Я называю глупцомъ этого Карнеада, которой такъ углублялся въ ученье, что пренебрегалъ опрятность тѣла, не обрѣзывалъ ни волосъ, ни ногтей; забывалъ даже пищу, такъ что надобно было служанкѣ пихать ему въ ротъ куски: а все это для того, чтобъ начинить память свою кичливою ученостію, которую сущая малость, одно мгновеніе у насъ похищаетъ. Мнѣ зна-

комЪ былЪ нѣкто ГермогенЪ, великой
и, по своимЪ лѣтамЪ, удивительный
РиторЪ; потому что вЪ пятнадцать
лѣтЪ началЪ онЪ витійственное свое
поприще; вЪ осьмнадцать сочинилЪ свою
Риторику, которая вЪ великомЪ ува-
женіи; а на двадцать четвертомЪ году,
по странному нещастному случаю,
убитЪ такимЪ нравственнымЪ парали-
чомЪ, что забылЪ совершенно прошед-
шее; и память его, подобно бочкѣ Да-
наидЪ, не можетЪ больше ничего удер-
жать. Подлинно стоило труда чахнуть
вЪ безпрестанной работѣ, убивать моло-
дость свою ученьемЪ, чтобы послѣ
впасть вЪ безсмысліе! — Но ѲеофрастЪ
сохранилЪ память и разсудокЪ до послѣ-
дней минуты своей жизни. — Но онЪ
умерЪ: что проку ему теперь вЪ его
трудахЪ и мнимой его славѣ? Мы созда-
ны больше дѣйствовать, а не разсу-
ждать; больше наслаждаться, а не
умничать. Истинныя блага суть тѣ,
кои посылаетЪ намЪ Природа. Небо,
земля, сельское убѣжище, поле отцовЪ
нашихЪ: вотЪ неисчерпаемые источники
нашего блаженства! Дѣльно говорилЪ

стихотворецЪ КаллимахЪ, что большая книга есть большое нещастіе. ВпередЪ вселенная будетЪ моя книга, опытЪ мой учитель. — Но и АристонЪ, великой гонитель науки и знаній, АристонЪ самЪ большую часть жизни своей провелЪ вЪ ученыхЪ трудахЪ. — То - то и худо. Не знаю, какЪ это назвать: страстью ли, или безуміемЪ? впрочемЪ это все равно. Я учился такЪ усердно, что сдѣлался тоще птицы Минервиной. ОдинЪ изЪ нашихЪ ФилософовЪ говаривалЪ, что вЪ жизни своей раскаевался онЪ вЪ трехЪ вещахЪ: первое, что ввѣрилЪ тайну женѣ; вторoе, что странствовалЪ по водѣ, когда можно было идти по суху; а третье, что провелЪ день, ничего не сдѣлавЪ. АхЪ! и я грѣшный сдѣлалЪ также три великія преступленія: чахнулЪ надЪ книгами цѣлыя пять лѣтЪ, разЪ; женился, два; принялЪ богатое наслѣдство, три. — Странно! какЪ можно жаловаться на женидьбу тому, у кого была такая любезная, такая прекрасная, милая супруга? — Оковы, какЪ ни позолоти

ихъ, все однакожъ оковы; и жена, самая любезнѣйшая, все жена. — А наслѣдство какъ могло быть вамъ въ тягость? — Съ нимъ вмѣстѣ, какъ нечистые духи, вошли ко мнѣ въ домъ заботы, принужденіе, хлопотня, страхъ, скупость. А! богатство тяжелая ноша! Вести безпрестанные щоты, имѣть присмотръ за невольниками, таскаться по тяжебнымъ дѣламъ, управляться съ должниками, строиться, починивать, обработывать земли . . . какая бездна! Хочу ли путешествовать? домъ, уборка винограду, посѣвъ хлѣба, удерживают меня безпрестанно. Хочу ли обѣдать? повара не готовы. Пресытясь избыткомъ, потерялъ я аппетитъ, желудокъ мой не варилъ. Дома, на улицѣ, толпились вокругъ меня мнимые друзья, которые весьма учтиво надоѣдали мнѣ. При малѣйшемъ со мною припадкѣ, родня и врачи сбѣгались, и не давали мнѣ выздоровѣть самому собою. Напослѣдокъ, соскучивъ смертельно своимъ богатствомъ, книгами и своею женою, рѣшился я непремѣнно сбросить съ себя обре-

менявшую меня тягость и разорвать всѣ свои связи. Началъ съ жены: извѣстно мнѣ было, что одинъ молодой человѣкъ изъ ея родственниковъ любилъ ее; но какъ этотъ дѣтина болѣе нагруженъ былъ чувствительностію, нежели деньгами, то ему отказали. Я пришелъ къ отставному любовнику и сказалъ безъ околичностей: — знаю, что жена моя тебѣ нравится, и предлагаю тебѣ ея руку; знаю также, что ты не богатъ; беру на себя нужныя издержки, и дарю тебѣ для свадьбы довольно не дурную дачу, которая у меня въ Вравронѣ, подлѣ горы Пентелика, доставляющей намъ такой прекрасной мраморъ." — Тутъ, не дожидаясь косноязычныхъ изъявленій его признательности, я взялъ его за руку и повелъ къ женѣ моей. — „Вотъ, сказалъ я ей вошедши, Филиппъ, новой твой супругъ; онъ молодецъ препорядочной и пречестной; любитъ тебя, и тебѣ подъ пару: теперь пойдемъ въ судъ требовать разводу." — Она изумилась, и не отвѣчала ничего. — „Оставайтесь же

здѣсь оба, примолвилъ я; переговорите и расположите, какъ чему быть; а я пойду въ судъ, подамъ прозьбу, и скажу, чтобъ васъ туда потребовали." — Возвратившись домой, нашелъ я любовниковъ въ ладахъ, — и дѣло съ концомъ.

„Сваливши съ себя эту тягость, я еще имѣлъ на щеъ богатство. Позвалъ я обѣдать къ себѣ двухъ своихъ собратьевъ, людей недостаточныхъ, которые вѣроятно смотрѣли на мой избытокъ окомъ несытымъ, и почитали меня щастливѣйщимъ человѣкомъ: ибо одинъ мудрый знаетъ ничтожество благъ земныхъ. Пригласилъ также большую часть моихъ друзей на эту пирушку, которая была и великолѣпна и роскошна. Мѣстомъ представленія былъ мой прекраснѣйшій увеселительный домъ. Столъ и поставъ ломились отъ золота и серебра, отъ всякой драгоцѣнной посуды и пріятнѣйшихъ напитковъ. Вакхъ разливалъ свои сокровища; всѣ наперерывъ хвалили мое великолѣпіе, вкусъ моихъ яствъ. Къ концу обѣда принесена была пребогатая

червленнаго цвѣту чаша съ крышкою. Гости изумились при видѣ сего осьмаго чуда, не могли довольно выхвалить матеріялъ и работу. Я отвѣчалъ, что какъ сосудъ этотъ имъ полюбился, то и прошу ихъ принять его со всѣмъ, что въ немъ ни имѣется. Обрадовавшись моему подарку, они поспѣшили открыть чашу, думая, что она полна золота; но удовольствіе ихъ гораздо поубавилось, когда они не нашли въ ней ничего, кромѣ старыхъ свертковъ. Между тѣмъ просилъ я одного пріятеля, славнаго чтеца, прочитать намъ, что написано на этихъ сверткахъ. Вообразите жъ себѣ удивленіе всего собранія и восторгъ братьевъ моихъ, когда они услышали, что это сдѣланная по формѣ уступка имъ всей моей золотой и серебряной посуды, всѣхъ домовыхъ уборовъ, словомъ, всего моего имѣнія движимаго и недвижимаго, съ оставленіемъ только за мною одной простенькой дачи, которой всѣ украшенія состоятъ въ небольшомъ лѣскѣ и источникѣ, да нѣсколькихъ глиняныхъ сосу-

довъ и прекрасной мраморной статуи, находящейся въ срединѣ лѣса, которую поставилъ я Натурѣ. Братья мои, въ изумленіи, въ замѣшательствѣ, не знали, принять ли имъ предлагаемое, или отказаться. Они просили меня настоятельно удержать свои милости, или по крайней мѣрѣ оставить для себя участокъ побольше. — Нѣтъ, отвѣчалъ я; намѣреніе мое непремѣнно, и вотъ на чемъ я утверждаюсь: однажды софистъ Антифонъ подошелъ къ Сократу въ полномъ собраніи его учениковъ, и сказалъ ему: „я думалъ, что Философія должна служить къ содѣланію людей щастливѣйшими; но вижу, что твой примѣръ доказываетъ противное. Ты живешь хуже всякаго невольника; одежда и пища твоя самая бѣдная; денегъ ты не берешь никогда, и однакожъ деньги веселятъ сердце человѣка, доставляя ему отличіе и всѣ возможныя удовольствія. Правду тебѣ сказать, Сократъ, естьли твои ученики идутъ по твоимъ стопамъ; то ты показалъ имъ путь къ жалкой и нещастной жизни!“ —

Вижу ясно, отвѣчалъ Сократъ Антифону, что ты скорѣе бы согласился умереть, нежели жить по моему. Но скажи мнѣ, имѣю ли я въ чемъ недостатокъ? жалуюсь ли на жаръ, на холодъ, на голодъ, на жажду? Ты думаешь, что благополучіе состоитъ въ пышности; а я думаю, что тотъ, у кого сколько можно менѣе нуждъ, есть смертный ближайшій къ Божеству. Всѣ эти люди, которыхъ называешь ты богатыми и щастливыми, весьма довольны, когда получаютъ какую нибудь прибыль: съ какою жъ прибылью можно сравнить наслажденія добродѣтели?" — Лаѳенія прервала Аристона вопросомъ: не случалось ли съ нимъ того же, что съ нѣкоторыми Царями, сложившими съ себя царственный санъ свой? то есть, не случалось ли ему такъ же жалѣть о своемъ богатствѣ, какъ тѣ не разъ жалѣли о своемъ вѣнцѣ? — Сами судите, могу ли я сколько нибудь жалѣть объ немъ. Теперь иду я одинъ, куда хочу, на торжище, на площадь, гулять; иду пѣшкомъ, или ѣду вер-

хомЪ; обѣдаю вЪ городѣ, или за городомЪ; подЪ смоковницею, или у себя вЪ комнатѣ, и тогда, когда мнѣ угодно. Хочется мнѣ спать, ложусь; встаю рано, или поздо, по своей волѣ; работаю вЪ саду, читаю книжку, или остаюсь вЪ совершенномЪ бездѣйствіи, смотря по тому, какЪ мнѣ вздумается. Естьли мнѣ жарко, иду вЪ холодЪ; естьли холодно, грѣюсь; городЪ мнѣ наскучилЪ, бѣгу вЪ маленькой мой лѣсокЪ, гдѣ я живу и царствую. Исцѣлившись совершенно отЪ честолюбія и сребролюбія, и смотря на суету мірскую, на вывѣску пышности и великолѣпія, часто, часто восклицаю я сЪ наставникомЪ своимЪ СократомЪ: „Сколько вещей, для меня ненужныхЪ! —

ГЛАВА XXXII.

Домъ Ѳеофрастовъ. Правила и ученіе сего Философа. Муха Аристонова. Храмъ Эскулаповъ. Что въ немъ при насъ случилось.

Между тѣмъ приближились мы къ дому Ѳеофрастову, въ которомъ жилъ тогда другъ Аристоновъ. Сперва вошли мы въ небольшой садъ, гдѣ стоялъ образъ Аристотелевъ; потомъ были въ Портикѣ, убранномъ Географическими картами; оттуда прошли въ Музей, гдѣ Ѳеофрастъ преподавалъ свою естественную Исторію. На фронтонѣ дверей нашли мы ту же надпись, какая и на храмѣ Делосскомъ: — „Справедли„вость всего прекраснѣе; здоровье всего лучше; исполненіе нашихъ желаній всего „пріятнѣе и любезнѣе." — Вокругъ Музея находятся разные покои, довольно большіе, для помѣщенія стекавшихся туда Философовъ. Потомъ гуляли мы въ саду, въ концѣ котораго протекавшій свѣтлый Илиссъ образовалъ пріятную картину.

Ласѳенія оставила насъ и вошла въ бесѣдку, гдѣ была статуя Ѳеофраста. Тутъ нашелъ я ее погруженную въ глубокихъ мысляхъ. — Вы въ задумчивости? сказалъ я ей. — Изображеніе скончавшагося друга моего возбуждаетъ во мнѣ нѣжно-горестное воспоминаніе. Сладко и вмѣстѣ прискорбно душѣ нашей мечтать о любезныхъ намъ, преселившихся въ другую жизнь. Однажды была я съ нимъ въ этой бесѣдкѣ. — „Любезная Ласѳенія! говорилъ онъ, на мнѣ лежитъ бремя девяноста девяти лѣтъ; я довольно пожилъ, чтобы узнать людей: въ жизнь свою видѣлъ я всякаго роду нравы и характеры; входилъ въ изслѣдываніе ихъ, примѣчалъ долго, и теперь намѣренъ писать обо всѣхъ добродѣтеляхъ и обо всѣхъ порокахъ. Сочиненіе это не безполезно будетъ для нашихъ потомковъ: они найдутъ въ немъ образцы, которымъ могутъ слѣдовать.“ — Ѳеофрастъ не кончилъ этой работы, хотя прожилъ сто семь лѣтъ.

Послѣ того пошли мы къ одному великому водоему. — „Здѣсь, сказала Ласфенія, за два мѣсяца до кончины своей великой этотъ Философъ бесѣдовалъ со мною о кратковременности жизни человѣческой. — Въ этомъ прудѣ, говорилъ мудрецъ, есть карпы, которые живутъ уже по меньшей мѣрѣ полтораста лѣтъ. Не смотря на то, они также проворны, также бодры, какъ и другіе карпы, кои родились послѣ на моемъ вѣку, и гораздо ихъ моложе. Я не скажу съ нѣкоторыми Философами, что рыбы безсмертны: все, имѣющее начало, должно имѣть конецъ. Но родъ рыбій, живущій въ стихіѣ постоянной, неподверженной великимъ перемѣнамъ и непогодамъ воздушнымъ, гораздо долговѣчнѣе другихъ животныхъ; и естьли правда, какъ утверждаютъ, что измѣненія атмосферы суть главныя причины скораго разрушенія живыхъ существъ: то рыбы, менѣе другихъ тварей подверженныя ея вліянію, должны долѣе жить. Сверхъ того кости земныхъ животныхъ,

ихъ твердыя части, съ лѣтами грубѣютъ и теряютъ свою гибкость, такъ что напослѣдокъ движеніе останавливается и слѣдуетъ смерть. Напротивъ того кости и хрящи у рыбъ, будучи по веществу своему гораздо мягче, не подвержены симъ прекращающимъ жизнь огрубѣлостямъ, или по крайней мѣрѣ постепенно и нечувствительно получаютъ они сіе роковое отвердѣніе. Увы! воскликнулъ онъ: я жилъ почти вѣкъ карпа! Прошедшее для меня ничто; завтра, послѣ завтра, чрезъ нѣсколько дней, сонъ мой кончится." — Хотя много времени прошло послѣ этого разговора; но я какъ будто теперь его слышу. Помню также, какъ я однажды ожидала его въ этой ближней долинѣ; онъ увидѣлъ меня, и подошелъ шагомъ твердымъ и съ нѣкоторою поспѣшностію; казалось, будто онъ помолодѣлъ. — „Откуду, вскричала я, откуду такая живость? — „Этому причиною маленькое приключеніе, случившееся со мною. Теперь я съ торжища Аѳинскаго, куда ходилъ за огородными овощами. На-

чинаю торговать." — „Нѣтъ, иностранецъ, отвѣчала мнѣ торговка, этого мало. — Почему ты знаешь, что я иностранецъ (*)? — Вижу по твоему произношенію." — „Признаюсь тебѣ, любезная Ласѳенія, примолвилъ Философъ, это меня срѣзало. Состарѣвшись въ отечественномъ городѣ, въ изученіи своего языка и чистоты его ударенія, не знать того, что простой народъ знаетъ отъ природы, и безъ труда!!" —

Вышедши изъ дому Ѳеофрастова, мы разстались съ Аристономъ, которой никакъ не хотѣлъ обѣдать съ нами, потому что шелъ обѣдать по деревенски въ свою дачу. — „Я ставлю, говорилъ онъ, свой столъ въ маленькомъ моемъ лѣску, подлѣ моего источника; невольникъ приноситъ мнѣ молока, вина, и нѣсколько кушанья въ глиняныхъ сосудахъ; онъ уходитъ, и

(*) Въ Аѳинахъ называли иностранцемъ всякаго, кто даже былъ не изъ Аттики; а варварами всѣхъ тѣхъ, кои были не Греки.

я остаюсь одинъ съ Натурою; разсуждаю, пью, ѣмъ, ходя или лежа на травѣ; слѣдую взоромъ за птичками, летающими надъ моею головою, и эта пріятная трапеза продолжается иногда болѣе двухъ часовъ." — На прощаньяхъ Ласѳенія спросила Аристона, каково поживаетъ его мушка, и видитъ ли онъ ее еще когда нибудь. — „Нѣтъ; Агнодика избавила меня отъ нее совершенно." — Когда мы остались одни съ Ласѳеніей, я спросилъ ее, что это за муха. — „Ты не могъ не примѣтить, отвѣчала она, что этотъ человѣкъ носитъ на себѣ печать странности. Помнишь, онъ говорилъ, что цѣлыя пять лѣтъ чахнулъ надъ ученьемъ. Когда онъ хотѣлъ заниматься; то ложился обыкновенно на полу, ничкомъ, обкладывшись книгами. Тутъ всякой разъ казалось ему, что прилетаетъ муха и садится ему на носъ: сколько онъ ни сгонялъ ее, она все прилетала и выводила его изъ терпѣнія. Искуснѣйшіе врачи были призываны; но со всею своею наукою и лѣкарствами не могли про-

гнать этой проклятой твари, а по словамъ одного изъ нашихъ Стихотворцовъ, этой дщери неба, съ носу Аристонова, или лучше изъ его воображенія. Наконецъ славная Агнодика имѣла честь исцѣлить сію чудную болѣзнь. Эта Агнодика, женщина весьма умная, имѣвшая такую сильную склонность къ врачебной наукѣ, что, переодѣвшись въ мужское платье, ходила слушать уроки Гіерофилевы. Знатныя Аѳинянки такъ полюбили эту воспитанницу Иппократову, что исходатайствовали для нее уничтоженіе закона, запрещавшаго женскому полу упражняться въ врачебномъ искусствѣ. Такимъ образомъ одинъ изъ друзей Аристоновыхъ отнесся, въ разсужденіи его болѣзни, къ этой искусной женщинѣ. Она берется истребить муху; приходитъ къ больному, и на вопросъ: „что видитъ у него на носу?“ — отвѣчаетъ смѣло: „муху.“ — Этою потачливою ложью она произвела въ больномъ къ себѣ довѣренность. Потомъ, съ видомъ важнаго и глубокомысленнаго врача, испытующаго дѣйствія

и причины, Агнодика спрашиваетъ его о свойствахъ и примѣтахъ этой безпокойной твари, и о времени, когда она обыкновенно прилетала. Послѣ такихъ распросовъ приписываетъ ему для питья безвредные составы, подъ предлогомъ, чтобъ его очистить. Наконецъ въ одинъ красный день она объявляетъ ему, что время уже истребить муху; вынимаетъ изъ кармана маленькой ножикъ, проводитъ имъ легонько по носу больнаго, и показываетъ ему муху, которая спрятана была у нее въ рукѣ. — „Браво! вскричалъ Аристонъ; это точно она, та самая, которая такъ давно меня мучитъ!" — Такимъ образомъ эта ученица Эпидаврскаго бога исцѣлила Аристона отъ его мечты! Столько-то истинно, что воображеніе есть чародѣйство, обольщающее насъ призраками, которые кажутся намъ существенностію!" —

Наконецъ пришли мы въ храмъ Эскулаповъ, и нашли тамъ нѣсколько мущинъ и чрезвычайное множество женщинъ. Статуя бога одѣта въ хитонъ

и мантію изъ бѣлаго льна; видно только его лице, ноги и руки. — „Чья статуя подлѣ бога въ такихъ же ризахъ, какъ и онъ?" — Игіи, его дочери. Это божество, которому молюсь я усерднѣйше; потому что называемое во врачебной Наукѣ Игіеною, есть надежнѣйшій указатель къ сохраненію здоровья: Игіена предписываетъ воздержность и упражненіе тѣла. Посмотри, эти женщины отрѣзываютъ себѣ кудри и привязываютъ ихъ къ статуѣ, а другія привѣшиваютъ къ ней образа." — Это безъ сомнѣнія въ даръ богу для испрошенія у него здоровья, или въ благодарность за полученное исцѣленіе. — Точно такъ. Сюда стекаются богомольщики толпами для испрошенія здоровья тѣлеснаго; но никто еще не вздумалъ молиться Эскулапу о ниспосланіи ему духа кротости, духа разума и добродѣтели, о содѣланіи его чувствительнымъ и благодарнымъ; никто еще не приходилъ просить его о исцѣленіи себя отъ высокомѣрія, суетности, братоненавидѣнія,

зависти и другихъ сродныхъ человѣческому сердцу пороковъ." —

Между тѣмъ, какъ Ласѳенія говорила это, увидѣли мы вошедшую въ храмъ женщину богато одѣтую, довольно пожилую, въ сопровожаніи многихъ невольниковъ. Всѣ обратили на нее глаза; походка ея была медленна; томность и унынie изображались на лицѣ; она пришла вопросить Оракула. Подступивъ тихими шагами къ образу Эскулапа, она жаловалась на чрезвычайную усталость. — „Причиною этому, отвѣчаетъ богъ, дальность дороги. — Что мнѣ дѣлать? по вечерамъ нѣтъ у меня аппетиту. — Надобно поменьше обѣдать. — Я часто мучусь безсонницею; сплю очень худо, безпокойно. — Вставай поутру раньше. — Мнѣ всегда такъ тяжело; всякое упражненіе для меня обременительно. — Ходи пѣшкомъ. — Жизнь мнѣ въ тягость; я умираю отъ скуки. — Занимайся, работай что нибудь. — Вино для меня не годится; я не могу терпѣть его. — Пей воду. — Желудокъ мой часто не варитъ. — Нужно наблюдать

діэту. — Я вся слабѣю; у меня нѣтъ ни того здоровья, не той крѣпости, какая была прежде. – Это знакъ, что ты старѣешься. — Возможно ли! чѣмъ же помочь этому нещастію? — Кратчайшее къ тому средство, Ѳеоксена, умереть, какъ умерли твоя мать и твоя бабушка. — Сынъ Аполлоновъ! вскричала богомольщица: какой даешь ты мнѣ совѣтъ? Это ли то искусство, которое люди прославляютъ и которымъ ты пріобрѣлъ уваженіе цѣлаго свѣта? Развѣ сама я не знала того, что ты мнѣ сказалъ? — За чемъ же ты не употребила знанія своего въ пользу, вмѣсто того, чтобы пріѣзжать ко мнѣ изъ толь дальнихъ мѣстъ?" —

Такая драма между Оракуломъ и этою женщиною весьма насъ позабавила. Мы узнали отъ одной ея служанки, что она родомъ изъ Олимпіи, и весьма богата. Въ отчаяніи отъ приближающейся старости, преслѣдуема безпокойствомъ, думая, что она все больна и все при смерти, рѣшилась Ѳеоксена путешествовать и прибыла въ Эпидавръ

вопросить Оракула о мнимыхъ своихъ болѣзняхъ.

ГЛАВА XXXIII.

Маленькой припадокъ. Отвѣтъ Ласѳеніи на предложеніе мое о женидьбѣ. Прекрасныя черты ея характера.

Пришедши домой, Ласѳенія нашла своего отца, слегшаго въ постелю отъ сильной желудочной боли. Она велѣла всѣмъ отказывать. Истощила всѣ попеченія, всю дочернюю нѣжность для облегченія страданій виновника дней своихъ. Она не оставляла его; забыла для него все, что ей было пріятно: чтеніе, забавы, прогулки. Сама лѣчила его, потому что была свѣдуща въ Иппократовой наукѣ, и притомъ такъ щасливо, что черезъ нѣсколько дней добрый старикъ совершенно оправился.

Столько добродѣтелей, такой умъ, такая любезность, укрѣпили меня въ намѣреніи моемъ соединить судьбу свою съ ея судьбою. Я горѣлъ нетерпѣніемъ

получить ея отвѣтъ, но видѣлъ, что она слишкомъ озабочена болѣзнію старика, и что не время объясняться съ нею. Когдажъ опасность миновалась и сердце ея отдохнуло, она пришла съ сестрою ко мнѣ въ садъ. Телесилла куда-то отлучилась; я воспользовался случаемъ, припомнилъ ей данное обѣщаніе и требовалъ рѣшительнаго отвѣта. — „Я объ этомъ думала, и приготовила что тебѣ сказать. Но посмотри сперва на Телесиллу: какіе дѣлаетъ она скочки! она бѣжитъ къ намъ; я объ закладъ побьюсь, что она несетъ тебѣ цвѣтовъ. Въ самомъ дѣлѣ эта милая дѣвушка поднесла мнѣ пучокъ ясминовъ и кассіи; и не дожидаясь моей благодарности, убѣжала. Ласѳенія повела меня въ бесѣдку Грацій, коей воспоминаніе столь было для меня любезно. Она обновляла въ мысли моей ту блаженную минуту, когда я снова нашелъ Ласѳенію, обвиняя ее въ неблагодарности и думая, что потерялъ ее невозвратно. Я сѣлъ подлѣ нея, взялъ ея руку; она не сопротивлялась;

сердце мое было такъ полно, такъ растрогано, что я ничего не помнилъ. Ласѳенія, казалось, также глубоко чувствовала. Мы оба погрузились въ сладостнѣйшую задумчивость, какъ вдругъ раздались пріятные, стройные звуки цитры. Мнѣ не видно было музыканта, крывшагося позадь бесѣдки; и можетъ быть это самое, вмѣстѣ съ тогдашнимъ расположеніемъ души моей, увеличивало очарованіе и придавало прелести игрѣ. Послѣ многихъ нѣжныхъ арій, игранныхъ невидимкою, раздался пріятной женской голосъ, еще почти дѣтской, и пѣлъ слѣдующія слова:

„Амуръ! какъ ужасна мнѣ твоя власть, „твои прелести и твои благодѣянія! Пощади сердце, дышущее одною невинностію „и спокойствіемъ!

„Небо покланяется тебѣ. Ты живешь, „ты царствуешь въ сердцахъ. Сердце слабой смертной для тебя ничто.

„Оставь же меня, владыка міра! оставь „въ сладкой моей независимости; не отнимай у меня моего спокойствія; не помрачай красныхъ дней моего блаженства.

„Естьли жЪ должно, чтобЪ душа моя
„испытала когда нибудь нещастіе любить;
„то воспламени меня толь тихимЪ огнемЪ,
„чтобЪ я благословила власть твою.“

Эта небольшая пѣсенка пропѣта сЪ такимЪ вкусомЪ, сЪ такимЪ трогательнымЪ выраженіемЪ! ГолосЪ показался мнѣ ТелесиллинЪ: я вышелЪ тихонько, чтобЪ ее поймать; но она услышала, и вмигЪ скрылась.

Когда я возвратился назадЪ, Лаѳенія сказала мнѣ сЪ усмѣшкою: — „Это Нимфа прыгушка; но мы сдѣлаемЪ изЪ нее постоянницу. Дай только созрѣть ей: скоро это молоденькое деревцо будетЪ украшеніемЪ великолѣпнаго саду. Пѣсенка, которую ты слышалЪ, собственныхЪ ея трудовЪ; я только кое-что поправила.

„Приступимъ теперь кЪ твоему предложенію о нашей женидьбѣ. Я долго обЪ этомЪ думала, и признаюсь, сердце мое ходатайствовало за тебя сильно: оно представляло мнѣ восхитительную картину щастія двухЪ су-

пруговъ, соединенныхъ любовію, должностію, чистосердечною довѣренностію и одинакими пользами. Я сражалась, уступала, но разсудокъ наконецъ побѣдилъ. Замужство не сообразно ни съ моимъ характеромъ, ни съ моимъ положеніемъ, ни съ привычками моими. Я взяла къ себѣ батюшку, чтобы покоить его старость, и исполняю долгъ священнѣйшій. Сестрица занимаетъ часть моего времени: это юное растеніе, о которомъ пекусь я съ удовольствіемъ. Вотъ расположеніе моего времени: „Лѣтомъ и зимою встаю я вмѣстѣ съ солнцемъ; для меня довольно спать часовъ пять, или шесть. Часъ, или два занимаюсь я учеными упражненіями. Потомъ нѣсколько минутъ употребляю на домашнія дѣла: эти мѣлочи, которыя кажутся толь скучны для большой части ученыхъ людей, гораздо легче, нежели думаютъ, естьли только заведенъ порядокъ и машина настроена. Одно нерадѣніе или слабоумie пренебрегаетъ хозяйственными упражненіями, и поставляетъ въ тягость заняться дѣлами,

съ которыми порядочная голова скоро и легко управляется. Самъ Ксенофонтъ писалъ о домоводствѣ. Послѣ того иду я къ батюшкѣ, а тамъ гуляю съ Телесиллою въ саду. Уединенная алея служитъ намъ Лицеемъ. Здѣсь мы учимся, разсуждаемъ, споримъ; сестрицу заставляю я читать наизусть и громко стихи для изощренія и обогащенія памяти, для вычистки ея произношенія. Солнечные горизонтальные часы, которыхъ употребленіе дошло къ намъ изъ Вавилона, распредѣляютъ время нашихъ уроковъ. Потомъ опять идемъ къ батюшкѣ, и всѣ вмѣстѣ завтракаемъ. Плоды, молоко и медъ составляютъ единственную нашу пищу до самаго вечера; въ вечеру жъ, по обыкновенію всѣхъ порядочныхъ Аѳинянъ, мы обѣдаемъ, и обѣдъ нашъ посытнѣе утренняго стола. Послѣ завтрака наступаетъ время отдохновенія, но такого, которое полезно и здорово: мы ходимъ на голубятню, смотримъ куръ, сманиваемъ цыплятокъ, которые подъ предводительствомъ матери сбѣ-

гаются кучами клевать бросаемой нами кормъ; также поливаемъ цвѣты; а иногда, вооружась кривымъ ножемъ, подчищаемъ деревья, или сажаемъ новыя. Садовникъ помогаетъ намъ, и изъясняетъ науку столькожъ полезную, сколько и пріятную, о которой однако большая часть людей не имѣютъ и понятія. Тутъ возвращаюсь я въ свой кабинетъ, или, взявъ книжку и свои тетрадки, съ однимъ невольникомъ, иду бродить въ поле. Возвратившись домой, что обыкновенно бываетъ около обѣда, нахожу у себя пріятелей, людей мнѣ любезныхъ, или Философовъ, и съ ними провожу остатокъ щастливаго и скоротечнаго дня своего. Мудрость тогда только утѣшительна, тогда только можетъ назваться мудростію, когда соединяетъ столь приличнымъ образомъ забавы, труды и обязанности, ею на насъ возлагаемыя. Впрочемъ этотъ образъ жизни не такъ непремѣненъ, чтобъ я отъ него иногда не отступала: иначе значило бы таскать на себѣ цѣпь. Нужно нѣсколько разнообразія. Умы слишкомъ

щепетливые, излишне придерживающіеся заведеннаго ходу, суть умы ограниченные и мѣлкіе. Однакожъ я всегда съ удовольствіемъ возвращаюсь на свою дорогу. Антенорь видитъ, что моя жизнь течетъ столь щастливо, столь покойно, сколько можно ожидать того здѣсь, на сей бурной землѣ, въ сей юдоли плача и скорби. Я здорова; хотя посредственно, но довольно богата; наслаждаюсь удовольствіями ума и сердца. Я приготовляюсь со всѣмъ этимъ разстаться; но каждой день, въ которой еще дышу, принимаю, какъ благодѣяніе боговъ. Теперь естьлибъ я подверглась игу супружества, не должнолибъ мнѣ было оставить свои привычки, взять на себя новыя обязанности? — По чемужъ Ласѳеніи не остаться всегда полновластною Госпожею въ ея владѣніи? — Нѣтъ; я увѣрена совершенно, что деспотовъ не любятъ. Супругъ, и самой честной, и самой снисходительной, имѣетъ свои склонности, свои привычки; онъ не можетъ безпрестанно ихъ насиловать, не можетъ связывать себя,

не чувствуя иногда хотя нѣкоторой досады и неудовольствія, которое напослѣдокъ родитъ холодность и ожесточаетъ нравъ. Я съ своей стороны чѣмъ болѣе бы отъ него получала, тѣмъ болѣе обязана была бы оказывать ему угожденій, снисходительности; должность и разсудокъ побуждали бы меня къ пожертвованіямъ. О супружествѣ можно то же сказать, что о такъ называемой гражданской свободѣ. Однажды нѣкоторые Аѳиняне хвалились передо мною Республиканскою вольностію, которою они наслаждались. Я отвѣчала имъ: — „Вы почитаете себя свободными въ огражденіи стѣнъ своихъ, подъ защитою отечественныхъ законовъ; но законъ общежитія дѣлаетъ васъ рабами. Можно ли назвать того свободнымъ, кто необходимостію поставляетъ домогаться честей, исполнять должности носимаго званія, угождать людямъ, пріобрѣтать благосклонность народа, предвидѣть и отвращать ковы злоумышленниковъ; свято наблюдать законы приличія, строжайшіе законовъ Натуры; безпре-

станно быть связану въ одеждѣ, походкѣ, въ словахъ и дѣлахъ?“ — Таково и супружество: оно требуетъ взаимныхъ угожденій, трудовъ и заботъ, налагающихъ узы на свободу. Словомъ сказать, дѣло рѣшено; я отрекаюсь отъ союза, которой сколько ни лестенъ для моего сердца, не могъ однако обольстить моего разсудка. Большая часть людей нещастны потому, что не умѣютъ присвоить себѣ того участка благополучія, которой приходится на ихъ долю; они послѣдуютъ въ этомъ больше общепринятымъ мнѣніямъ, нежели внушенію своего сердца и своего характера. Сколько бы людей могли быть щастливѣе въ хижинѣ, нежели въ раззолоченныхъ палатахъ! Между тѣмъ, поелику Антеноръ для меня дорогъ, поелику сердце мое чувствуетъ, что его дружба, его сообщество есть необходимая для меня потребность, есть услажденіе бытія моего: то я обдумала новой планъ, исполненіе котораго обрадуетъ меня несказанно. Сестрица моя, Телесилла, дѣвушка умная,

имѣетъ способности, и охотница до ученья; музыкальной даръ ея тебѣ извѣстенъ; я слыхала отъ тебя, что она не дурна; душа ея непритворна, чувствительна и любезна; наконецъ, думаю, безъ хвастовства можно примѣнить къ ней этотъ стишокъ одного нашего Поэта:

„Плодъ превзойдетъ богатство цвѣта." Испытай же себя, можетъ ли сестра твоего друга, твоей Ласѳеніи, съ такими качествами, можетъ ли, говорю, найти мѣсто въ твоемъ сердцѣ?" — Конецъ этого разговора такъ меня занялъ, погрузилъ въ такое размышленіе, что я забылся. — Ну, чтожъ? какой дашь ты мнѣ отвѣтъ? — Ласѳенія потребовала у меня дня, чтобы размыслить о моемъ предложеніи; я требую у нее мѣсяца, чтобъ обдумать ея задачу. — Это слишкомъ долго. Даю тебѣ двадцать четыре часа. Помни, что я предлагаю тебѣ свою сестру, нѣжнѣйшаго своего друга, вторую Ласѳенію; что этотъ союзъ сдѣлаетъ еще тѣснѣе пріятныя узы друж-

бы нашей; что дни наши, соединясь, какъ два источника, потекутъ вмѣстѣ одною струею. Какое щастіе для двухъ чувствительныхъ смертныхъ, другъ въ другѣ полагающихъ свое блаженство, быть вмѣстѣ и не разлучаться! вмѣстѣ видѣть восхожденіе и захожденіе солнца; вмѣстѣ наслаждаться пріятнымъ пѣніемъ птичекъ, красотою луговъ, вселенною, бытіемъ своимъ! Въ случаѣ жъ твоего отказа, какая противоположная картина! Намъ не льзя долѣе жить подъ одною кровлею; не льзя покоиться въ одномъ уединеніи. Сколько дружба ни сближаетъ насъ, сколько сердца наши ни тѣсно сопряжены: живучи въ разныхъ мѣстахъ, отлученные другъ отъ друга законами благопристойности, мы будемъ видѣться не долѣе нѣсколькихъ минутъ. — Чувствую, какое блаженство слить дни мои со днями Ласѳеніи, дышать тѣмъ же воздухомъ, жить, такъ сказать, тою же жизнію! но за то, какая жертва! — Никакой, по крайней мѣрѣ, для сердца. Ты прилѣпишься ко

мнѣ подъ двумя драгоцѣнными именами,
подъ именемъ моего брата и друга. Не
будучи связана ничѣмъ, я могу предать-
ся всей своей чувствительности, всѣмъ
сладостямъ святаго дружества." — Я
былъ растроганъ, внутренне скорбѣлъ
и молчалъ. Тутъ Ласѳенія встала. —
„Вижу, сказала она, что тебѣ надобно
дать время на размышленіе. Завтра
приду я въ эту же самую бесѣдку за
отвѣтомъ. Помни однакожъ, что люди
иногда, подобно упавшей въ ручей вѣ-
точкѣ, должны плыть по водѣ, и что
лишнее думанье родитъ нерѣшимость и
беспокойство." — Послѣ этого, она ме-
ня оставила, а я пошелъ въ яворовую
алею ходить и думать, колеблясь, какъ
оторванной листъ, обуреваемый про-
тивными вѣтрами. На встрѣчу попа-
лась мнѣ Телесилла въ такомъ же беспо-
койствѣ, какъ и я, но совсѣмъ отъ
другой причины: она суетилась и иска-
ла маленькой своей пропавшей собачки;
открывъ мнѣ свое горе, она просила
меня помочь ей найти пропажу. —
Очень хорошо, отвѣчалъ я; но естьли

найду, что мнѣ за то будетъ? — Я попрошу сестрицу, чтобъ она тебя поцѣловала. — А сама Телессилла ничѣмъ меня не наградитъ? — Чѣмъ же? Моя монета не имѣетъ той цѣны." — Между тѣмъ я принялся искать собачки, и встрѣтилъ Ласѳенію, которая уже ее нашла. Мы кликнули Телесиллу, и когда она прибѣжала, я сказалъ Ласѳеніи о нашемъ уговорѣ. — Я не плачу, отвѣтствовала она, чужихъ долговъ: сестрица сама должна развѣдываться. — Вамъ этого хочется; но я напередъ сказываю, что Антеноръ не будетъ имѣть того удовольствія. Онъ однажды говорилъ, что не любитъ новаго вина. — О! о! сказалъ я, обнимая ее; между виномъ и виномъ есть разница." — Эта шутливая и веселая сцена успокоила мое волненіе, и сердце мое отдохнуло нѣсколько между пріятнѣйшихъ картинъ. Мы пошли обѣдать. За столомъ Ласѳенія заставила Телесиллу повторить пѣсенку, которую пѣла она въ саду. Голосъ и сочиненіе ея разхвалили, и называли щастливцомъ того,

кто помиритЪ ее сЪ любовью. Ласѳенія взоромЪ дала мнѣ знать, что этотЪ щастливецЪ я.

НаконецЪ наступило это завтра, когда надлежало мнѣ дать рѣшительный отвѣтЪ. Я пошелЪ вЪ бесѣдку, гдѣ Ласѳенія уже меня дожидалась. Первыя слова ея были: — „сестра ли я тебѣ, или только другЪ? — Вы слишкомЪ нетерпѣливы; я не спалЪ всю ночь. Отказаться отЪ Ласѳеніи, три года составлявшей единственную мою мысль, единственную потребность души моей! Такая жертва мучительна. КЪ тому жЪ можете ли вы поручиться мнѣ за чувства Телесиллы? ПринимаетЪ ли она такое жЪ участіе вЪ вашихЪ расположеніяхЪ, какЪ вы?-СЪ нѣкотораго времени я приготовляю ее кЪ этому супружеству. Я посѣяла вЪ сердцѣ ея первое чувство нѣжности, воздѣлываю его и привожу вЪ созрѣлость. Вчерась спросила я у нее, охотноли бЪ она пошла за тебя замужЪ. — „Охотно, отвѣчала она: потому что онЪ любитЪ мою собачку." — ВЪ эту минуту вошла Телесилла: я

позамѣшался. Ласѳенія примѣтила то, и усмѣхнулась. Телесилла, думая, что приходъ ея не кстати, не знала, что дѣлать. Сестра сказала ей: — мы гово„рили о тебѣ и о будущемъ твоемъ замужствѣ.“ — При этихъ словахъ живой, яркой румянецъ заигралъ на щекахъ у милой дѣвушки. — „Точно такъ, примолвилъ я; сама любовь, не смотря на прозьбу Телесиллы, хочетъ дать ей супруга. На кого онъ долженъ быть похожъ, чтобъ имѣть щастіе понравиться вамъ? — „На того, кто догонитъ меня.“ — И вмигъ пустилась она бѣжать; я за нею, тотчасъ догналъ ее, и привелъ опять въ бесѣдку. — Могу ли обнять моего брата? вскричала Ласѳенія; и не дожидаясь моего отвѣта, бросилась ко мнѣ на шею. Ея поцѣлуй рѣшилъ мою судьбу: однакожъ я требовалъ нѣкотораго времени, чтобъ изгладить слишкомъ живыя впечатлѣнія, и отворить сердце свое любви, какой заслуживала милая Телесилла. — „Даю тебѣ годъ, отвѣчала Ласѳенія; это нужно и потому, что замужство есть

плодъ, слишкомъ еще для нее незрѣлый. Въ это время ты успѣешь женить друга своего Фанора на прелестной Аѳина-идѣ." — Такимъ образомъ я сталъ помолвленъ на сестрѣ неоцѣненной моей Ласѳеніи.

Еще два мѣсяца прожилъ я съ этимъ любезнымъ семействомъ, точно какъ родной, осыпаемъ ласками и нѣжностями. Телесилла, все также чистосердечная, также непритворная, сдѣлалась нѣсколько боязливѣе и осторожнѣе въ своихъ рѣчахъ. Я отчасу находилъ ее прелестнѣе. Къ Ласѳеніи раждались въ душѣ моей новыя чувства, съ каждымъ днемъ очищавшіяся глубокимъ чувствомъ удивленія и почтительности. Я даже не понималъ прежнихъ своихъ желаній; не понималъ, какъ могъ я на минуту побѣдить такую строгую, непоколебимую добродѣтель. Но можетъ быть это единственное паденіе, послѣ котораго сдѣлалась она столь непреткновенна, не только не помрачаетъ славы ея, но еще придаетъ ей блеску. Естьлижъ это и преступленіе въ глазахъ

непреклоннаго Стоика; то примѣрными своими добродѣтелями не загладила ль она его совершенно? Чтобы показать яснѣе, какова была эта Ласѳенія, я приведу изъ безчисленнаго множества примѣровъ, доказывающихъ ея благотворительность, великодушіе и твердость, три слѣдующія черты, которымъ я былъ очевидный свидѣтель.

„Одинъ крестьянинъ, жившій по близости отъ сельскаго ея дома и имѣвшій небольшее поле, приходитъ къ ней и проситъ купить его. Эта землица весьма была ей къ рукѣ; однакожъ она спросила, за чемъ мужичокъ хочетъ ее продать? — „Жаль мнѣ очень разставаться съ нею, отвѣчалъ онъ, да чтожъ дѣлать! неумолимые заимодавцы не даютъ мнѣ покою. — Сколько ты долженъ? — Много: два таланта. — Я тебѣ дамъ ихъ, и поле твое останется у тебя. Естьли будешь когда нибудь богаче, ты мнѣ заплатишь.“ —

Слѣдующій анекдотъ показываетъ столькожъ неустрашимости, какъ и великости духа.

„Философъ Анаксагоръ, прозванный *Умомъ*, обвиненъ былъ непріятелями своими въ нечестіи и безбожіи, хотя онъ первой призналъ *Верьховный Разумъ*, устроившій хаосъ. Дано повелѣніе взять Анаксагора подъ стражу. Онъ объ этомъ узналъ; вышелъ изъ Аѳинъ переодѣвшись, и скрылся у Ласѳеніи въ загородномъ ея домѣ. Она продержала его у себя нѣсколько дней, и доставила ему случай уйти.

„Клеветники, узнавъ о семъ нарушеніи закона, донесли на нее въ судѣ, куда и была она потребована. По закону слѣдовало казнить смертію за такое преступленіе. Ужасъ и отчаяніе взволновали весь домъ; поднялся вой и плачь; всѣ домашніе и невольники стенали, рыдали, обнимали ея колѣна; отецъ, сестра, я и всѣ ея друзья, въ безпамятствѣ, пораженные скорбію, окружали ее, заключали въ объятія. Она была тронута сими живыми изъявленіями любви и привязанности; но онажъ утѣшала насъ, ободряла и словами и свѣтлымъ, покойнымъ своимъ лицемъ. — „Я

исполнила долгъ свой, говорила она, и думаю, что мнѣ не чего бояться." — А тихонько примолвила: — „долго ли выпить фіялъ цикуты!" — Мы провожали ее въ судъ. Одинъ изъ Архонтовъ, съ видомъ суровымъ, спросилъ ее: правда ли, что она укрывала у себя Анаксагора, преступника? — — Такъ, отвѣчала Ласѳенія съ спокойствіемъ невинности и съ духомъ неробкимъ: только я дала убѣжище не злодѣю, а мудрецу, покровителю, другу своему. Онъ одолжилъ меня, помогъ мнѣ въ нуждѣ; былъ самъ нещастливъ, осужденъ на смерть; я спасла ему жизнь, подвергая опасности собственную свою. Могла ли я поступить иначе, не очернивъ себя крайнею неблагодарностію? Естьли я преступила законъ, кровь моя омоетъ сіе преступленіе; но естьлибъ я нарушила уставъ дружбы и признательности, самая смерть моя не могла бы загладить моего посрамленія." — Такой отвѣтъ возбудилъ всеобщее удивленіе; и Судьи не только освободили ее отъ всякаго наказанія, еще отпустили съ похвалами." —

„Клеонъ, сынъ одного кожевника, наглостію и происками своими пріобрѣвшій великую власть надъ народомъ, домогался, будучи впрочемъ весьма дурной солдатъ, главнаго начальства надъ войскомъ. Онъ просилъ Ласѳенію поговорить за него нѣкоторымъ важнымъ людямъ, которыхъ довѣреностію она пользовалась. Но Ласѳенія, совершенно увѣренная въ его неспособности, отказалась, принося въ оправданіе то, что не знаетъ его воинскихъ достоинствъ. Клеонъ крайне оскорбился отказомъ и отвѣтомъ. Когда представляли Ласѳеніи, что онъ не проститъ ей такой обиды, то она отвѣчала: — „Я хочу лучше поссориться съ нимъ, нежели съ самой собою.“ —

Между тѣмъ шестимѣсячный срокъ, назначенный Аристидомъ, приближался къ концу. Фаноръ безпрестанно побуждалъ меня своими письмами поскорѣе отправиться въ дорогу. Надобно было оставить мнѣ сіе прелестное убѣжище, гдѣ дни мои протекали такъ щастливо и безмятежно; гдѣ послѣ тихаго

сна первыя мысли мои были наслажденія, первыя чувства, пріятныя движенія души; гдѣ, ввечеру, смыкая глаза, мечталъ я о завтрешнемъ блаженствѣ!

ГЛАВА XXXIV.

Красота Діакріи. Пребываніе Антенора въ Оропѣ. Праздникъ Гіацинтовъ. Новая черта помѣшательства Архіева. Анекдоты о Пиндарѣ. Отбытіе въ Сарды съ Фаноромъ. Свадьба сего послѣдняго. Возвращеніе въ Ѳивы съ Аристидомъ и его семействомъ. Смерть младшаго Кира и Аристида.

Я отправился въ Оропъ, гдѣ мудрый и честный Діоклидъ принялъ меня толь дружески. Мнѣ крайне хотѣлось повидаться съ нимъ и его любезнымъ семействомъ. Дорога моя шла черезъ Діакрію. Въ первую свою тамъ бытность я не могъ примѣтить красотъ сей страны, потому что идти случилось мнѣ ночью, и что крайняя моя

горесть подавляла всѣ мои душевныя способности.

Въ Діякріи дорога прекраснѣе всѣхъ Греческихъ дорогъ: это безпрерывное гульбище между пріятныхъ лавровыхъ рощицъ.

Когда я пришелъ къ Діоклиду, первой представившійся мнѣ предметъ была любезная Хризилла: она сидѣла на дворѣ, подъ тѣнію смоковницы, и чистила овощи; а двое прекрасныхъ малютокъ играли у ногъ ея. При видѣ моемъ, она закричала отъ радости и удивленія, и бросилась ко мнѣ на шею. Послѣ взаимныхъ объятій, я спросилъ ее объ отцѣ и мужѣ. — „Филотъ на работѣ, а батюшка . . . ахъ! его нѣтъ больше съ нами; онъ въ Елисейскихъ поляхъ; онъ умеръ на рукахъ нашихъ, и послѣднія слова его были: — „иду къ любезной моей Евфиміи, съ которою не видался я двенадцать лѣтъ!“ — Мы много плакали объ немъ, и еще плачемъ всякой день. Тутъ глаза ея наполнились слезами. Чтобъ разсѣять ея печаль, я заговорилъ ей о дѣтяхъ; ла-

скалъ малютокъ, хвалилъ ихъ миловидность; потомъ пошли мы къ Филоту, которой изсѣкалъ въ горѣ для милой своей Хризиллы гротъ, начатой уже Натурою. Мѣсто было препріятное; у входа въ пещеру извивался маленькой ручеекъ. Это прохладное убѣжище назначено было укрывать Хризиллу отъ палящаго зною Сиріуса. Мужъ и жена, оба равно любезные, приняли меня столь же дружественно, какъ и отецъ ихъ. Въ Филотѣ нашелъ я человѣка свѣдущаго въ нравственности, политикѣ и сельскомъ домоводствѣ. Они выхваляли мнѣ щасливую и покойную свою жизнь; любили другъ друга такъ же, какъ въ первой день своего супружества. У нихъ было двое прекрасныхъ дѣтей; были друзья, приходившіе не рѣдко развеселять ихъ уединеніе; а умѣренный трудъ водворялъ въ жилищѣ ихъ обиліе благъ земныхъ.

На другой день, при восхожденіи зари, я пошелъ со всѣмъ семействомъ поклониться гробу мудраго Діоклида. Прахъ его заключенъ былъ въ одну

урну съ прахомъ милой его Евфиміи. Отецъ, мать, дѣти и я, всѣ мы призывали его тѣнь, совершили обычную жертву изліянія, и посыпали могилу цвѣтами.

Послѣ сего обряда я располагался было проститься съ сими добродушными и щастливыми поселянами, наслаждавшимися покоемъ безъ праздности, изобиліемъ безъ излишества, жизнію непричастною терзаніямъ совѣсти и мучительнымъ безпокойствомъ, и хотѣлъ отправиться въ путь свой: но вдругъ начали скопляться тучи, и Хризилла упрашивала меня такъ усильно, съ такою любезностію, отложить до завтра мое путешествіе, что сколько мнѣ ни хотѣлось поспѣшить въ Ѳивы, я не могъ отъ нее отговориться. Да и хорошо сдѣлалъ; потому что воздухъ отчасу темнѣлъ, облака сгущались; вдругъ разсторглись, и дождь зашумѣлъ рѣками. Мы усѣлись кружкомъ подлѣ огня, на которомъ готовился обѣдъ. Хризилла подкладывала дровъ и раздувала огонь, малютки сидѣли подлѣ нее, иг-

рали, и также хотѣли поддувать. Филотъ разговаривалъ со мною, заваствривая подпорки для винограда. Онъ сказалъ мнѣ, что прошлаго году въ бытность свою въ Лаконіи, въ Амиклахъ, присутствовалъ онъ на праздникѣ Гіацинта. — Мнѣ весьма хочется, отвѣчалъ я, имѣть объ немъ понятіе, и любопытство мое тѣмъ сильнѣе, что я думалъ было видѣть его самъ, въ бытность свою въ Спартѣ: одно не большое приключеньице съ другомъ моимъ Фаноромъ заставило насъ поскорѣе оттуда убраться, и лишило меня этого удовольствія. — Со всею точностію удовлетворю твоему любопытству, отвѣчалъ Филотъ; потому что я самъ былъ очевидецъ, и сверхъ того примѣчательный наблюдатель.

„Ты знаешь, что Амиклы не далеко отъ Спарты? — Знаю, потому что былъ тамъ во время путешествія своего въ Гиѳіумъ (*). — Здѣсь-то, въ мѣсяцѣ Гекатомвеонѣ (Іюль), отпра-

(*) Гиѳіумъ, или Гиѳеумъ, городъ въ Лаконіи.

вляется праздникЪ ГіацинтовЪ. Гробница его находится вЪ храмѣ Аполлоновомъ, подЪ статуею этого бога, коей подножіе имѣетъ видЪ жертвенника. На немЪ представлены и выпуклыя изображенія Цереры, Прозерпины и Плутона, далѣе представлены Парки и часы; а еще далѣе Венера, Діана и Минерва, возносящія на небо Гіацинта сЪ сестрою его Полибоею, которая умерла вЪ дѣвствѣ. ВЪ день праздника, священники, передЪ совершеніемЪ служенія Аполлону, отворяютЪ маленькія мѣдныя дверцы, сдѣланныя вЪ семЪ жертвенникѣ сЪ лѣвой его стороны. Всѣ Лакедемонцы стекаются на этотЪ праздникЪ: Спарта бываетЪ тогда пуста. Три дни приносятся жертвы Гіацинту: первой изЪ нихЪ посвященЪ сѣтованію и скорби: оплакиваютЪ смерть сего прекраснаго юноши, рожденнаго отЪ Кліи. За трапезою не употребляютЪ вѣнковЪ; вмѣсто хлѣба ѣдятЪ опрѣсноки; не слышно пѣсней, не слышно гимновЪ вЪ честь Аполлону; запрещаются всѣ обыкновенныя увеселенія и забавы; при столахЪ

царствуетъ молчаніе и скромность; а покушавши, каждый въ такомъ же безмолвіи возвращается къ себѣ.

„На другой день, съ появленіемъ свѣта, появляются снова радость и веселія. Начинаются зрѣлища и игры, на которыхъ присутствуютъ знатнѣйшіе люди. Мальчики, прекрасные изъ себя, въ бѣлыхъ одеждахъ, увѣнчанные розами и миртами, поютъ, подыгрывая на флейтѣ или на цитрѣ. По томъ проворные и статные молодые люди, на прекрасныхъ и богатоубранныхъ лошадяхъ, разъѣзжаютъ и скачутъ по театру. Послѣ нихъ являются другіе молодые люди, и поютъ то всѣмъ хоромъ, то одни послѣ другихъ. Къ нимъ присоединяются танцовщики, и подъ звукъ флейты пляшутъ на старинную стать. Во время этихъ игръ пріѣзжаютъ молодыя дѣвушки, подобныя Нимфамъ Діаниным, съ улыбкою на устахъ, съ веселіемъ въ сердцѣ: однѣ въ великолѣпныхъ фаэтонахъ, другія въ воинственныхъ колесницахъ, въ воинственномъ нарядѣ. По окончаніи такихъ зрѣлищь, начинается

богослуженіе и закалается множество жертвЪ. Весь городЪ радуется и торжествуетЪ. Даются пиры, на которыхЪ присутствуютЪ и невольники. Вино, вкусныя яствы, смѣхЪ, шутки, пѣсни, развеселяютЪ, приводятЪ вЪ восторгЪ всѣхЪ пирующихЪ. ТакимЪ образомЪ оканчивается шумное празднество сего дня; на слѣдующій же, городЪ принимаетЪ совсѣмЪ новой видЪ: повсюду скорбь и безмолвіе: не слышно кликовЪ радости, но снова раздается плачь и рыданіе о смерти прекраснаго и нещастнаго Гіацинта." —

Это повѣствованіе продолжалось до обѣда. Садясь за столЪ, примѣтилЪ я, что одно мѣсто оставляютЪ праздное; я понялЪ, что оно Діоклидово, и завелЪ обЪ этомЪ рѣчь. — Ты угадалЪ, отвѣтствовалЪ мнѣ ФилотЪ сЪ чувствомЪ; оно покойнаго батюшки, и не будетЪ никогда занято: это родЪ почести, которую воздаютЪ ему дѣти; а сверьхЪ того мы хотимЪ продлить мечту, которая столь пріятно обманываетЪ насЪ. Кажется, что мы видимЪ

его съ собою; иногда обращаемъ къ нему рѣчь, думая, что онъ насъ слышитъ и веселится нашею бесѣдою. Обѣдъ начался жертвою изліянія. Филотъ вылилъ на огонь нѣсколько молока въ честь домашнимъ богамъ Ларамъ. По окончаніи стола, онъ сжегъ оставленную половину голубя въ честь добраго духа Діоклидова и боговъ, хранителей усопшихъ (Mânes). Я спросилъ объ Архіѣ, объ этомъ любезномъ дурачкѣ, помѣшавшемся отъ любви. Филотъ усмѣхнулся при моемъ вопросѣ и сказалъ: — „ты приводишь мнѣ на память и мои сумазбродные припадки. Вить не льзя жъ, чтобъ всякой человѣкъ подъ часъ не сумазбродствовалъ! Только мое помѣшательство прошло, а Архіево каждый день становится сильнѣе.

„На этихъ дняхъ увидѣлъ онъ молодую дѣвушку, которая шла въ Юнонинъ храмъ вѣнчаться, въ сопровожаніи своихъ родныхъ и жениха, и со всею пышностію, приличною обряду. Нещастный тотчасъ влюбляет-

ся, горитъ страстію, бѣжитъ, становится подлѣ молодой; и когда жрецъ хотѣлъ взять руку жениха, чтобъ соединить съ рукою невѣсты, Архій протянулъ свою, и едва могли воспрепятствовать ему схватить руку новобрачной. Между тѣмъ воображеніе его юродствуетъ, и онъ почитаетъ себя мужемъ прекрасной Мирры; такъ зовутъ молодую. По окончаніи обряда, безумной идетъ за нею, пляшучи и припѣваючи свадебные стихи. Извѣстно, въ какой чести у Грековъ сумасшедшіе. Никто не осмѣливался мѣшать Архію, и онъ спокойно расположился на пиру. Онъ топалъ, присѣдалъ и не зналъ, что дѣлать отъ радости, думая, что скоро получитъ въ обладаніе такую прекрасную дѣвушку. Его изступленіе, его сверкающіе глаза, рѣчи, движенія, коверканье, все показывало помѣшательство ума и сердца. Онъ возбуждалъ смѣхъ и жалость, гнѣвъ и снисхожденіе. По окончаніи стола, дѣло пошло не на шутку; онъ хотѣлъ увести мнимую свою супругу; клялся, что она его;

что онъ на ней женился, и что съ нею ночуетъ. Не малаго стоило труда удержать этого безумца и вырвать изъ рукъ его Мирѳу. Когда онъ увидѣлъ, что не льзя утащить ее съ собою; то пошелъ и расположился въ той комнатѣ, гдѣ горѣлъ брачной свѣтильникъ (*). Онъ уже скинулъ съ себя мантію и хитонъ (**), какъ пришли новобрачные. Ни подъ какимъ видомъ не льзя было уговорить его; онъ кричалъ, что женатъ на Мирѳѣ, и что хочетъ ложиться съ своею супругою. Не желая

(*) Какъ скоро молодые приходили въ спальню, то друзья уносили брачный свѣтильникъ, опасаясь, чтобъ невѣста загасивши не положила его подъ кровать, или чтобъ женихъ не оставилъ его по неосторожности горѣть надъ какою нибудь гробовою урною (Греки имѣли въ домахъ своихъ урны съ прахами родственниковъ и другихъ любезныхъ имъ людей); что было бы предвѣщаніемъ близкой смерти того или другаго.

(**) Греки спали совершенно нагіе.

употребить силы, прибѣгли къ хитрости. Мирѳа вышла; ему сказали, что она пошла къ себѣ въ спальню и тамъ его ожидаетъ; тутъ взяли брачный свѣтильникъ и унесли, говоря, что отнесутъ его къ Мирѳѣ. Тогда безумной вышелъ, и на силу на силу отъ него отдѣлались.“ — Я смѣялся приключенію, и жалѣлъ объ участи бѣднаго Архія.

На другой день, съ зарею, началъ я продолжать путь свой, простившись сперва нѣжнѣшимъ образомъ съ своими друзьями, и поспѣлъ въ Ѳивы еще засвѣтло. Фаноръ журилъ и бранилъ меня за мое медленіе. Черезъ день положено было отправиться намъ въ дорогу, а между тѣмъ, въ это краткое время, старался я осмотрѣть городъ и нѣкоторыя капища; былъ въ храмѣ Геркулесовомъ, на сводѣ котораго Пракситель изобразилъ двенадцать подвиговъ сего полубога, и гдѣ есть бѣлая мраморная его статуя. За воротами Гомолоидскими, на холмѣ, возвышается храмъ Аполлона Исменійскаго, такъ названнаго по рѣкѣ Исменѣ, недалеко оттуда

шекущей. Өивяне ежегодно избираюшЪ отрока изЪ лучшаго дому, миловиднаго и стройнаго, и возлагаютЪ на него долгЪ служить при олтаряхЪ сего бога. Отрока сего называютЪ *Лавроносцемъ*, потому что онЪ вЪ самомЪ дѣлѣ носитЪ на головѣ лавровый вѣнокЪ. ТѢ изЪ лавроносцевЪ, которые богаты, обыкновенно дарятЪ Аполлону бронзовой треножникЪ. При входѣ вЪ храмЪ поставлена Снопова Минерва и ФидіевЪ Меркурій. НѢсколько шаговЪ повыше, на холмѢ, протекаетЪ источникЪ, посвященный Марсу, тотЪ самой, кЪ которому нѣкогда приставленЪ былЪ отЪ него стражемЪ драконЪ, умерщвленный КадмомЪ, основателемЪ города ӨивЪ.

ТеатрЪ находится подлѣ воротЪ ПретидскихЪ; не далеко оттуда, на небольшомЪ возвышеніи, видна гробница Амфіонова и Зетусова, окруженная камнями грубыми и необдѣланными; увѣряютЪ, что это тѣ самые, которые привлекалЪ АмфіонЪ сладостію своихЪ пѣсней.

Я просилъ Фанора сводить меня на гробъ Пиндара, знаменитѣйшаго изъ Лирическихъ пѣснопѣвцевъ, которому, не смотря на предубѣжденіе Грековъ къ Ѳивянамъ (*), воздается равная почесть съ Гомеромъ; Пиндара, который съ сильными фигурами, съ отважными метафорами, съ живыми выраженіями, съ плавностію и полнотою слога, соединяетъ пріятность, красоту и великолѣпіе картинъ. На дорогѣ Фаноръ разсказалъ мнѣ нѣсколько анекдотовъ изъ жизни сего любимца Музъ. Пиндаръ научился стихотворству отъ одной женщины, называвшейся Мирѳидою. Есть преданіе, что онъ, въ дѣтствѣ своемъ, идучи куда-то въ одинъ знойной лѣтній день, такъ обезсилѣлъ отъ жару, что легъ подъ тѣнію большаго дерева и заснулъ; между тѣмъ прилетѣли пчелы, сѣли ему на лице и оставили на губахъ медовой сотъ:

(*) Boeotum in craſſo jurares aëre natum. — Ѳивяне почитались отъ Грековъ самыми грубыми и тупыми людьми.

это было щастливое предзнаменованіе сладости и пріятности его пѣснопѣнія. Имя его, сіяющее славою, скоро сдѣлалось извѣстнымъ во всей Греціи, столь высоко чтущей произведенія творческаго ума; а Оракулъ довершилъ сію славу, повелѣвъ устами Пиѳіи жителямъ Дельфскимъ удѣлять Пиндару половину всѣхъ первенцовъ, приносимыхъ въ жертву Аполлону. Не смотря на то, великой сей стихотворецъ пять разъ побѣжденъ былъ на играхъ Олимпійскихъ славною Коринною, которая впрочемъ гораздо уступая въ дарованіяхъ своему сопернику, обязана полученными вѣнцами и торжествомъ болѣе своей красотѣ, нежели стройности своей лиры. Пиндаръ, злопамятный, какъ и всякой Поэтъ (*), мстилъ за обиду свою эпиграммами и колкими насмѣшками.

Говорятъ, что не задолго до смерти своей, видѣлъ онъ сонъ, или явле-

(*) Genus irritabile Vatûm.

ніе. Ему представилась Прозерпина и жаловалась, что изъ всѣхъ боговъ и богинь одна только она не прославлена въ пѣсняхъ его. — „Но я получу свое, примолвила она, когда ты будешь въ моихъ рукахъ.“ — Увѣряютъ, что черезъ десять дней послѣ этого сна, онъ умеръ скоропостижно въ театрѣ. Въ Ѳивахъ была одна почтенная женщина, его родственница, пѣвшая оды его съ великимъ вкусомъ и выраженіемъ. Въ одну ночь явился ей во снѣ Пиндаръ, и пропѣлъ гимнъ, которой, говорилъ онъ, сочиненъ имъ въ честь Прозерпины: проснувшись, она вспомнила гимнъ и написала. Между тѣмъ Пиндаръ, не смотря на славу, которая отъ него сообщилась и его отечеству, осужденъ былъ на знатную денежную пеню, въ наказаніе за то, что въ одной одѣ своей назвалъ Аѳины подпорою Грецiи (*). Но Аѳиняне дали ему сумму вдвое больше той, какую онъ долженъ былъ заплатить, а потомъ поставили его ста-

---

(*) Эта ода не дошла къ намъ.

тую передъ Марсовымъ храмомъ, подлѣ статуй Гармодія и Аристогитона.

Между тѣмъ, какъ Фанорь разсказывалъ это, мы вышли за вороты Претидасія и пришли къ ристалищу, которое ведетъ къ гробницѣ Пиндаровой. Это ристалище конское, и есть возвышенное мѣсто, на которое поднялись мы съ конца, поворотивъ направо. Гробница находится въ самой его серединѣ, и сдѣлана весьма просто: четыре кипариса, по всѣмъ четыремъ угламъ, осѣняютъ ее; на каждой сторонѣ поставлено по столбику, изъ которыхъ на одномъ вырѣзана полубарельефомъ лира, вверьху съ лавровымъ вѣнкомъ; а на другомъ представленъ Пиндаръ, еще робенокъ, въ видѣ спящаго; на губахъ его сидятъ пчелы, а другія летаютъ вокругъ. Мы посыпали гробницу Піита цвѣтами; троекратно призывали его тѣнь, произнесли вторую Олимпическую его оду, гдѣ въ толь трогательныхъ, толь плѣнительныхъ чертахъ изображаетъ онъ Елисейскія поля:

и уходя, препоручили его богамъ хранителямъ усопшихъ.

Страстной Фаноръ не далъ мнѣ пожить въ Ѳивахъ (*). Мы отправились въ путь въ назначенное время, какъ скоро птица Марсова (**) возвѣстила день, и шли съ возможною поспѣшностію. Въ Оропѣ сѣли мы на судно, и отправились водою. Часто вѣтры раздражали нетерпѣливость любовника; онъ обѣщалъ принести въ жертву Нептуну юницу съ вызолоченными рогами, а Ѳетидѣ быка, естьли пла-

(*) Этотъ городъ, называющійся теперь Ѳива, или Ѳинъ, занимаетъ мѣсто, гдѣ нѣкогда была крѣпость, построенная на возвышеніи, около мили въ окружности: теперь это вещь не важная. Есть другой Тинъ, которой не иное что, какъ древній островъ Теносъ; вино его, Малвоази, въ великой славѣ.

(**) Алектріонъ, воинъ Марсовъ, будучи однажды на карaулѣ, какъ сей богъ прохлаждался съ Венерою, заснулъ и далъ время Вулкану поймать ихъ. Разгнѣванный Марсъ превратилъ его въ пѣтуха.

ваніе наше будетъ благоуспѣшно. Призывалъ Нерея и пятьдесятъ Нереидъ, его дочерей, также Кастора и Поллюкса, боговъ покровительствующихъ мореходцамъ; но сіи обѣты и моленія не были услышаны. Хотя мы ѣхали на прекрасномъ суднѣ, съ искусными гребцами, доплыли однако въ Смирну не прежде, какъ по истеченіи мѣсяца. Тамъ взяли мы лошадей, и тотчасъ отправились въ блаженную страну Сардійскую. Какая живая, чистая радость! какъ трепетало сердце будущаго супруга, особливо когда мы вошли въ щастливое убѣжище прекрасной Аѳенаиды! Мы пробираемся въ садъ, не будучи никѣмъ примѣчены, и находимъ тамъ Аристида одного; мы обнимаемъ его, осыпаемъ нѣжностями; его радость не уступаетъ нашей. Послѣ сихъ первыхъ изліяній нашего восторга, нашей чувствительности, онъ велѣлъ намъ спрятаться за деревья, чтобъ удивить пріятнымъ образомъ Аѳенаиду. Лишь только мы успѣли туда убраться, какъ Аѳенаида пришла безъ зову. Послѣ увѣ-

ряла она, что какое-то непонятное движеніе, какое-то внезапное чувство побудило ее вдругъ прервать ученье и идти въ садъ гулять: сердце предвѣщало ей нѣчто пріятное. Аристидъ подошелъ къ ней и сказалъ: — „Не думаю, чтобъ мы скоро увидѣлись съ другомъ нашимъ Фаноромъ!" — „Какъ быть! отвѣчала она: все же я не виню его, потому что увѣрена въ его ко мнѣ привязанности. — А естьли онъ долго замѣшкаетъ, простишь ли ты ему? — Не прощу, естьли причиною его медленія будетъ лѣность. Естьли жъ у него есть дѣла, то могу ли я на это жаловаться? Вы пріучили меня къ терпѣнію и превратностямъ жизни. — Ты знаешь, что насъ болѣе мучитъ мнѣніе, какое мы о вещахъ имѣемъ, а не самыя вещи; что большая часть добра и зла родится отъ нашего сужденія. И такъ, чтобы сдѣлать себя щастливою, вообрази, что онъ здѣсь. — Кто? Фаноръ? — Ну, да. Что бы ты сказала, естьлибъ онъ былъ въ этомъ саду? — Я бы попеняла ему, что онъ

долго не казался." — При сихъ словахъ Фаноръ бросается къ ея ногамъ въ восторгѣ радости, блаженства и чувствительности.

Сія трогательная сцена кончилась сладкими слезами. Позвали Фалою, которая спросила насъ, привели ль мы также и ей жениха? Фаноръ увѣрилъ ее, что онъ остался въ Ѳивахъ; что это его родственникъ, молодецъ любезный, стоитъ ея, и ожидаетъ невѣсты своей съ нетерпѣливостію.

Черезъ два дня послѣ того бракосочетаніе совершилось. Аѳенаида, по обряду Греческому, отнесла священную корзинку въ храмъ Діаны, и молилась, чтобъ сія богиня простила ей потерю ея дѣвства. Недостаетъ словъ къ изображенію щастія сихъ двухъ супруговъ! сіе упоеніе души, сіе неизъяснимое наслажденіе чувствъ, сія увѣренность, что въ будущемъ ожидаетъ насъ щастіе, что мы всегда будемъ жить другъ для друга — приводитъ насъ въ забытіе, въ восторгъ, и исполняетъ на землѣ сердце наше тѣхъ чистыхъ

небесныхЪ удовольствій, коими наслаждаются боги.

Когда пришло время Аристиду оставить мирное его убѣжище, которое называлЪ онЪ своимЪ раемЪ, то слезы покатились изЪ глазЪ его; нѣсколько разЪ возвращался старецЪ, чтобЪ еще проститься сЪ нимЪ, еще обнять любезныя дерева, посаженныя его руками. Радость АѳинянЪ была чрезмѣрна, когда узнали они, что сей праведный и злополучный мужЪ, котораго почитали давно уже мертвымЪ, находился вЪ ѲивахЪ. При семЪ доказали они благородство своего духа, стараясь загладить вину свою предЪ великимЪ человѣкомЪ. АристидЪ призванЪ вЪ отечество по всеобщему согласію, пеня уничтожена, и Пританей далЪ каждой изЪ внукЪ его по три тысячи драхмЪ вЪ приданое. Но АристидЪ не долго наслаждался сими дарами умилостивленной Фортуны: отЪ перемѣны ли климата, или отЪ сильныхЪ чувствованій радости, здоровье его начало слабѣть. Около сего времени получилЪ онЪ печальное извѣстіе о смерти младшаго Кира,

котораго любилъ, какъ сына своего; особливо тронулся старикъ весьма чувствительно тѣмъ, что онъ умеръ столь нещастнымъ образомъ. Сей молодой герой, порываемый любочестіемъ, поднялъ оружіе противъ Артаксеркса, старщаго своего брата, и пошелъ къ Вавилону, имѣя въ повелѣніяхъ своихъ сто тысячь варваровъ, двадцать вооруженныхъ колесницъ, и тринадцать тысячь Грековъ, на которыхъ основывалъ онъ всю надежду своего успѣха. Артаксерксъ ожидалъ его при Кунаксѣ, въ двадцати миляхъ отъ Вавилона, съ армісю изъ миліона двухъ сотъ тысячь воиновъ, и изъ полутораста колесницъ, вооруженныхъ косами. Передъ начатіемъ сраженія, Клеархъ, Греческой Полководецъ, совѣтовалъ Киру не подвергать себя опасности и оставаться позади Греческихъ батальоновъ. — „Какой смѣешь давать ты мнѣ совѣтъ? вскричалъ Киръ. Какъ! ты хочешь, чтобъ я, желая сдѣлаться Царемъ, сдѣлался недостойнымъ Царскаго сана?“ — Онъ отобралъ шесть сотъ лучшихъ всадни-

ковЪ, передЪ ними сражался сЪ непріятелемЪ и дрался сЪ открытою головою (таковЪ обычай ПерсовЪ во время сраженія). ВЪ самомЪ жаркомЪ дѣйствіи усматриваетЪ онЪ Артаксеркса, и летитЪ на него, крича: *я тебя вижу!* АртаксерксЪ ожидалЪ его не робѣя; и два брата, столь же злобствующіе другЪ противЪ друга, какЪ ЭтеоклЪ и ПолиникЪ подЪ стѣнами Ѳивскими, сражались сЪ остервенѣніемЪ. ПодЪ ЦаремЪ убита лошадь. ОнЪ встаетЪ, садится на другую, и летитЪ на своего противника, которой принимаетЪ его сЪ такою жЪ неустрашимостію, и даже ранитЪ. АртаксерксЪ, какЪ левЪ свирѣпѣющій, устремляется снова на брата, заноситЪ мечь, и весь вонзаетЪ вЪ грудь ему. КирЪ хочетЪ отмстить за себя, но колеблется и упадаетЪ безчувственЪ. Большая часть ОфицеровЪ, любившихЪ нещастнаго Князя до крайности, позволили убить себя надЪ его тѣломЪ. ТакЪ погибЪ, вЪ цвѣтѣ лѣтЪ своихЪ, сей юный Герой, помрачившій

необузданнымЪ честолюбіемЪ прекрасныя свойства души своей.

АристидЪ оплакивалЪ его, какЪ сына; и печаль прервала наконецЪ слабую нить жизни его. Однажды, вставая изЪ за стола, вЪ мѣсяцѣ Воедроміонѣ (СентябрѣЪ), онЪ пралЪ вЪ слабость, и чувствуя приближеніе своей кончины, призвалЪ дѣтей и говорилЪ имЪ: — „Оставьте слезы, жертвоизліянія и погребательныя почести: добродѣтелями чтится прахЪ родителей и любезныхЪ намЪ людей." — Вскорѣ послѣ того онЪ испустилЪ духЪ. Послѣднія слова его были: — „засыпаю надолго." —

АльцибіадЪ исходатайствовалЪ повелѣніе перенести тѣло его вЪ Фалерскую пристань, гдѣ Аѳиняне воздвигли ему гробницу. Они распространили свое великодушіе и на потомковЪ сего великаго человѣка.

Фалоя вышла за молодаго Ѳивянина, родственника Фанорова, и составила его щастіе. Я прожилЪ сЪ сими любез-

ными друзьями до окончанія году, то есть, да самаго того времени, которое назначено было Ласөеніею для бракосочетанія моего съ Телесиллою.

ГЛАВА XXXV.

Красота Телесиллы. Она выходитъ за Антенора. Старость и смерть Ласөеніи.

Во время отлучки моей красота Телесиллы созрѣла: черты лица ея сдѣлались живѣе; глаза говорили языкомъ выразительнѣйшимъ; новыя способности ея души свѣтились въ нихъ, какъ яркой блескъ огня; нѣкоторая боязливость и любезная скромность умѣряли ея пылкость; разумъ ея обогатился пріятными и основательными познаніями; ея произношеніе было столь же чисто и правильно, какъ перваго оратора Аөинскаго; а стройный, образованный голосъ издавалъ трогательные и сладкіе звуки. Я женился на ней черезъ восемь дней послѣ своего прибытія, и пилъ изъ под-

ной чаши блаженства. Тутъ почувствовалъ я больше, нежели когда нибудь, что, вопреки ученію ложныхъ Эпикурейцовъ, щастіе состоитъ больше въ пріятныхъ ощущеніяхъ души и занятіяхъ ума, нежели въ наслажденіяхъ чувствъ. Чувственныя удовольствія, по слабости нашихъ органовъ, не могутъ быть продолжительны. Естьли не соразмѣрять ихъ съ нашею слабостію, они утомляютъ и разстроиваютъ самое крѣпкое сложеніе, причиняютъ болѣзни и смерть. Удовольствія жъ ума и сердца не ограничены ни временемъ, ни мѣстомъ; ими можно наслаждаться всегда и вездѣ: въ деревнѣ, въ городѣ, въ свѣтѣ, въ уединеніи; въ веснѣ дней своихъ, и тогда, когда старость притупитъ наши чувства.

Ласѳенія состарѣлась, не чувствовала слабости, и не подвержена была ея припадкамъ. Въ шестьдесятъ лѣтъ она продолжала тѣ же свои прогулки, тѣ же упражненія, и съ тою же бодростію трудилась въ своемъ кабинетѣ. Когда представляли ей, что эта прилѣ-

жность къ ученію можетъ вредить ея здоровью, то она отвѣчала: — „Лучше хочу истереться, нежели заржавѣть.“ — Черты лица ея столь мало перемѣнились, что молодые люди искали ея сообщества съ такимъ же жаромъ, съ такоюжъ неотвязностію, какъ будто бы она была въ веснѣ красоты своей. Одинъ молодой человѣкъ, изъ лучшаго дому въ Аѳинахъ, влюбился въ нее по уши, и непремѣнно хотѣлъ на ней жениться. Выслушавъ его предложеніе, Ласѳенія попросила сроку до завтра, чтобы приготовить отвѣтъ. Между тѣмъ перемѣнила она свое платье и уборку. Вообще одѣвалась она съ великимъ вкусомъ и опрятностію, говоря, что безобразіе старости надобно скрадывать; но тутъ нарядилась прилично своимъ лѣтамъ. Хитонъ ея былъ темнаго цвѣту (*); мантія изъ

(*) У Грековъ было два только платья, одинаковыя для мущинъ и для женщинъ: *хитонъ* и *мантія*. Первой надѣвался непосредственно на голое тѣло, а мантія сверьхъ его. — Хитонъ дѣлался изъ льня-

толстой черноватой ткани, обложенная не золотою и не серебряною, но простою льняною бахрамою. Она спрятала свои еще прекрасные волосы, сгорбилась на посошокъ, и въ такомъ видѣ ожидала молодаго своего воздыхателя. Какъ скоро онъ ее увидѣлъ, то отступилъ назадъ и сдѣлался безгласенъ. Ласѳенія подходитъ къ нему и спрашиваетъ, хочетъ ли онъ вести ее въ храмъ? Теперь одѣлась я, примолвила она, въ свадебное свое платье и прилично моимъ лѣтамъ. Женихъ понялъ шутку и отказался, хотя не безъ труда, отъ любовныхъ своихъ требованій.

ной или бумажной матеріи; у женщинъ доставалъ онъ до самой земли и прикрѣплялся на груди застежкою; по краямъ обложенъ былъ бахрамою въ видѣ фестоновъ. У простаго народа бахрама эта была льняная, а у богачей золотая или серебряная. Знатныя Дамы, сверхъ того, носили еще покрывало, или епанчу, которая прикрѣплялась золотою петлицею, и также доставала до земли.

Въ семдесять лѣтъ училась Ласѳенія Математикѣ, и не безъ успѣха. Однажды сказали ей, что она наслаждается завиднымъ спокойствіемъ и щастіемъ въ старости, о которой большая часть людей не могутъ безъ страху и подумать. — „Это потому, отвѣчала Ласѳенія, что я употребила одну часть своей жизни такъ, чтобы другую сдѣлать щастливою." — До восемьдесять пятаго года, на которомъ послѣдовала смерть ея, образъ жизни ея былъ все почти тотъ же, какой приняла она въ тридцать лѣтъ. Ласѳенія могла о себѣ сказать, что она жила, во всемъ смыслѣ этого слова, до самаго послѣдняго дня своего; потому что въ теченіе сего толь долгаго времени не была она ни разу тяжело больна.

Сія любезная философка имѣла чудное предчувствіе близкой своей кончины. Невѣріе смѣется надъ сими предвѣщаніями; мудрый дивится и сомнѣвается: ему такъ мало свѣдомо таинство причинъ, что онъ не полагается на свой разумъ. За три дня до своей смерти,

Ласѳенія позвала меня къ себѣ. Здоровье ея не было разстроено никакимъ сильнымъ припадкомъ; она приближалась къ концу своему, какъ свѣтлое солнце приближается къ западу. Когда я вошелъ, она встрѣтила меня съ яснымъ и покойнымъ лицемъ. — „Я провела цѣлое утро, сказала мнѣ Ласѳенія, разбирая это маранье, безполезное для потомства; но которое, занимая и научая меня, услаждало горестныя минуты моей жизни. Вотъ три только рукописи, которыя тебѣ оставляю; ты выдашь ихъ въ свѣтъ, естьли онѣ того стоютъ. Это трагедія; это разсужденіе о щастіи; а это политическое сочиненіе, которое обдумывала я сорокъ лѣтъ. Въ немъ разыскивается, какое правленіе есть самое лучшее для людей; искусство, доставить обществамъ наибольшую долю возможнаго щастія, есть предметъ занимательнѣйшій во всей Философіи. Ты увидишь, что я не защищаю народоначалія, которое есть не иное что, какъ безначаліе, прикрашенное обольстительнымъ именемъ сво-

боды. Эти Республики скоро исчезнутъ въ обширномъ владычествѣ самодержавія. Я слышала, нѣсколько уже тому лѣтъ назадъ, отъ мудраго Анахарсиса, что въ *Аѳинахъ разумные совѣтуютъ, а глупцы рѣшатъ.* У народа голова слишкомъ пуста, желудокъ слишкомъ слабъ для сваренія такой пищи, какова вольность. Но ты самъ можешь прочесть эту рукопись. Всѣ прочія мои ученыя работы осуждены на сожженіе, и сегодни же ихъ не будетъ." — Кь чему такая поспѣшность? можно подождать. . . — „Другъ мой! послѣдній часъ Ласѳеніинъ приближается; смерть у нее за плечами; она скоро соединится съ своими предками. По предчувствію ли, или потому, что можетъ быть душа наша, которая есть изліяніе Божества, заимствовала отъ Него нѣкоторое свѣденіе о будущемъ, я знаю, что близкая смерть моя несомнительна. Это тайна, которую ввѣряю одному тебѣ; слушай:

„Въ нынѣшнюю ночь я читала и размышляла. Вдругъ явился мнѣ мой

Геній, печаленъ, не увѣнчанъ цвѣтами, съ покрываломъ на головѣ. Увидѣвъ его, я вострепетала; но лишь тронулась съ своего мѣста, онъ исчезъ. Съ тѣхъ поръ внутренній голосъ говоритъ мнѣ: *черезъ три дни тебя не будетъ.* — Пожалуй не сказывай этого никому. Въ домѣ всѣ меня любятъ; я не хочу безвременно причинить имъ печаль; ихъ сѣтованіе, ихъ слезы поколебали бы мою твердость, смутили бы духъ мой." — Я слушалъ ее съ удивленіемъ и съ нѣкоторымъ страхомъ. Зналъ я, что по слабости и странности человѣческаго ума, она всегда вѣрила существованію Духовъ; я опровергалъ сіе явленіе и говорилъ ей, что существованіе Духовъ есть мечта, произведеніе нашихъ предразсудковъ. — Часто, отвѣчала она, желая подняться выше предразсудковъ, наконецъ прилѣпляются къ одному такому, которой заключаетъ въ себѣ всѣ прочіе. Отвергать существованіе Духовъ, значитъ не вѣрить ничему, что не подвержено нашимъ чувствамъ, и что выходитъ изъ круга обыкновенныхъ нашихъ

понятій. Но подумавъ нѣсколько, мы должны увѣриться, что разумъ нашъ ограниченъ, и что Натура имѣетъ множество таинствъ, которыя еще не открыты. Что духи или демоны существуютъ, въ томъ убѣждаетъ меня между прочимъ Аналогія. Всѣ произведенія Творчія сопряжены, по крайней мѣрѣ такъ кажется, постепенною, непрерывною цѣпью. Первое звено сей цѣпи есть вещество грубое, страдательное и неорганизованное, каковы ископаемыя; слѣдующее звено составлено изъ царства прозябаемаго; растенія имѣютъ движеніе, искру жизни, и можетъ быть темныя ощущенія. На берегахъ морскихъ нахожу я раковины, въ которыхъ примѣчаю больше жизни: это родъ животныхъ, частію принадлежащихъ къ царству растительному. Обозрѣваю землю, и вижу силу жизненности во всемъ ея дѣйствіи. Животныя, подобно намъ, имѣютъ раздѣльныя ощущенія, понятія, способны къ любви, и даже къ дружбѣ. Подобно намъ, они плодятся, множатся, воюютъ другъ съ другомъ, другъ друга

любятъ или ненавидятъ. Всякой родъ имѣетъ свое отличительное свойство и свой кругъ разумѣнія, болѣе или менѣе обширный. Напослѣдокъ вижу человѣка, съ возвышеннымъ къ небу челомъ; онъ составляетъ послѣднее звено сей длинной цѣпи. Но отъ него до самаго Божества какой промежутокъ! какая неизмѣримая пустота! И такъ здѣсь бы связь была прервана, и въ Натурѣ былъ бы недостатокъ; не могу этому вѣрить. Необходимость въ сцѣпленіи частей для образованія цѣлаго, заставляетъ думать, что это пространство занято безплотными существами, разумными силами, духами, довершающими постепенность между человѣкомъ и Божествомъ, такъ какъ животныя безсловесныя наполняютъ разстояніе между растеніемъ и человѣкомъ. — Положимъ, что это и правда; все однакожъ не могу я вѣрить предсказанію вашего Генія, судя по вашему здоровью, которое обѣщаетъ вамъ еще долгоденственную жизнь. — Другъ мой! не обманывайся блескомъ угасающей лампады.“ — Сказавъ

это, она продолжала жечь свои бумаги. Предвидѣніе это произвело во мнѣ невольнымъ образомъ сильное впечатлѣніе. Я весь день примѣчалъ за Ласѳеніею; наблюдалъ ея поступки, лице, слова, движенія ея души: она была совершенно покойна; на свѣтломъ лицѣ ея блистало тихое веселіе; — только я примѣтилъ, что она, не показывая впрочемъ ничего принужденнаго въ своемъ видѣ, приводила въ порядокъ свои дѣла; убѣгала уединенія, которое столько было ей любезно; старалась больше проводить время съ нами вмѣстѣ, и была чувствительнѣе обыкновеннаго въ своихъ ласкахъ.

На другой день она ушла отъ насъ. Я искалъ ее, и нашелъ въ кипарисной рощѣ, сидящую у подножія урны, въ которой должно было заключить прахъ ея. Въ рукахъ держала она книгу, и была въ глубокомъ размышленіи. — „Что дѣлаетъ здѣсь Ласѳенія, сказалъ я, одна, и въ такой задумчивости?" — Я читала безсмертное произведеніе Платоново, сего толь славнаго Федона,

вЪ которомЪ содержится сказаніе о смерти и послѣднихЪ разговорахЪ СократовыхЪ. Это чтеніе утверждаетЪ меня вЪ безсмертіи души; его достославная кончина приготовляетЪ меня кЪ сему ужасному переходу. Я сЪ нимЪ вЪ темницѣ, вижу роковую чашу; СократЪ возсылаетЪ моленіе кЪ небесамЪ, беретЪ чашу, и пріемлетЪ вЪ себя ядЪ. Слышу вопль и рыданіе друзей его; сЪ покойнымЪ лицемЪ онЪ укоряетЪ ихЪ вЪ семЪ малодушіи; ходитЪ, но почувствовавЪ тягость вЪ ногахЪ, ложится на одрЪ свой; смертный хладЪ разливается во внутренности и оледѣняетЪ его постепенно; невольникЪ прикасается кЪ ногамЪ его, онЪ не чувствуетЪ; наконецЪ мудрый говоритЪ послѣднее *прости* друзьямЪ своимЪ, которыхЪ онЪ оставляетЪ на землѣ однихЪ. Я надѣюсь, примолвила она, умереть также покойно. Шутя, написала я себѣ эпитафію, которая скоро вырѣзана будетЪ на этой урнѣ; тебѣ препоручаю обЪ этомЪ постараться. ВотЪ она:

Здѣсь лежитъ Ласѳенія, или лучше, здѣсь лежитъ ничто. Сіе ничто любило честность, и сдѣлало нѣсколько добра.

— Къ чему это! сказалъ я ей; все печальныя мысли! Какъ возможно, съ такимъ твердымъ разсудкомъ имѣть столько легковѣрія! — Другъ мой! Натура требуетъ у меня обратно того, что давала мнѣ въ заемъ. Смерть для меня не страшна: давно уже я къ ней приготовляюсь; она у меня передъ глазами, у меня въ мысли; она окружаетъ меня своими мраками, и однако я смотрю на нее безъ ужаса. Впрочемъ скоро узнаешь ты, есть ли предчувствіе это Божеское извѣщеніе, или слѣдствіе слабости и предразсудка." — Остатокъ дня провела она съ нами и нѣкоторыми изъ друзей своихъ, не показывая ни малѣйшаго знака скорби, но часто обращая рѣчь на существо души, на ея безсмертіе и на мнѣнія Философовъ о будущемъ ея существованіи. — „Гдѣ была эта душа, говорила Ласѳенія, прежде соединенія своего съ веществомъ? что дѣлаетъ она во время нашего сна, или

когда тѣло бываетъ въ состояніи безчувственности? отъ чего столь безсильна, столь бездѣйственна она въ младенчествѣ, и столь слаба въ старости?" — Примѣтно было, что ей хотѣлось жить и по разрушеніи бреннаго ея состава; что она желала просвѣтиться свѣтомъ великихъ мудрецовъ и укрѣпить себя ихъ мнѣніемъ.

На третій день, которому, по ея предчувствію, надлежало быть роковымъ предѣломъ земнаго ея теченія, побѣжалъ я къ ней въ комнату, лишь только она встала. Лице ея показалось мнѣ не такъ ясно, какъ обыкновенно; она признавалась, что проснувшись и вспомнивъ, что пробуждается въ послѣдній разъ, чувствовала тягость на сердцѣ, и не могла смотрѣть на окружавшіе ее предметы, съ которыми надлежало разстаться навсегда и безъ слезъ. — „Но прости мнѣ, Антеноръ, примолвила она съ спокойствіемъ неустрашимости, прости мнѣ сію слабость; это послѣдній мой вздохъ о жизни." — День начался уже, и Ласов-

нія также здорова, какъ и вчера. — „Подожди, онъ еще не прошелъ, а только начался.“ — Вь этотъ день созвала она искреннѣйшихъ друзей своихъ, велѣла изготовить большой столъ, и сама угощала насъ съ обыкновенною своею пріятностію и непринужденностію. Разумъ ея, казалось, блисталъ новымъ свѣтомъ: она была душею и услажденіемъ бесѣды. Ахъ! это последній блескъ метеора, уже погасшаго.

Послѣ стола былъ концертъ. Когда жъ онъ кончился и въ домѣ не осталось никого, кромѣ своихъ, Ласѳенія почувствовала нѣкоторую дрожь, и приказала развести огонь. Сидя подлѣ него, разсуждала она о скоротечности жизни. — „Такъ, говорила она, жизнь подобна молніи, — и однако восемьдесять лѣтъ уже, какъ, послѣ вѣчности небытія, оживотворена пылинка, и эта пылинка была я. За чемъ существовала я на землѣ? гдѣ тѣ дни, мѣсяцы, часы, которые часто тяготили меня, и которыхъ такъ часто желала я ускорить

бѣгъ? Все погрузилось въ бездну времени; самое время изчезнетъ. Иду дать отчетъ въ дѣлахъ моихъ сему верховному Существу, единою мыслію творящему и разрушающему: я уповаю на благость Его. Не была я причастна ни пороку, ни злобѣ, и дѣлала добро, когда могла. Но сходи пожалуй, возьми Ѳеофраста (это былъ любимой ея Авторъ); ты мнѣ прочтешь изъ него что нибудь. — Когда я принесъ книгу, она развернула ее и сказала: прочитай этотъ отрывокъ; онъ писанъ моею рукою. Я взялъ книгу и читалъ:

„Ѳеофрастъ, въ глубокой старости, приказывалъ носить себя на носилкахъ въ городъ. Народъ тѣснился вокругъ мудреца въ восхищеніи, что его видитъ, и изъявлялъ ему глубокое свое почтеніе. Онъ вмѣстѣ кончилъ и труды свои и жизнь. Вся Греція оплакивала его, и всѣ Аѳины присутствовали на его погребеніи.“ — Ахъ! сказала она, перервавъ чтеніе, мои друзья также будутъ плакать обо мнѣ! Продолжай. — „Будучи на смертномъ одрѣ, говорилъ

мудрецъ окружавшимъ его ученикамъ слѣдующее : — „Жизнь прельщаетъ насъ, однакожъ она подобна тѣмъ невоздѣланнымъ полямъ, на которыхъ родится болѣе волчцу и горькаго зелія, нежели пріятныхъ плодовъ. Жизнь была бы человѣку несносна, естьлибъ надежда не сопутствовала ему и не облегчала трудностей его странствія. Слава сулитъ намъ великія удовольствія; не вѣрьте, это скороугасающій блескъ, которой обольщаетъ насъ и вводитъ въ заблужденіе. Однако жъ, любезные мои друзья, слѣдуйте своей склонности. Пренебрегая славу, вы избавите себя отъ великихъ тягостей и безпокойствъ; но естьли имѣете довольно бодрости стремиться за нею, быть можетъ она сдѣлается вашею наградою. Помните только, что всѣ почти предпріятія, заботы, желанія, обуревающія жизнь нашу, суетны и ничтожны; это тонкіе пары, скопляющіеся ночью, но при свѣтѣ дня изчезающіе.“ — „Вѣрю, сказала Ласѳенія. Сколько предметовъ прежде казались мнѣ важными,

занимательными, а теперь кажутся сущею малостію!" — О друзья мои! что за непостижимое существо человѣкЪ! какое странное смѣшеніе безумныхЪ страстей и толь мудрыхЪ разсужденій! бытіе столь краткое, и предпріятія толь дальновидныя! столько познанія о вещахЪ почти безполезныхЪ, и глубокое невѣденіе того, что наиболѣе для него важно! Эта мыслящая сила, которая такЪ видитЪ далеко, и не можетЪ понять себя! напослѣдокЪ это ненасытное алканіе щастія, сЪ толь ничтожными знаніями и средствами кЪ достиженію его!" — ЗенонЪ сказалЪ, примолвила Ласѳенія, что благополучнѣйшая минута вЪ жизни есть та, когда мы оставляемЪ ее." — ТутЪ она вздохнула тяжело; я продолжалЪ свое чтеніе: — „Естьли бЪ люди были долговѣчнѣе, то усовершенствовали бы науки и сдѣлали гораздо большія открытія. Я умираю вЪ то самое время, когда начинаю учиться и образовать свой разумЪ." — „Я думаю такЪ же: ахЪ! я не имѣла времени для науки!" — Едва

Ласѳенія выговорила сіи послѣднія слова, какъ упала ко мнѣ въ объятія; я зову ее, она открываетъ глаза, пожимаетъ мою руку, и — умираетъ.

Такъ скончалась сія несравненная женщина, которой скромность и самая Философія помѣшали прославиться. Въ разумѣ, дарованіяхъ и красотѣ не уступала она Леонтіи и Аспазіи, но превосходила ихъ Философіею души: тѣ были Философки по правиламъ, и можетъ быть изъ нѣкотораго тщеславія; Ласѳенія жъ по врожденной склонности, безъ оказательсства, безъ напряженія, и, такъ сказать, безъ вѣдома своего. Не смотря на то, Леонтія и Аспазія оставили по себѣ великую славу, а Ласѳенія жила только въ памяти друзей своихъ, и имя ея изчезло вмѣстѣ съ ними. Щастливъ буду, естьли, принося ей здѣсь дань похвалы и признательности, произведу въ потомствѣ такое жъ удивленіе и почтеніе къ ней, какое пріобрѣла она отъ своихъ современниковъ!

Смерть Ласѳеніи погрузила меня въ глубокую печаль, которую время облегчило нѣсколько, но не истребитъ никогда. Давно уже лишился я Фанора и Аѳенаиды; моя супруга не долго жила послѣ сестры своей; двое дѣтей, которыхъ я имѣлъ отъ нее, умерли въ малолѣтствѣ. Такимъ образомъ, подобно Девкаліону и Пиррѣ, я совершенно осиротѣлъ на землѣ, окруженъ развалинами и трупами, и утомленъ долготою жизни, разлучающею меня со всѣмъ тѣмъ, что было сердцу моему дорого и любезно. Одинъ, безъ друзей, не будучи ни къ чему привязанъ, я блуждаю, кажется, между тѣней, и земля сдѣлалась для меня глубокою пустынею.

Ласѳенія, съ самыхъ молодыхъ лѣтъ своихъ, предписала себѣ правила. — „Человѣку, говорила она часто, окруженному мракомъ предразсудковъ и заблужденій, нуженъ свѣтильникъ нравственности; подобно какъ въ темнотѣ ночной нужна лампада для указанія ему пути.“ —

Вотъ правила ея, точь въ точь; какъ я нашелъ ихъ въ бумагахъ покойной:

„Не стараться умножить своего имущества, употреблять его съ бережливостію, и пользоваться имъ.“

„Гораздо болѣе цѣнить удовольствія ума и сердца, нежели удовольствія чувствъ.“

„Имѣть возможное снисхожденіе къ людямъ; одолжать ихъ не для прибыли и не для полученія отъ нихъ благодарности, но по долгу человѣчества; уважать ихъ правила и мнѣнія публично, но принимать ихъ не иначе, какъ по зрѣломъ изслѣдованіи.“

„Брать совѣсть свою въ посредники между собою и людьми.“

„Не пропускать ни одного дня, не употребивъ нѣкотораго времени на ученіе; потому, говорила она, что кто не подается впередъ, тотъ отступаетъ назадъ.“

„Предпочитать должности удовольствіямъ, удовольствія славѣ.“

„Никогда не ссорить своего самолюбія съ самолюбіемъ другихъ.“

„Приправлять отдыхъ усталостію, наслажденія лишеніями.“

„Жить больше въ деревнѣ, нежели въ городѣ; больше въ уединенїи, нежели въ свѣтѣ."

„Мало думать о смерти, потому что мысль объ ней прискорбна и безполезна, и не научаетъ умирать: за то больше и заблаговременно помышлять о старости; запасать для зимы жизни своей наслажденїя и все нужное, потому что старость продолжительна, а смерть — минута."

Хулѣ противупоставлять неукоризненное поведенїе, злобѣ кротость, а неблагодарности забвенїе сдѣланныхъ благодѣянїй."

„Отказывать иногда своимъ нуждамъ для вспоможенїя неимущему."

„Предпочитать доброе имя знаменитости, добродѣтель дарованїямъ.

КОНЕЦЪ

третьей и послѣдней Части.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Стран.

Стран.

У содержателей Университетской Типографіи, *Люби, Гарія и Попова*, въ ихъ книжныхъ лавкахъ: на Тверской, на Ильинкѣ, и на Никольской улицѣ, сверхъ многихъ другихъ продаются и слѣдующія книги:

Анекдоты и характеристическія черты изъ жизни Бонапарте, открывающія духъ и свойства его, выбранныя изъ всѣхъ тѣхъ Писателей, которые когда-либо писали о семъ Героѣ. — Переводъ съ Нѣмецкаго. М. въ 12. 1803 г. — Сіе собраніе содержитъ въ себѣ 59 анекдотовъ о первомъ Консулѣ Франціи, взятыхъ изъ военнаго его поприща, и приносящихъ честь геройству, рѣшимости, неустрашимости и военнымъ добродѣтелямъ, его украшающимъ. Чтеніе ихъ пріятно и занимательно; — вѣроятно, книжка сія найдетъ много Читателей, и они не безъ удовольствія останутся. — Въ папкѣ 65 коп.

Арабскія новыя сказки, состоящія въ осьми Томахъ, съ Французскаго. Сказки сіи точно въ такомъ же родѣ, какъ и извѣстныя подъ названіемъ: Тысяча и одна ночь. Читатель найдетъ въ нихъ, такъ какъ находилъ и въ тѣхъ, красивой слогъ, искусное расположеніе необыкновенныхъ приключеній, занимательность и нравоученіе, смѣсь пріятнаго съ полезнымъ, каковыя достоинства вѣрно одни причиною тому, что сіи произведенія пылкаго и изобрѣтательнаго воображенія переведены почти на всѣ Европейскіе языки, нравятся любителямъ пріятнаго чтенія и всегда будутъ нравиться. Смлнскъ. въ 12. въ пер. 9 руб. 60 коп.

Арфаксадъ, Халдейская повѣсть, содержащая въ себѣ образъ жизни и нравовъ древнихъ Восточныхъ народовъ, новыя возстановленія чиноначалія, низпроверженіе независимости, соединенія обществъ, царствъ, воздвиженіе городовъ, первоначальныя причины браней, съ помѣщеніемъ въ приличныхъ мѣстахъ нравоучительныхъ разсужденій, къ различнымъ предметамъ относящихся; сочиненіе Россійское, 6 Томовъ, со многими картинами. Николаевъ въ 8. въ пер. 12 руб. 40 коп.

Архитектура, о пяти Чинахъ, или Орденахъ оной Себастіяна ле Клерка, по правиламъ Виніёловыхъ, съ прибавленіемъ Французскаго Чина, со многими рисунками; изданіе второе. Спб. въ 8. въ пп. 2 руб. 20 коп.

Имена Господъ, споспѣшествовавшихъ изданію Антеноровыхъ Путешествій *благоволеніемъ своимъ на оныя подписаться.*

	Экз.
Его Благородіе Петръ Петровичь Зубковъ, на Любской.	1
Его Высокоблагородіе Иванъ Андреевичь Петровскій, на бѣлой.	1
Его Благородіе Алексѣй Федоровичь Алексѣевъ, на бѣлой.	1
— — Петръ Александровичь Александровъ, на бѣлой.	1
Его Высокоблагородіе Василій Володимировичь Шереметевъ, на бѣлой.	1
— Превосходительство Иванъ Ивановичь Демидовъ, на Любской.	1
Г. Купецъ Федоръ Антоновичь Зайцовъ, на бѣлой.	1
Его Высокородіе Николай Николаевичь Сандуновъ, на бѣлой.	1
— Сіятельство Графъ . . . . . . Санти, на бѣлой.	1
Ея Сіятельство Графиня Варвара Сергеевна Васильева, на бѣлой.	1
Неизвѣстныя Особы, на бѣлой.	5
Его Высокоблагородіе Яковъ Степановичь Есиповъ, на Любской.	1
Ея Высокопревосходительство Елисавета Васильевна Хераскова, на бѣлой.	1
. . . . . . Татьяна Федоровна Апачинина, на бѣлой.	1
Его Превосходительство Федоръ Петровичь Ключаревъ, на Любской.	1

)(

Экз.

Московской купецЪ Матвей Петрович ГлазуновЪ, на бѣлой. 2
Его Превосходительство . . . . ЛевашовЪ, на бѣлой. 1
Его Высокоблагородіе ИванЪ Антонович МитрофановЪ, на бѣлой. 1
Его Благородіе ИванЪ Петрович Мартень, на Любской. 1
— Высокоблагородіе Николай Александрович СкрипицынЪ, на Любской. 1
Его Превосходительство ПавелЪ Никитичь КаверинЪ, на бѣлой. 1
. . . . . АлександрЪ Петрович ОрловЪ, на бѣлой. 1
Его Превосходительство ИванЪ Васильевичь СтупишинЪ, на бѣлой. 1
Его Высокоблагородіе, ПетрЪ Иванович ВешняковЪ, на Любской. 1
Его Превосходительство Василій Иванович НелидовЪ, на Любской. 1
Г. КупецЪ ПавелЪ Афанасьевичь КирьяковЪ, на бѣлой. 1
Его Благородіе Матвей Петрович ПономаревЪ, на Любской. 2
: : . . : . ПавелЪ Иванович ЗубатовЪ, на Любской. 1
Его Сіятельство Князь ПетрЪ Сергеевичь Вадбольской, на Любской. 1
Его Благородіе ЯковЪ Степанович СмирновЪ, на бѣлой. 1
Его Превосходительство ПетрЪ Андреянович ПозняковЪ, на бѣлой. 1
Его Высокоблагородіе ЯковЪ Евграфович АрсеньевЪ, на бѣлой. 1
Г. КупецЪ КонстантинЪ Артемьевичь КарповЪ, на бѣлой. 1
Его Высокоблагородіе ФедорЪ Васильевичь ЕрмоловЪ, на бѣлой. 1

Экз.

Г. Купецъ Иванъ Васильевичь Кониховъ, на бѣлой. 1

Его Благородіе Иванъ . . . Тверитиновъ, на бѣлой. 1

Его Высокоблагородіе Егоръ Семеновичь Хвощинской, на бѣлой. 1

. . . . Иванъ Александровичь Петенъ, на бѣлой. 1

Его Благородіе Федоръ Ильичь Ладыженской, на Любской. 1

. . . . Дѣвица Анна Николаевна Матюшкина, на бѣлой. 1

Главная Контора Россійско-Американской Компаніи, на бѣлой. 1

Г. Корачевской купецъ Иванъ Яковлевичь Сытинъ, на бѣлой. 7

. . . . Дѣвица Дарья Яковлевна Засѣцкая, на бѣлой. 1

. . . . Николай Николаевичь Муравьевъ, на Любской. 1

. . . . . Петръ Ивановичь Левашовъ, на Любской. 1

. . . . . Анна Александровна Турчанинова, на бѣлой. 1

Его Превосходительство Иванъ Александровичь Заборовской, на бѣлой. 1

. . . . . Степанъ Степановичь Апраксинъ, на бѣлой. 1

Его Сіятельство, Князь Петръ Дмитріевичь Ухтомской, на бѣлой. 1

— — Графъ Сергей Васильевичь Салтыковъ, на бѣлой. 1

. . . . . Александръ Александровичь Линкевичь, на бѣлой. 1

. . . . . Петръ Авксентьевичь Дурново, на бѣлой. 1

Петръ Николаевичь Иниховъ, на бѣлой. 2

Экз.

Его Превосходительство ИванЪ Петрович ТургеневЪ, на Любской. 1

Его Высокоблагородіе Василій Петрович ИвановЪ, на бѣлой. 1

Его Благородіе ПетрЪ Александрович РахмановЪ, на бѣлой. 1

Его Превосходительство Николай Николаевичь БантышЪ-Каменской, на бѣлой. 2

Его Высокородіе, ПавелЪ Крестьянович БезакЪ, на бѣлой. 1

Его Высокоблагородіе АлександрЪ Родіонович СунгуровЪ, на бѣлой. 1

Его Благородіе ИванЪ Иванович Богословскій, на бѣлой. 1

Г. Тульской купецЪ Николай Федорович КрасноглазовЪ, на бѣлой. 1

Его Высокоблагородіе, ИванЪ Григорьевичь Рогуль, на бѣлой. 1

Его Благородіе СеменЪ Дмитріевичь СитниковЪ, на бѣлой. 1

Гг. Московскіе купцы: ТрофимЪ Евсеевичь АкоховЪ и ИванЪ Акимович КозыревЪ, на бѣлой. 20

Г. Санктпетербургскій купецЪ Василій Степанович СопиковЪ, на бѣлой. 25

Г. Московскій купецЪ Михайла Васильевичь ПоповЪ, на бѣлой. 20

Его Высокоблагородіе ПетрЪ Иванович ВоронцовЪ, на бѣлой 1

— — Василій Федорович КудрявцевЪ, на Любской. 1

— Превосходительство ЕвграфЪ Михайлович ЯзыковЪ, на бѣлой. 1

— Высокоблагородіе . . . . РодіоновЪ, на Любской. 1

Ея — — Елисавета Васильевна Чихачева, на бѣлой. 1

Экз.

Его Высокоблагородіе Петръ Лаврентьевичь Селецкой, на бѣлой. 1

— — Николай Петровичь Диринъ, на Любской. 1

Его Высокородіе Михайла Антоновичь Шишковъ, на Любской. 1

Его Высокоблагородіе Николай Степановичь Сумороковъ, на бѣлой. 1

Его Благородіе Василій Алексѣевичь Левшинъ, на бѣлой. 1

— Высокородіе Борисъ Петровичь Кроминъ, на бѣлой. 1

— Благородіе Григорій Федоровичь Левенцъ, на Любской. 1

. . . . Иванъ . . . . . Яснопольской, на бѣлой. 1

Его Высокоблагородіе Иванъ Юрьевичь Гинцъ, на бѣлой. 1

. . . . Иванъ . . . . . Рязанцовъ, на бѣлой. 1

Его Благородіе Егоръ Федоровичь Музайко, на бѣлой. 1

Его Высокоблагородіе Николай Петровичь Щербининъ, на бѣлой. 1

— — Никонъ Андреевичь Андреевъ, на бѣлой. 1

Г. Харьковской купецъ Дмитрій Анисимовичь Борымовъ, на бѣлой. 1

Его Превосходительство Егоръ Гавриловичь Герцивановъ, на бѣлой. 1

Его Превосходительство Александръ Борисовичь Сонцовъ, на бѣлой. 1

Г. Московской Имянитой Гражданинъ Василій Гавриловичь Жигаревъ, на бѣлой. 1

Г. Московской купецъ Прокофій Григорьевичь Шапошниковъ, на бѣлой. 1

Экз.

Г. Вятскій купецъ Иванъ Осиповичь Чураковъ, на бѣлой. I

Г. Серпуховской купецъ Николай Никифоровичь Кирпичовъ, на бѣлой. I

. . . . Филипъ Петровичь Сверчковъ, на бѣлой. I

Его Благородіе Николай Максимовичь Лугининъ, на бѣлой.

— — Иванъ Михайловичь Михайловъ, на бѣлой. I

— — Иванъ Матвеевичь Поспѣловъ, на бѣлой. I

Его Сіятельство Графъ Артемій Ивановичь Воронцовъ, на бѣлой. I

20zł

